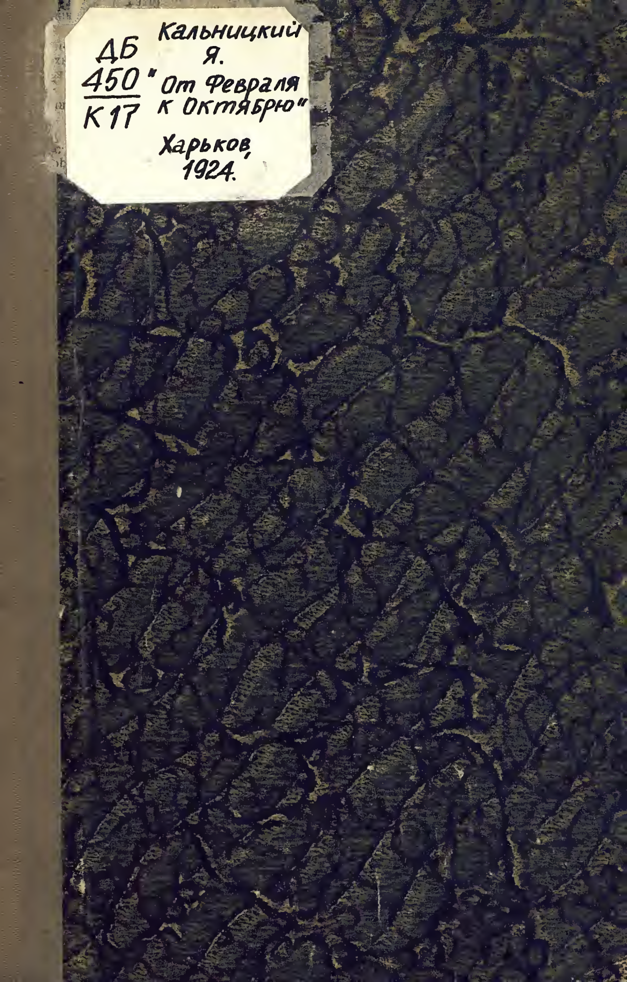
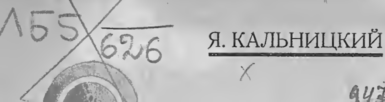

ДБ
450
К17
Кальницкий
Я.
"От Февраля
к Октябрю"
Харьков,
1924.

Я. КАЛЬНИЦКИЙ

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

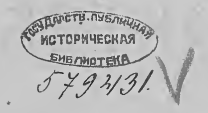
ВОСПОМИНАНИЯ ФРОНТОВИКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1924

Типография Госиздата Украины
им. Г. И. Петровского, Харьков

РУП № 8650 Зак. № 2751 Тираж 5.000

Свой труд посвящаю героической Красной Армии.

Автор

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Печатаемые воспоминания рядового участника фронтовой жизни, охватывающие период между революциями: Февральской и Октябрьской — редкий документ гражданской войны.

Тем более ценны воспоминания т. Кальницкого, что в громадном уже изданном материале о 1914 — 1917 г.г., почти нет продукции рядовых участников событий, — из масс.

Читателю следует учесть, что печатаемые воспоминания касаются жизни только одного полка в армии, и что в книжке настроения солдатских масс часто рассматриваются под впечатлением событий в отдельном полку.

Нужно еще принять во внимание, что в описываемый период автор находился под влиянием соглашательских лозунгов буржуазной Февральской революции Но этим не умаляется ценность воспоминаний.

Настоящая книжка выпускается к десятой годовщине империалистической войны потому, что империалистическая война — это прелюдия к мировой пролетарской революции. И период между Февралем и Октябрем 1917 года, дал русской армии тот конец, который успешно завершил дело возмущения рабоче-крестьянских масс России против буржуазии.

ОТ АВТОРА

Эпоха капиталистического господства, вполне естественно, для условий сопровождающих власть жадных собственников, привела к мировой войне. Мировая война в конец разорившая капиталистическое хозяйство, исчерпала его жизненные фонды и тем самым положила начало концу господства капиталистов.

С этой точки зрения необходимо рассматривать империалистическую войну 1914—1918 г.г., как конец определенной хозяйственной эпохи.

Естественно, что определение нового хозяйственного уклада не могло пройти безболезненно. Умирающая буржуазия все еще достаточно сильна, чтобы добровольно не уступать место новому быту, новым принципам производства и потребления. Отсюда гражданская война, интервенции, тайная и явная контр - революция.

В своей книжке я не задавался целью дать литературный шедевр. Не хотел я блеснуть и новыми вариантами пережевываний всем известных событий; моя задача гораздо проще и понятней.

На империалистической войне, в кузнице перелома жизни, участвовали далеко не все граждане. Факты, приведшие старую армию к октябрю, настолько интересны и поучительны, что, мне кажется, следовало бы всем знать условия, в которых выкристализовалось у тупого забитого русского солдата революционное сознание, сделавшее его впоследствии властелином одной шестой части земного шара и грозой всего гниющего старого человечества.

И вот об этих-то условиях, о причинах, способствовавших наростанию решающаго фактора в борьбе за власть пролетариата, сознания масс, я и пишу здесь. Пусть не осудит

читатель за некоторую сумбурность изложения, за возможно излишнюю сентиментальность. Не мастер пера преподносит ей произведение, а счастливо избежавший участи миллионов товарищей, скорбящий о погибших братьях, грамотный человек делится своими воспоминаниями о великих днях, приведших к изменяющему уклад всей, до сих пор, косной жизни, Октябрю.

Во второй части книги, я, по мере сил моих, расскажу о простых минутах неисчерпываемого, неописуемого героизма уже раскрепощенных рабочих и селян.

Пусть правда моих строк отгонит последние надежды у врагов наших, пусть вольет она бодрость в сердца усталых товарищей, которые в каждом штрихе увидят прожитое. Пусть жаждой подвига окрылит она сердца нашей смены, молодых, готовящихся к борьбе, красных орлят.

Я. Кальницкий

I

В тылу

Я снова на военной службе. На этот раз в 86 пехотном запасном полку 35 дивизии.

Ночи проведенные в борьбе со всякого рода паразитами на неструганных жестких нарах, сменялись серыми мучительными днями с однообразными занятиями на 15 — 20 градусном морозе, без достаточно теплой одежды, без перчаток. Холодная винтовка жгла пальцы, уши и нос мерзли, пальцы на ногах неугомонно зудя щемили до слез, а синее тело билось в рванной одежде под аккомпанимент щелкающих зубов.

Немудрено, что при такой экипировке рота была бравой. Перестроения бегом, колотье чучела и прочие совершенства военной науки охотно проделывались нами, ибо быстрое движение на воздухе согревало тело.

«Молодой, да из ранних», прапорщик Виноградов, «знаток военного дела», до 1917 года умудрявшийся сидеть в тылу, особенно налегал на перестроения бегом. Он любил, отойдя с невинным видом шагов на 500, неожиданно скомандовать: «Рота ко мне!». И из самаго разбросанного - «рассыпного» строя, по глубокому снегу, до потери дыхания, бежали мы вперегонку к его вытянутым перпендикулярно туловищу рукам и строились за ними повзводно.

Каждый день был похож на другой, как солдатские обеды.. Но новым в них было то, что они приближали весну, а вместе с нею и перемену в положении.

«Знамо дело, как потепляить, так значить и на хронт. Потому как весной наступления значить будить». Кое-кто был недоволен столь привлекательной перспективой, но большинство было радо предстоящей отправке в действующую армию· «Хучь и опасна, да хлеба 2 хунта в день, к тому же коль тепло, то

помоешься, и вшу выбьеш на солнышке, да и отоспаться можна. А занятиев таких на хронте нетути, да и ротного с... такой не будет. А бить по морде не смей. Потому, как приказ такой вышел. Ну, а ежели к примеру ранють, тогды брать вообче: прошшай мусю, домой качу».

Так рассуждали старые, по 2—3 раза раненые солдаты из которых состояла наша рота. Но чувствовалось, что этими рассуждениями они стараются отмахнуться от навязчивых представлений о доме, семье, с которой многие из них были разлучены по несколько лет. У фронтовика в тех условиях понятие о доме роковым образом переплеталось с понятием о тяжелой ране, госпитале, комиссии. Просто попасть домой — невозможно. Это редкое счастье халуев[1]), «а нам где уж».

Конца войны перестали ждать еще в 1916 году. Надежды на скорый конец ее были скомпрометированы целым рядом предсказываемых сроков, от 4 месяцев «до 66 лет», которыми всевозможные фронтовые и тыловые философы ограничивали время военных действий. И казалось, что так и будет продолжаться эта кровавая бессмыслица пока... «побьем немцев»... «Да нет не побить! Нас не побьет и мы его не побьем». «До каких же пор?». «Знамо до каких, — пока народ есть, значить и война будет». Круг этих мыслей замыкался светлым пятном представления о ране.

Иногда кое-кто из бывших рабочих затягиваясь цыгаркой, в серой полутьме спящих казарм, шопотом делился со своим соседом по нарам новоткрытыми мыслями, приблизительно в следующем духе: «Кабы рабочие да перестали снаряды лить, а железнодорожники поезда водить, вот тогда и повоюй»... «Что-ж?», отвечал пессимист — сосед: «Армию послали бы на рабочих».

«Нас бы послали, а мы бы не стреляли, вот»... продолжал первый.

«Ладно. Мы перестали бы снаряды лить, армию возить, а немец бы нас и прихлопнул».

«Ну уж и — прихлопнул?! Чай слыхал про социалистов? Так энти самые социалисты, интернационал сделали!.. Шчас притихли, а как время придет, тогда значит и в Германии, и во Франции, и везде значить... баста!» Но слова эти пропадали, как метеор в небесной пустыне. Хоть не знали, но

[1]) Презрительное название деньщиков и проч. офицерской прислуги.

чувствовали солдаты, что от «сицилистов» из 2 интернационала ждать помощи не приходится. К тому же нередки были встречи бывших рабочих с такими социалистами в районе военных действий, беспечно воюющими до победного конца где-нибудь в «д. арм.», верст за 150 от фронта. Петушиные костюмы земгусаров, шампанское и общество титулованных сестриц, лучше всякой агитации открывали глаза осолдаченным рабочим.

Итак, мы ждали отправки на фронт...

Сытый ротный писарь часто начал бегать со списками в штаб полка, а в ротный цейхгауз свезли новую экипировку: стекляные бутылочки, какие то мешочки, чехольчики, кирки, лопаты топоры... На занятиях начали усиленно проходить прикладку. Рота готовилась к практической стрельбе. По всем этим признакам мы знали, что скоро погрузят в «шалон» и повезут на фронт. Ни с того, ни с сего 13 марта н. ст. заставили усиленно чистить и мыть казармы, а свободных от этой работы снова начали обучать исскусству «отвечать». «Дравь жлам вашьскобродь», «как один», дружно отвечала рота. «Кадровая шкура», взводный Гордиенко был доволен, а мы знали, что к нам жалует какое-то высшее начальство.

Действительно, во время занятий на улице, после одной из команд «рота ко мне», прапорщик Виноградов вдруг загремел: «Смир... р... р... на!» «Ррррavняйсь!» Снова «Смиррррна» и затем оправив амуницию, смакуя слова команды, заорал: «начальник справа, ррррота слушай, на кррррра-ул!» Мы быстро вскинули винтовки и с последним счетом, «как один» повернули головы направо.

По разрыхленному дыханием весны, снегу к нам приближалась группа высшего начальства. Впереди ясно выделялась круглая короткая фигура командира полка, полковника Кондратенко, за особую жестокость прозванного солдатами «зверюгой», за ним уступом выступал слегка сгорбленный командир баталиона, подполковник Зибени, а уже за тем, тоже уступом, шел наш номинальный ротный командир, прапорщик Саломатин. Полуротный, прапорщик Виноградов, убедившись, что рота правильно «замерла», с шашкой наголо, отправился навстречу начальству «для отдания рапорта». Приняв рапорт, командир полка со свитой, к которой сзади всех и тоже уступом присоединился прапорщик Виноградов, направился к нам. «Здарово м...ладцы!» гаркнул «зверюга». — ...Дравь жлам вашвскобродь!» ответила рота...

Вопреки обыкновению «зверюга» никого не арестовал, никого не отправил под ружье и, даже не сделав пробнаго учения, вскоре удалился, гаркнув на прощанье: «Молодцы ребята!»... Странным нам это показалось, но еще более удивил нас Зибени, когда сведя фланги роты, необычно начал с нами беседу словами: «так господа»... Затем в коротких словах об'яснив, что последние неудачи на фронте произошли благодаря халатности высшего начальства, что государственная дума по этому поводу производит расследование и назначит новых правителей, из пользующихся доверием народа лиц, которые смогут организовать победу над врагом, что к царю в ставку поехала делегация, закончил словами: «Итак, мы надеемся, господа, что Вы поймете сколь опасны в настоящее время всякие волнения, а потому прошу Вас учиться и терпиливо ждать распоряжений».

Несмотря на то, что Зибени был и до сих пор известен как либеральное исключение, сегодня мы никак не могли понять его. Революция? Это слово давно было выброшено из нашего лексикона и его не только произносить, но и думать о нем боялись. Да и какая там революция? Просто «начальство передралось меж собой, чтоб дольше воевать».

Заниматься в этот день мы больше не могли... Гордиенко, как-то притих, а Виноградов исчез вместе с Соломатиным.

Возвратившись в казармы и послав артельщиков за обедом, солдаты разбившись на небольшие группы, оживленно беседовали, комментируя речь Зибени, а толком — в чем дело никто не знал.

После обеда пришел ротный командир и об'яснил, что в Питере и Москве солдаты присягнули Временному Комитету Государственной Думы, а завтра и к нам приедут для приведения к присяге «делегаты» от временного комитета солдат и рабочих. Пока же, немедлено, мы должны выбрать 2 делегатов в полковой комитет...

Мы совсем сбились с толку... В чем дело? Что за «штатское» обращение сегодня у Саломатина? Чего это начальство с нами вообще разговаривает?.. Необычность насторожила, а кем-то пущенный слух, что все это «брехня», просто в Москве и Петрограде бастуют солдаты, а начальство отводит нам глаза разговорами, чтоб и мы не забастовали, побудил нас поскорей выбрать депутатов в полковой комитет.

До вечера занимались словесностью... даже не занимались, а сидели для приличия. «Шкура» Гордиенко с самого обеда

прекратил изощряться в трех-этажных художествах, а вместо обычного чтения устава и вопросов, заискивающе пошучивал, главным образом, с бывшими на плохом счету солдатами.

Вечером, как-то неожиданно, толки и споры, оживлявшие солдатские группы, перекидываясь из одной в другую, перепутались и часов в 8 вечера стихийно образовалось общее собрание.

В наполненной паром и махорочным дымом комнате собрались солдаты, свои и чужие, знакомые и незнакомые... Прибежали с постов дневальные, кашевар и рабочие с кухни, деньщики нашего начальства и даже сидевший «до суда» за дезертирство на гауптвахте младший унтер-офицер Мишкин. Никого не удивило его присутствие. Все настолько были заняты предстоящим общим собранием, что не интересовались причинами его освобождения.

Передние уселись, а задние стали на койках и нарах. Взводный Гордиенко услужливо зажег большую висячую лампу. Ее тусклый свет не мог пробиться сквозь густые клубы пара и дыма и большая погруженная в полумрак комната с желтым мутным пятном света и облаками пара по средине, с растворившимися в мраке стенами, напоминала собой фантастический темный грот...

Разместились... смолкли, ждут... Нет опыта... Впервые на собрании... Никто не берет на себя инициативы...

Вновь перекатываются оспариваемые сообщения в напряженной толпе. Вдруг унтер-офицер Брежнев вскакивает на священный стол «шкуры». На этот раз Гордиенко не ругается, не гонит со стала... Ни к кому ни обращаясь Брежнев возбужденно кричит:

«Неправду говорит Сапронов. Я сам там был... Все слышал».

«Говори, говори!». Кричит толпа...

«Тише, дьяволы!» кричит смеющийся Мишкин.

Все смолкают. Тихо... Напряженно тихо... Даже дыхания не слышно...

«Так, что значить, братцы, был я у камитете... Там уже другие полки дипутатов посадили и рабочие там сидять... Губирнатора аристовали, значить»...

Легкий гул одобрения бодрым рокотом проносится по комнате. «Полиция поубегала, а кого поймали—аристовали. Из тюрьмы всех повыпускали, из гауптвахты тоже. Только там один прапорщик пускать не хотел, стрелять начал... ну яво часовой и прикончил, потому не нарушай на гауптвахте порядка. Вы

тут сидели, да увольнительных записок ждали, а солдатня вся весь день на улице и никого не боится. Так вот в комитете значить засидание было. Ну значить выборный, молодой такой, да толковый парняга, из рабочих видно, и говорит: Революция, говорит, только начинается. Москва и Питер, говорит, красные, а вот, говорит, провинцию надо тоже к присяге привести, да гарнизон, говорит, об'единить надо, от правакации предохранить, а для связи, говорит, надо кого в Москву послать... Да, говорит, свою охрану организовать надо, чтоб старорежимники чего не напакостили. Потом это читает: По постановлению исполнительного комитета совета солдатских и рабочих депутатов, аристован губернатор! Ну я как все это услыхал, братцы, больше стерпеть не мог. Скорей этта сюда... — С вами все обсудить, что да как. А Сапронов зря этта говорит, что все обман один. Не, братцы, сам видел и слышал!».

С этими словами Брежнев спрыгнул со стола, а солдаты медленно соображая, молча ждали об'яснений.

На столе появился Мишкин. Его и не узнать. Выросла, вытянулась фигура. Глаза горят, губы сжаты и нет на них обычной плутоватой улыбочки. Негромко, но внятно и резко начал он...

«Что рты разинули?! Аль не поняли? Рыволюцыя! Знаете, что это такое, ррррывалюцыя?.. Этто когда народ сам власть берет... А что такое эттот народ без нас, без солдатского ружья? Тьфу! Ерунда одна... Значить власть наша... А коли власть наша, то и страна наша, и земля наша, и воевать али нет от нас зависит... Поняли?

«Правильно, правильно!», восторженно кричат солдаты...

«То-то, что правильно» передразнивает Мишкин. «А только какая мы такая власть и каки хозяева, когда вот так стоим да хлопаем ушами? — Сброд один... Этак «зверюга» придет да и скомандуваит других солдат, своих братьев, али народ свой, рабочий, итти бить, а Вы и пойдете?!»

«Нет, нет... не пойдем», кричат из толпы.

«Как же не пойдете? В таком виде и обмануть и заставить не трудно».

«Да мы сейчас винтовки на дрова, а сами по домам»..

«Ну и дурачье!.. Сразу видно, деревенщина... Вы по домам, а они казаков, кадетов да юнкеров этто посбирают, советы поразгоняют и вас же, голубчиков, потом за шиворот из хат повытаскивают, да пожалти бриться. А вот чего надо... не

расходиться по домам, да и не галдеть по гусиному — без толку. Надо выбрать шчас свой камитет ротный... Только ребят толковых да раненых выбирай! Одного надо не медля в полковой камитет послать, а оттудова пошлють в городской. Вот... дипутаты наши все будут знать... что делается».

«Понадобится: значит все против кадетов пойдем, а прикажет, начальство, — как камитет скажет. Только, помни, братцы! Винтовку беречь. По домам не расходиться. Все за одного, один за всех! Сполним и дело в шляпе.»

Загалдела, заволновалась рота. Кто кричит: «Брежнева в камитет!», кто «Мишкина», а кто-то крикнул даже: «Гордиенко». Но эта кандидатура была мгновенно безнадежно провалена единогласним тюканьем и криками: «Долой Шкуру!»

После проведенных Мишкиным выборов избранными оказались: Мишкин, Брежнев и еще 1 из эвакуированных и 1 из кадровых солдат. При чем на Мишкина было еще возложено и представительство роты в полковом комитете.

Завертелись, закипели новые дни. Ложились спать в предчувствии новых радостей и просыпались готовые к подвигам. Странно-новый быт воцарился в казармах... Об увольнительных записках не было и помину. Ротный с какой-то виноватой улыбочкой торопливо забегал в свой кабинет на несколько минут, затем исчезал. Ни занятий, ни наказаний не было. Виноградов вовсе не являлся, а Гордиенко оказался первым «рывалюцинером» и боевым парнем — хвастая своим пренебрежением к офицерам...

Начальство при своих посещениях считало своей обязанностью «побеседовать с солдатиками». Такие беседы быстро скучивали всех свободных людей и кончались импровизированным общим собранием. На таких собраниях, обычно, всякий раз неорганизованно выставлялись все новые и новые требования. Сегодня — давай тюфяк, завтра — улучши пищу, послезавтра — давай другого ротного, потом — гони кадровых на фронт и т. д. Особенно настойчиво начали требовать отпусков. В ожидании распоряжения, между собой распределили очереди...

Но... спать продолжали на голых, неструганных нарах; пища с каждым днем все ухудшалась; дошло до жидкой постной похлебки и 1 фунта хлеба в день и то не всегда. Кадровых все обещали отправить на фронт, да так и не отправляли, а с отпусками дело обстояло совсем скверно. И члены комитета,

и начальство разводили руками и отделывались неопределенными фразами.

Числа 18—19 марта н. ст., приехали депутаты из Москвы. Повели нас на площадь слушать их речи... Тыча пальцами в воздух по направлению к высящемуся над площадью собору, сведущие указывали нам то место, откуда будут говорить депутаты. Долго глазели мы на заветное место, но за беспорядочностью расположения не только не слышали речей, но и не видели приехавших. Однако дружно подхватили прокатившееся по площади «УРА» и долго радостно повторяли его.

Началось дезертирство, правда особаго свойства. Каждый самовольно отлучавшийся обычно ставил в известность соседей по нарам о том, что уходит повидаться с семьей и просил, после его ухода передать роте его обещание скоро вернуться. И действительно, как я узнал после, больше половины таких дезертиров вернулось в роту, от других получали письма из действующей армии и только самая незначительная часть дезертировала по-настоящему.

К весне беспорядочность, неопределенность положения и, главное, — нерешительность, увеличиваясь с каждым днем, начали вносить дезорганизацию в солдатские массы. Усиливалась тоска по дому. Отсутствие сносной пищи повело к «загону» последнего солдатского скарба. Некоторые ловкачи умудрялись — продав свое, купив затем и вновь продав чужое, заработать. Это дело им понравилось и таким образом они превратились в пионеров армейской бубличной и семячной коммерции.

21 марта н. ст., во время сеанса в кино, воспользовавшись промежутком между двумя частями картины, какой-то, с горящими энтузиазмом глазами солдат, об'явил:

«Как только мы арестовали золотопогонников на фронте, наша армия вновь начала побеждать. Нами взяты обратно: Рига и Либава.

«Весть эта вызвала громовое ура и, как всегда в таких случаях, чинную марсельезу. Как полагается встали все: и купец, и рабочий; фабрикант, помещик и батрак; переодетый городовой и юный студент. Обнажив головы, все пели... Но завтра оказалось, что добровольный глашатай побед нашего оружия несколько поторопися. Мы, по официальным сведениям не только не взяли Ригу и Либаву, но даже какого-нибудь плохонького хутора не отбили у немцев. Наоборот, сводка гласила: «наши доблестные части продолжают с боем выравнивать фронт».

Тоска по живой борьбе за свободу, жажда жертв и подвигов во имя революции не давали покоя... В «тылу», как-то претило работать. Самолюбие фронтовика требовало работы для фронта, на виду у соратников. Знали мы к тому же, что на фронте царят еще старые порядки.

Сначала далекая, робкая мысль вскоре созрела в твердую решимость, и в одну из холодных ночей марта месяца, посвятив в свои планы Мишкина, я бежал на фронт. Хоть и холодно и голодно было ехать со всеми удобствами, на крыше или в уборной вагона 2 класса все же бодрость не покидала меня всю дорогу.

II

На фронте

Я оказался не единственным «дезертиром на фронт». У этапного коменданта в Тарнополе, на моих глазах прошло несколько сот дезертиров, возвращавшихся на амнистию временного правительства. Среди них было несколько недавно отлучившихся из тыловых частей и, после самовольного отпуска, во избежание тыловой волокиты, возвращавшихся в свой «настоящий» полк.

Всех направляли по своим частям. Я, получив проходное свидетельство, отправился сначала к этапному коменданту станции, «Езерно», откуда уже получил окончательное направление в деревню «Подгайчики», Как раз в этот день, по маршруту, возвращавшийся «с отдыха», полк должен был прибыть, в Подгайчики.

Восемь верст полем, по еле пробившейся травке, не очень затруднили меня, зато путешествие, в поселке при станции Ярчевцы, целиком окунуло меня в вязкие будни фронта.

Тусклое серое утро. Часов одиннадцать, а только еле-еле светает. Не весна, а осень в воздухе и на земле. Грязь липнет к мокрым сапогам. Сырость в одежде, во всем теле. Еле удерживаешь холодными мокрыми руками приподнятые полы разбухшей шинели. Грязь покрывает сапоги и брюки выше колен. Внутри сапог, чавкает и урчит грязная вода. По лицу струятся грязные ручейки воды, сбегающей из-под превратившейся в губку, фуражки. Каждый шаг стоит неимоверных усилий. Мрачные мысли роятся в голове.

Вот и деревня при станции «Ярчевцы». Она тонет в грязи и плачет стеклами подслеповатых окон. Кругом глинистные сугробы вз'ерошены скользящими следами босых ног. Вьется

между ними скользкая, блестящая сыростью тропинка. Добраться бы до нее, а там легко будет...

Останавливаюсь, чтобы передохнуть. Разглядываю окружающий пейзаж...

Впереди, двумя мягкими полушариями, чуть сгущая в контурах облака, высятся серовато-белые высоты. Это «Златогура», а по карте «Золотая» и «Безымянная» горы. Влево от них видна высота «Могила» или «Могела», как называют ее местные жители. По этим высотам проходить позиция. Тихо на ней сегодня. Низко нависшие тучи придают позициям мутный, мирно-кислый вид. Глядя на них в эти минуты, новичек не поверил бы, что они могут блистать тысячами ярких молний, властно греметь, рвать и разрушать.

У встречного солдата спрашиваю дорогу к штабу. Он указывает рукой в сторону расположенного направо, на бугре села, и поясняет — в «Подгайчиках». На карте деревня «Ярчевцы» и село «Подгайчики», разделены рекой «Стрыпой».

— А где ж тут Стрыпа? — спрашиваю.

— А вот это она и есть, — указывает солдат на долину, раскинувшуюся между «Ярчевцами» и «Подгайчиками». Вглядываюсь в грязь долины, ищу глазами реку, но, кроме нескольких луж, никаких признаков ее не нахожу. Чуть ли не от самой станции, через долину тянется настилка из положенных поперек направлению молодых сосновых и березовых стволов. Импровизированное шоссе... Тянется оно с версту и теряется в мути подымающейся в гору проселочной дороги, в Подгайчиках. Нигде шоссе это не пересекается рекой, а та, которая есть на карте, здесь почему-то называется не просто «Стрыпой», а «Глувной Стрыпой»...

Через полчаса я в Подгайчиках...

«Вот в эттай халупи капитан Стрючков, а в эттай капитан Белкин, а там вон командир полка — Лянскоронский, вместе с капитаном Вердеревским живут. А энти три халупы штаб полка, а вот та, что с трубой, разведчиками занята, а туды подальше, саперы стоят, а там, за бугром 1-й баталион разместилси, 2-й в Жуковцах ночевал, а 3-й еще не пришел...»

Благодаря любезности встречного солдата я ознакомился, с дислокацией полка.

Солдат, видно, не спроста был так любезен. По некоторым характерным признакам, он угадывал во мне прибывшего

«с тылу» и жадно ждал от меня новостей, которыми тогда всякий, знавший их, делился по всякому поводу со знакомыми и незнакомыми. Но на этот раз, вследствие усталости, я уклонился от новой, но священной армейской традиции и, минуя штаб полка, направился прямо в свою команду разведчиков, держа направление иа халупу «с трубой».

Халупа оказалась занятой двумя офицерами команды. «Нижние» же «чины» расположились по близлежащим амбарам и чердакам.

Начальник команды, штабс-капитан Михайлов, которого в 1915 году я оставил подпрапорщиком, повидимому, только что успел снять мокрые сапоги и теперь отдыхал на походной кровати. Помощник его, прапорщик Левин, рылся в корзине, добывая из нее провизию. Деньщик Михайлова, разводил в печи огонь, усердно дуя в глубину ее. Казалось вот, вот лопнут щеки его от напряжения. Глаза его слезились и прерывистый кашель отрывал от неблагодарной работы. Может быть, этому кашлю я и обязан тем, что прапорщик Левин, грозно двинувшийся мне навстречу, не успел выставить меня из халупы. Отвернувшись, чтобы откашляться, деньщик случайно заметил и узнал меня: Его возглас: «Откуда?» заставил начальника команды обратить на меня внимание.

Каждому по своему хотелось знать, что творится в тылу. Поэтому Михайлов пригласил меня остаться с ними и представил новому в полку офицеру, прапорщику Левину.

Сняв и повесив сушить мокрую шинель за стаканом горячего чаю, в дружеской беседе, я отвел душу. Оказалось, что политические новости им лучше известны чем мне. От них я узнал об отречении Николая, об от'езде Алексеева, о назначении Брусилова. Странным мне показалось, что теперь только, в конце марта, они собираются выбирать полковой хозяйственный комитет. Особенно поразило меня название «хозяйственный»... Какой хозяйственный, когда в Рязани комитет фактически распоряжался в полку?!

Ночью пришел 3-й баталион. 2 апреля 1-й и 2-й баталионы пошли сменять части на «Золотой» и «Безымянной» горах. Команда разведчиков перешла в деревню «Куклинцы», расположенную за изгибом холма, верстах в трех впереди и влево от «Ярчевцев». Штаб полка и третий баталион — полковой резерв—перешли в деревню «Ярчевцы».

Смена частей произошла без особых событий, при пассивности неприятеля. Для первого и второго баталионов потекла нудная, позиционная жизнь, ничем не отличавшаяся от раскисания в какой-нибудь деревушке, с той только разницей, что в окопах халупами не приходилось пользоваться, а вместо них иногда можно было отдохнуть в сырых, низких и тесных землянках, или в могилах-убежищах.

Команда разведчиков пообжилась, устроилась в деревне Куклинцах. Странная это была деревня. Позиция в версте, а тут все жители на лицо и живут как обычно. Не только спят и едят: женятся, родят и умирают, но даже работают, сеют хлеб и у многих из них засеяны участки по обе стороны фронта. Крестьянам, по сложившейся традиции, никто не препятствовал ходить в полосе укреплений и по ту сторону окопов, для обработки своих участков. Питалось население «бараболей» — картофелем, с прошлого года сохранившимся в импровизированных погребах-ямах. Роскошью было молоко немногих сохранившихся коров.

Всего в полуверсте, через перерезанную соединяющей насыпью долину «Главной Стрыпы», протягивал к небу изгрызенные, подымающиеся из развалин и муссора, дымовые трубы, мертвый город Зборув. Ни одного целого домика... Но по измятым железным решеткам оград, по остаткам стен, мы знали, что когда-то «Зборув» был беленьким, изящным и чистеньким. По странной ли случайности, или по ассоциации идей, разрушители обоих лагерей пощадили: массивный гранитный костел, беленькую церковь, у которой под часами зияла лишь одна пробоина, и большую однозальную постройку еврейской синагоги, выделявшуюся из развалин выпуклостью крыши и стрельчатыми цветными окнами. Все прочее было окончательно разрушено снарядами, пожарами, а уцелевшие деревянные части строений, были удалены уже стараниями солдат. Утилизация деревянных частей дополнила разрушение. Этот многострадальный городишко, как пустое место, служил частью укрепленного плацдарма.

В окно своей халупы в Куклинцах, каждый день я наблюдал одну и ту же картину. Как только светало — из-за какой-нибудь развалины Зборува, подымался белый дым походной кухни. Это старательный кашевар хотел накормить, хоть раз в неделю, свою роту, горячим. Через 2 — 3 минуты двойной громоподобный хлопок, вой и гуденье, и над или под кухней рвался снаряд... Спешно припрягались напуганные лошади и дымящаяся кухня,

прыгая и переваливаясь на кучах муссора и развалин, галопом уносилась из линии огня, чтобы где-нибудь подальше, в более безопасном месте, доварить похлебку.

Иногда за первым выстрелом следовали десятки других, и на развалинах несчастного Зборува, в разных концах, начинали рваться снаряды. Вой летящих снарядов сливался с гулом рвавшихся, и на находившихся в Зборуве людей эта снарядная музыка, должно быть, нагоняла тяжелую жуть. Но мы (человеческий эгоизм!), из «безопасного» места наблюдавшие эту картину, старались в своей памяти запечатлеть все оттенки зловещего воя, выстрелов, полета снарядов и их разрывов. Приглядываясь, мы частои «любовались» «смешными» прыжками выраставших из-под земли и мгновенно исчезавших в ее недрах людских фигурок.

Как это ни странно, не только в Куклинцах, но и в Зборуве ютились люди... Под горами обвалившегося кирпича, часто встречалась нора, которая приводила в яму, бывшую когда-то подвалом. Там в неимоверной грязи, на уцелевших перинах, ютилась какая-нибудь обнишавшая, ободранная и дикая семья. Некогда это были зажиточные люди, а теперь они больше похожи на диких загнанных зверей. Таких семей в городе было не то 3, не то 4. И все они умудрялись, несмотря на ди кость, кормиться за счет армии, цивилизованным способом... У входа в норы, на лоскуте грязной бумаги было выведено по-польски, но так, что всякий полуграмотный русский мог прочесть: «Кава», а рядом с этой надписью, сажей был нарисован цилиндр с ручкой, долженствующий изображать чашку. В таких «Кавярнях» за гроши, за сахар, за русский хлеб, давали какую-то мутную, коричневую бурду с сомнительным запахом. Иногда к этой бурде подавали еще и пресные коржи.

Каждый день приносил оставшимся в городе новые испытания и несчастья. То снарядом убьет кого-нибудь из семьи, то уйдет кто и не вернется — растреляют где-нибудь без суда, как шпиона. Но оставшиеся упрямо не уходят с места, где остался пепел их гнезд. Пройти через фронт к своим — невозможно, идти к русским на голодную смерть не хотелось, и ждали, поэтому, австрийских успехов, чтобы присоединиться к своим.

Это расхождение интересов галицийских крестьян и горожан, инстинктивно и по своему учитывалось солдатскими массами. И если первым не мешали свободно ходить по укреплениям и за ними, — вторых допекали даже в их норах. Особенно доставалось

им от «бравых» казаков, для которых вся война, обычно, заключалась в охоте на «шпионов», возивших к немцам «возы золота» и т. п. За шпионов (вследствие неумения поймать настоящих), сходили не имевшие хлеба, заедаемые вшами, несчастные люди.

III

Пожар Куклинец

Накануне мы всю ночь рыскали в долине — щупали неприятеля, искали «языков». Утром усталые и голодные возвратились в Куклинцы. Каждый заснул мертвым сном.

Мне особено везло. Моя квартира состояла из отдельной комнаты в домике поляка - сапожника. Хозяин уступил мне вместе с комнатой кровать, а с кроватью и самую настоящую перину, роскошь, которую я избегал и в мирной обстановке. Сильная усталость побудила раздеться и не прибрав, по обыкновению, одежды и амуниции, оставив на столе открытым дневник, я свалился на перину и мгновенно уснул.

Не знаю сколько я спал. Помню только, что, будто еще не засыпая, услышал гул разрыва в Зборуве. Другой более отчетливый взрыв заставил меня вскочить на ноги и выглянуть в окно. Меня удивил дым разрыва на средине насыпи, соединявшей Куклинцы со Зборувом. Вдруг вздрогнула халупа, посыпались стекла и страшным взрывом меня чуть не опрокинуло на пол. Спешу одеться.

Где - то близко: еще 2 взрыва. Брюки уже натянуты... Один сапог на ноге... Подтягиваю бомбы, захлопываю толстую тетрадку дневника, тяну второй сапог.

Вдруг просовывается в дверь лицо старшего унтер офицера Юркова. В комнату врывается какой - то глухой шипящий шум. Не столько слышу, сколько чувствую смысл слов Юркова: «Бегите, халупа горит !!!» Хватаю: бомбы, винтовку, дневник, подсумок, бинокль, френч, шинель и выскакиваю, сквозь уже загоревшуюся дверь, наружу. Крыша пылает, пылает и хворост, неизвестно для чего густо покрывающий до половины стены галицийских халуп. Ветер несет пламя вниз по деревне. Пылает ярким пламенем расположенная рядом халупа прапорщика Левина, занимается в ряду третья и через четвертую — пятая халупа. Против пылает деревянный сарай. Вот - вот провалится внутрь

соломенная крыша, а там ящики и в них около 200 «бутылочек» [1]) сложенных командой после разведки.... Суетятся люди, перекликаются солдаты, а в воздухе зловеще-тонко воют, как собаки у трупа, рвущиеся по 2, шрапнельные снаряды. Пламя все усиливается... Дым застилает небо... Мои хозяева, пан и пани, держа двух малюток на руках, выскакивают из горящей халупы, быстро, быстро кричат: «Ой Езус, Мария! Матко Боска Ченстоховска! Хватай, пан, децко!» и с детьми на руках скрываются в клубах дыма. Какая-то старуха хватает меня за рукав и вопит: «Ой, пан, бараболя пропала, допоможи бараболю ратувать!» Кличу Юркова. Вместе прикладами сбиваем дверь горящего сарая, вытягиваем один, другой ящик с гранатами. Уместили их на площади в яме и бежим за третьем. Из дыма появляется прапорщик Левин. Сквозь хаос звуков различаем его голос: «Елисеева спасите! Елисеева!» Протягивает руку куда-то... Но нам некогда. Мы только мельком успеваем заметить, что лицо его окровавлено и брюки порваны.

Трещить и гудит пламя, грохочет рушащаяся халупа... Мечутся и дико кричат «паны». Гремит команда и воют, тонко, назойливо воют и рвутся с грохотом снаряды. Сарай пылает, а в нем еще ящик гранат. Бежим с Юрковым и, задыхаясь в дыму, ослепленные и угорелые, с опаленными волосами тащим последний ящик в безопасное место.

Треск ружейных выстрелов заставляет чутко насторожиться. Неужели прорыв? Но недоумение быстро раз'ясняется. Собравшиеся с разных концов деревни солдаты, прислушиваясь к выстрелам, восклицают.

«Моя стриляит!»

«А этта мая»...

Оказалось, что горят в халупах винтовки. Вспомнили об Елисееве, кинулись за халупу прапорщика Левина. За амбаром, на огороде, лежит Елисеев. Левая нога согнута, одна рука вытянута вдоль туловища, а другая судорожно скребет пальцами землю. За разрезом гимнастерки, у рта, пена и все тело конвульсивно поддергивается. Не человек перед нами, а труп лежит... Подхватили, вчетвером поволокли, погрузили на готовую к «эвакуации» кухню и присоединились к уже укрывшейся в старых окопах команде.

---

[1]) Бутылочки - ручные гранаты названные так за их форму, схожую с бутылочной.

Пламя перебросилось вниз по деревне. Возле нас водворяется сравнительная тишина.

Уже сидя в окопе, от исцарапанного прапорщика Левина узнаю подробности обстрела: два снаряда разорвалось у окраины Зборува, один на средине соединительной насыпи, четветрый универсальный снаряд разорвался в соломенной крыше моей халупы и вторично разорвался у порога халупы прапорщика Левина, который как раз в это время выходил с Елисеевым во двор. Взрывом зажгло мою халупу, прапорщика Левина швырнуло на забор и сильно помяло, а Елесеева куда-то ранило и он начал падать. Тогда прапорщик Левин, схватив его за пояс, оттащил подальше от огня и оставил на том месте, где мы нашли его.

В деревне оказались еще жертвы: ранен в плечо солдат расположенной ниже (в деревне Загребелье) роты, а из гражданского населения ранен мальчик и заживо сгорела старуха, вернувшаяся в пылавшую хижину, чтобы спасти перину. Пожар длился до глубокой ночи. Сгорело более тридцати халуп, но после этого бедствия, все-таки мало кто из жителей ушел отсюда. Большинство, устроив из обломков шалаши, еще ночью, плача и причитая справляли «новоселье».

IV

Братание

Фронтовая жизнь шла своим чередом. Братание сгладило остроту переживаний. Обстановка фронта несколько приблизилась к мирной.

Появилась в наших рядах газета, хорошо издаваемая на русском языке по ту сторону окопов. Она прямо говорила о том, кому нужна война и рекомендовала солдатам идти домой. Но источник откуда она получалась — австрийские окопы, не внушал нам доверия, и сторонники войны до победы легко разбивали несмелые доводы защитников «мира во чтобы-то ни-стало».

Вследствие все развивавшегося братания, охрана нашей линии ночью не доверялась ротам, и нам, разведчикам, пришлось проводить ночи в секретах, то полевых, по обе стороны железной дороги, то укрепленных, вынесенных из первой линии и разбросанных вокруг воронки на Золотой Горе.

Днем в бинокль, а в ясную погоду и не вооруженным глазом, можно было наблюдать, как между двумя враждебными линиями, в складках краев воронки, появлялись серовато-синие и серовато-зеленые фигурки, которые гуляли под руку между окопами, собирались в толпы, ходили в те, или другие окопы... Иногда видно было, как с той стороны появлялся фотографический аппарат и вокруг него толпились группы наших солдат, спешивших запечатлеть свои физиономии на бумаге. Обычно, это гуляние между окопами прекращалось после 2—3 орудийных выстрелов шрапнелью высокими разрывами. Тогда солдаты той и другой стороны в панике бежали в ближайшие окопы и, почти всегда, в австрийских окопах оказывались наши солдаты, а в наших австрийцы. По окончанию паники солдаты дружески прощались и расходились по своим окопам. После братания у наших солдат появлялись: шоколад, смешаное с сахаром австрийское кофе, ром, галлеты, а иногда желтые тяжелые ботинки, или серые обмотки. Как редкость появились и фотографические снимки, где изображены русские и австрийские солдаты вместе.

В австрийских окопах после братания наслаждались русским ржанным хлебом, крепким сахаром и примеряли мягкие складные папахи.

Начальство много ругалось из-за братания и дошло до того, что увело части из первой линии, а нас — разведчиков заставили и днем нести охрану укреплений.

Случалось иногда вечером, что сзади секрета рвалась русская ручная граната, и мы знали, что это — предостережение сторонников братания.

Действительно ли австро-германцы не хотят войны с нами, или обманывают нас — мы не могли знать. Самые противоречивые данные сбивали с толку и путали мысли. С одной стороны, вдруг начинается местное наступление австрийцев, но, с другой мы все помним, случай, когда к нам в окоп австрийцы бросили бутылку, в которой запиской предупреждали, что на рассвете будет взорвана наша первая линия. Мы доложили об этом начальству и первый батальон перевели во вторую линию, а на рассвете, часов в 5, действительно взлетела на воздух верхушка «Золотой горы» вместе с первой линией окопов. Только благодаря предупреждению, 1-й батальон был спасен от верной гибели. Все же точно ничего представить себе нельзя было. Обычные артиллерийские обстрелы были с обеих сторон. Семипудовые мины, попрежнему

рвались в наших окопах, а всякого рода ручные и шомпольные гранаты, по-старому, залетая к нам в секреты и окопы, убивали и калечили людей. Не успеем убрать убитых и раненых, глядь австрийцы идут в гости и снова начинается братание. На взаимные упреки обе стороны отвечали:

«А почему ваши первые!»

Газеты все в большем количестве проникали к нам. Наряду с зафронтовыми поступали Киевские и Московские. Последние, во главе с «Русским Словом», восставали против братания, называли его позором и предательством. В одной из таких газет сообщалось об обращении временного правительства непосредственно к германскому народу, с целью заключения с ним мира, через голову правительства. В то же время писалось, что заключение сепаратного мира гибельно для страны и революции. Тогда нам не бросился в глаза этот парадокс и зависимость русской революции от благоволения реакционных союзников. Также мы не понимали, что знаменитое обращение временного правительства к германскому народу не больше, как стратегический маневр, продиктованный иностранными дипломатами с целью подорвать германское могущество извнутри, через революцию.

Пока газеты временного правительства единодушно порицали сепаратный мир, в полку зрели не только сепаратисткие тенденции, но и появлялись сторонники «мира во чтобы-то ни стало». Вследствие ли разрозненности, или под влиянием террора соорганизовавшейся контр-разведки и военно-следственной комиссии, сторонники «немедленного мира» молчали. Но стремление к миру «во что бы то ни стало» все чаще прорывалось наружу. Оно выражалось во многом, даже в таком солдатском ответе на митинге красноречивому оратору: «Ваша свобода, свобода наших угнетателей, на что она нам, когда мы за нее должны погибнуть?!» Между тем, получаемые из дома письма говорили, что дома все по-старому. Малоземелье, долги, недоимки, болезни, по-старому, мучили семьи солдат.

«Что-ж это за свобода?!»

Отсюда видно и родилась солдатская экономика революции — «делить!».

Постепенно позиции пацифистов все укреплялись, но тут выступили на сцену полковые комитеты, по приказу свыше занявшиеся подготовкой к общему наступлению, для разгрома германской армии с помощью союзников, «ради мира». Тогда

оп'яненные словом «Свобода», многие из нас верили в необходимость наступления. Началась подготовка 18 го июня. Но и неприятель был осведомлен о грядущем наступлении, да и не мудрено — за границей и в России, на фронте и в тылу трубили о предстоящем разгроме немцев.

Охрана секретов стала трудней и напряженней. Братание пошло на убыль. Увеличилось число жертв с обеих сторон.

V

Прапорщик Виноградов

Сырая темная ночь, скрывала наши и «их» окопы. Глаз упирается прямо в шип, за гнездом секрета вытянутой проволоки. Дальше ничего не видно. Только инстиктивно ощущаеш: и развороченные края воронки вправо от секрета, и груду ежей и рогаток трехсаженной высоты, перепутанную колючей проволокой, и сетку, и щит на неприятельском секрете и пулемет за ним.

В такую погоду уши заменяют глаза. Но гулко барабанящий тяжелыми каплями по каске дождь, глушит, а бульканье капель в недалекой луже, на общем фоне легкого шипящего гула дождевой ночи, мешает отделить знакомые нужные шорохи от бесформенных шумов. Напряженный глаз уперся в тьму. Всем телом подаешся вперед, чтоб лучше видеть и слышать. Малейшая оплошность — и сам погиб, и товарищей подвел.

Назойливо - ритмический, нудный дождевой шум разделяется новыми наростающими дисгармонирующими звуками. Где - то обваливается земля, кто-то падает, ломится вперед, пыхтит... Оборачиваюсь. За изгибом вала — новая немецкая боевая каска и затененная голова шопотом спрашивает:

— Там немцы, близко?

— Тьфу, чорт бы тебя побрал! Что надо?

Смотрю: высовываются плечи в офицерских погонах. Присматриваюсь и узнаю Рязанского командира, прапорщика Виноградова. На фронте удивляться не привыкли. Не удивляет и меня неожиданная встреча с Виноградовым. Знаком, приглашаю его к себе. Усаживаемся на мокрых мешках с землей, и чутко прислушиваясь, беседуем...

Революция, наконец, выбросила и его, «боевого тыловика», на фронт. Вчера он прибыл, а сегодня ночью, днем опасно, с

группой охотников решил осмотреть позиции. Все возбуждало его любопытство:

«Где неприятель? Долетают ли ручные гранаты, кидают ли мины? Что такое шомпольные гранаты?» и проч. и проч.

И так смешон и беспомощен был он в своем незнании примитивного фронтового обихода. Невольно вспомнились часы потерянные «под ружьем» по приказу прапорщика Виноградова «за плохие успехи в учении».

За щитом со стоном разорвалась ручная граната. Грязь мягко шлепнулась над нашими головами в мокрый траверс. Виноградов, торопливо попрощавшись, исчез в мокром корридоре за ближайшим бугром. Еще одна... Кляп! Упала и искрясь кружится на траверсе, на высоте головы. Бум... м... м..! Дззз... Разорвалась третья граната, летит четвертая и рвется на том месте, где только что стоял, но я уже на ступеньках и изо всей силы вжимаюсь в стену окопа. Оставаться дольше нельзя. Бегу за соседний траверс и, взобравшись на него, перебросив ноги через окоп, раскачиваю между ними в обеих руках «бутылочку» и изо всех сил пускаю ее по направлению неприятельского окопа.

Бам, бам, бам, бам, у-уу!

С воем взорвалась моя граната. Летят во все стороны осколки, та-та-та-та-та-та трещит в неприятельском секрете пулемет: ему вторит с секрета № 1 наш «Максимка». Вытягиваю по земле винтовку, прикладываюсь и выпускаю всю обойму по воображаемой цели. Тоскливый ритм дождя, на этот раз прерывается лязгом проволоки и шумом быстро удаляющихся шагов. Все стихает.

Утром нас сменил одиннадцатый полк 3 железной дивизии. Обмывшись и отдохнув на станции «Ярчевце», я отправился в штаб своего полка, где оказалось, что, вследствие награждения меня в 1915 году Георгиевским крестом, мне вместе с жалованием причитается около 100 руб. Получив эту солидную сумму, я отправился богатым искателем приключений в полуцивилизованный Тарнополь — отдохнуть душой.

После фронтовой грязи и примитивного фронтового обихода, Тарнополь производил впечатление райского уголка. Самые настоящие, правда без музыки, «Кавярни», солидный базар, улицы с магазинами, величественные памятники на площадях, парк, вокзал и нередко попадающаяся на улице «паненка», делали пребывание в Тарнополе особенно привлекательным. Когда-то,

вместо заполняющих улицы солдат, здесь двигались котелки, цилиндры, кепи, шляпы и фуражки «мирных граждан» и из открытых дверей «Кавярень» доносились звуки веселой музыки. Но и тепер, опустевший, грубо-овоененный Тарнополь, представлял настолько резкий контраст с окопной действительностью, что, фланируя по его улицам, я вновь «чувствовал себя нормальным человеком в нормальной обстановке».

Через несколько часов по от'езде из «Ярчевце», я гулял по скверу, расположенному неподалеку от Тарнопольского вокзала, на площади «Яна Собесского».

Неожиданно меня окликает молодой, жизнерадостный голос. Смотрю — прапорщик Виноградов. На нем десятки ремней, все защитное, а сбоку болтаются: и портсигар, и кроки, и сумка, и шашка, и баклажка, и респиратор, и еще сам чорт не разберет что.

«Здоров, — Кальницкий!»

Здесь, не на мокрых мешках под гранатами австрийцев, а на солнечной живой улице, в толпе обыкновенных людей, другой фон для беседы, другое настроение. Узнаю детали Рязанской полковой жизни: Кондратенко убили, Саломатин и Гордиенко в 137 Нежинском полку. Зибени бесследно исчез, из кадровых многие дезертировали, а некоторые отправлены на фронт. Он же, прапорщик Виноградов сам просился в Болховский полк, где в 7 роте служит командиром его родной брат. Ожидаются еще кадровые и между ними сын заведующего хозяйством полка, полковника Глыбина, поручик Глыбин.

В задушевно беседовавшем полуребенке нельзя было узнать грозного молодого аспида с его непосильными требованиями: то пробежать 500 шагов по снегу и кричать во всю силу легких «Ура!», то чисто проколоть три чучела, то в две минуты, по команде «рота ко мне!» — из рассыпного строя перестроиться на новый, шагах в 300 от старой линии, или кинуть деревянную колодку, изображающую ручную гранату, за 100 шагов от себя. По всем его ремешкам, коробочкам и бутылочкам, видно было, как далек он от действительной фронтовой жизни.

«Поедем, Кальницкий, увидишь наших ребят».

«Куда?»

«Поедем... извозчик!».

Подкатил кабриолет, и возница с потертыми пуговицами и длинным кнутом, получив конспиративное распоряжение

прапорщика Виноградова, повез нас труской рысью, сначала по широким и прямым, потом по узким и кривым улицам. В конце одной из них мы увидели толпу солдат, из которой, как река из озера, вытекала извилистая змейка солдатской очереди и терялась за забором, у входа в низенький домик. В открытое окно видно было толпившихся у внутренней, постоянно открывавшейся двери солдат. Не понимая еще в чем дело, я вместе с прапорщиком Виноградовым, провожаемые улыбочками, остротами и подмигиваниями расступившихся солдат, вошли в дом. Открылась дверь в заветную комнату и новый солдат шмыгнул в нее, разойдясь в дверях с выходившим и застегивавшимся на ходу солдатом. Дверь открылась еще раз, и просунувшаяся в нее голова средних лет женщины мягко произнесла. «Если господа офицеры желают, можно сейчас, солдаты подождут»... Я понял в чем дело и, потянув за собой прапорщика Виноградова, преисполненный отвращением, вышел. Усевшись в пролетку, мы вернулись в центральную часть города.

Сытный, приготовленный по-еврейски обед, вернул хорошее настроение, а красивые глаза хозяйской дочери и предчувствие интересного приключения заставили меня остаться ночевать в городе. Поэтому, условившись с хозяином «Кавярни» о ночлеге, я отправился провожать на вокзал спешившего в полк прапорщика Виноградова. Возвратясь в город, остальную часть дня я провел, гуляя по улицам, закупая нужное и ненужное. Вечером в «Кавярне» я, «по человечески», за столом, написал письма и отправил всем родным, знакомым и почти незнакомым адреса, которые случайно остались в моей памяти.

Предчувствие приятных приключений меня обмануло. Но беседа в приятном обществе, сама по себе, стоила вырванного у окопных ужасов времени.

После крепкого спокойного сна и хорошего завтрака, в товарном поезде я возвращался в полк. Не доезжая «Ярчевце», еще в вагоне, я слышал громыхание отдаленных барабанов. На станции я уже ясно различил приближающиеся звуки похоронного марша.

«Вероятно был обстрел», решил я, но встречный разведчик сообщил мне истину: хоронят прапорщика Виноградова, которого на рассвете убило своей гранатой, во время учения солдат пополнения.

Если меня не удивила встреча в окопах с прапорщиком Виноградовым, то я не мог не удивляться странной смерти, так

глупо настигшей 3 года избегавшего ужасов войны и тиранившего в тылу жертв ее, молодого офицера. Погибнуть от неумения пользоваться гранатами! А ведь покойный был лучшим офицером Рязанского гарнизона и строжайшим учителем старых солдат...

Через минуту, гроб с телом, несомый офицерами, с братом и провожавшими, впереди почетного караула, под звуки траурного марша поравнялся со мной. И встав «во фронт», я отдал последнюю честь, вчера еще кутившему со мной прапорщику. На этот раз, я охотно отдавал честь.

Вагон с телом, в сопровождении брата, впервые за 3 года получившего отпуск, направился в Рязань, для торжественного погребения, для чести и утешения дряхлых родителей.

VI

Полковые комитеты

Занимавшиеся, до сих пор, исключительно хозяйственным контролем и хозяйственной демагогией полковые комитеты, укрепленные рядом циркуляров: простых, секретных и совершенно секретных, превратились в однобокие политические единицы. В комитетах начали изыскивать и проводить в жизнь меры содействия победе. Если представить себе состав тех комитетов, то будет ясно, почему комитеты, сначала оттянув развал армии, в конце концов развалили ее окончательно.

Молодые люди, в большинстве воспитанные в условиях мещанского быта, либерально настроенные вследствие царской беспардонности, отдали свои лучшие порывы делу победы над немцами. Революцию они приветствовали, поскольку, с одной стороны, она открывала им широкие возможности в личной жизни и, с другой, успокаивала протестующую совесть. К тому же, для большинства из них война служила средством быстро сделать карьеру и тем удовлетворить затравленное царским строем самолюбие. Нельзя сказать, чтобы люди эти были нечестны, или сознательно поддерживали буржуазию. Дело обстояло проще. Научиться марксизму в жизненной борьбе они не успели, так как в армию попали со школьной скамьи, узнать же экономические условия свободы из книг им не пришлось, поскольку они были рядовыми членами общества, а марксистская литература до революции была достоянием лишь немногих посвятивших себя

революционной борьбе. Имея такой тип армейского интеллигента и, с другой стороны, абсолютно темную и, поэтому, недоверчивую солдатскую массу, ясно, почему Комитеты долгое время находились под руководством такой интеллигенции, и поддерживали милитаристскую линию временного правительства.

Конструировались комитеты следующим образом: по одному выборному от роты и команды и пять человек представителей офицеров полка. Таким образом, интересы 4.000 солдат представлялись 30-ю выборными, а интересы 20-25 офицеров представлялись 5-ю представителями. Президиум выбирался самим комитетом из своей среды. Ясно, что в президиум попадали наиболее развитые члены комитета, в большинстве офицеры. В нашем комитете было не 5 офицеров, а 7, так как в 2-х ротах солдаты выбрали в комитет своих офицеров. Эти данные говорят за то, что в комитетах руководство принадлежало офицерам и офицерствующим. Таким образом, первичный и единый, жизненный революционный орган армии, полковой комитет, превратился в революционную отдушину. При других условиях можно с уверенностью сказать, что еще с мая 1917 года комитеты имели бы всю полноту власти, чем ускорили бы события.

Когда первая ласточка октябрской революции, пацифизм, начал проникать в солдатские массы, почти все комитеты осудили пацифистские тенденции и повели с ними борьбу не только словами, но и репрессиями. Наиболее активные борцы за мир были из'яты, менее стойкие умолкли. Комитеты не только санкционировали суровые меры командования против пацифистов, но даже составляли списки «неблагонадежных».

Всеобщую усталость комитеты использовали для агитации наступления.

«Заставим немцев мириться и тогда домой, делить земли!»

Неизощренные в политике солдатские головы других способов достижения мира не находили. Этим об'ясняется начальный успех агитации за наступление.

Наступление союзников на западе, дало лишний козырь в руки комитетов, для агитации за наступление. С одной стороны,— упреки в оставлении союзников на с'едение немцам, с другой, переспективы легкой победы при координировании действий с союзниками, послужили значительным фактором в пользу наступления.

Всеми этими способами и средствами комитеты довели части до того, что на общих собраниях начали выноситься резолюции

за наступление и за войну до победы. В это время и был издан знаменитый приказ о формировании частей смерти, которые в грядущем наступлении должны были личным примером увлечь всю армию и расчистить ей дорогу к победе. Наступила полоса митингов. Блестящие горячие речи, произносимые армейской интеллигенцией, зажигали солдат. Говорить против наступления, считалось трусостью. И если иногда какой-нибудь закорузлый солдатик появлялся на трибуне и говорил: «нам надо взять этот пень да забить в него клин, да посмотреть, кому надо это наступление», или: «надо клубочек взять за ниточку, да размотать, да посмотреть, куда он ведет, от тогда и узнаем, кто велит наступать», таких ораторов, обыкновенно, высмеивали, стоявшие на глазах у офицеров и комитечиков, солдаты, а задние, тяжело вздыхая, не смеялись, но и не произносили обычного «правильно». Итак, война до победы!.. Будем наступать, пока не заставим немцев мириться, а потом... отдадим им их земли и города—мы не захватчики. Мы «без аннексий и контрибуций».

Наступление, ужасы и смерть впереди. Далеко. А может быть к тому времени и помирятся? Пока—геройские резолюции, чернокрасные шевроны, черепа и кости на рукавах. Забыты сотни тысяч черепов, разбросанных на роковом рубеже.

VII

Штурмовые части смерти

(1 Батальон)

Стало модой в тылу у мелких буржуа, а на фронте у «героев», записываться в штурмовые части смерти. Записавшиеся, конечно, меньше думали о смерти, нежели о лаврах, которые их ждали. При каждой дивизии сформировался отдельный штурмовый батальон, который, до особой потребности в героях, был избавлен от фронтовых будней. Целые части, выносившие постановления «наступать до победы», получали название: «ударных», «смерти», «Дроздова», «Корнилова» и т. п. И в нашем полку офицерство, вольноопределяющиеся, комитетчики и писаря украсили рукава черепами и чернокрасными шевронами. В общем, весь фронт превратился во фронт смертников. Лишь кое-где небольшие части отказывались принимать участие в грядущем наступлении, и тогда, если уговоры не помогали, их окружали, броневиками, казачьей конницей и разоружали. Зачинщики после

этого исчезали неизвестно куда, а солдат и офицеров распределяли по частям войск, небольшими группами.

Случилась история и с нашим 1-м батальоном. Казус произошел потому, что начальство недооценило своих сил, а комитеты пересолили. Когда была открыта кампания по записи в штурмовые части, на основании директивы Комитета Юго-Западного фронта, полковой комитет начал принимать подписку о вступлении в штурмовые части. Полк, с традициями, в котором не меньше третьей части старых дисциплинированных бойцов, исполнил бы боевой приказ по инерции. Когда же у каждого солдата начали спрашивать согласия наступать, когда вследствие этого создалось впечатление, что если солдаты откажутся наступать, то наступления не будет, — естественно, не взирая на все свои прежние резолюции, дать подписку полк отказался.

После раз'яснения полкового комитета, взывания к героизму, к долгу перед соседями, и пр. и т. п., второй и третий батальоны и все команды согласились наступать, 1-й же батальон, в котором было «два большевика», наступать отказался и, снявшись с фронта, ушел в местечко Жуковцы, верстах в 8-ми от позиции. На завтра, по приказу командования, 1-й батальон отправился в тыл другого участка нашего фронта, в местечко «Залошцы». Несмотря на такой скандал, наш полк все же был назван: «138 пехотным Волховским ударным полком смерти».

Уход людей 1-го батальона, официально клеймился всеми, но ясно было, что в душе порицали их немногие. Я уверен, что только «героизм по инерции» помешал всему полку последовать примеру 1-го батальона.

Через два дня после разрыва 1-й батальон прислал делегатов просить разрешения присоединиться к полку. Боязнь ли разоружения побудила его к этому, или нежелание подводить однополчан — неизвестно, но желание присоединиться к своему полку, по всем видимым данным, было искреннее. Однако, вернуться в полк им помешал командир полка, приказавший раньше выдать зачинщиков. 1-й батальон отказался исполнить это требование.

Начали усиленно поговаривать, что наступление по всему фронту начнется 18-го июня. Об этом знали все, до последнего кашевара и неприятельского солдата. Поэтому, видимо, братание на нашем участке совершенно прекратилось.

В листовках, передаваемых нам из неприятельских окопов, появились статьи, предостерегающие нас против ложного, брато-

убийственного шага. Но большинство этих газет в руки солдат не попадало, благодаря стараниям комитета и командиров.

Началась усиленная переброска войск. В ближайшем тылу, в деревнях: «Куклинцы», «Загребилье», «Кудиновцы», «Кудобенцы» появились квартирьеры. Кроме того, мы знали о происходящих передвижениях крупных войсковых соединений в ближайшем тылу. 6-го июля, отправляясь с пакетом в штаб дивизии на ст. «Ярчевцы», я видел, как проводили небольшую железнодорожную линию и устанавливали дальнобойные орудия. Все чаще и чаще, с обеих сторон, летали аэропланы. С назойливостью мух гудели они вокруг, стремясь выяснить детали приготовлений противника.

Однажды ночью, когда команда расположилась на отдых в землянках на ст. «Ярчевцы», я был пробужден жужжаньем целого ряда мощных моторов. Выскочив наружу, я увидел эскадрилью из 6-ти аэропланов, летевшую очень низко в сторону позиции. Повидимому, эскадрилья возвращалась после налета на Тарнополь. Одна из машин летела настолько низко, что, казалось, вот-вот зацепит крылом телеграфный столб. Шум вытолкнул на улицу не только меня одного. Со всех сторон сбегались солдаты с винтовками на перевес. Покатилась ружейная трескотня. Беспорядочная, то гуще, то реже, то ближе, то дальше, она проглотила жужжание моторов, слова команды и баханье далеких батарей.

VIII

Визит Керенского. — Долой большевиков!

13 — 14 - го июня из дивизионного комитета, служившего промежуточно-передаточной инстанцией, прибыла телефонограмма, в которой полковому комитету предлагалось выслать по 4 человека от роты и команды, на станцию «Е з е р н о». Людям приказано было прибыть к 12-ти часам 14 июня для «выслушания речи» военного министра «тов. Керенского».

Пока комитет совещался, командование уже произвело выборы, вернее, отбор «счастливцев». Под командой, пешком отправились они на станцию «Езерно».

Свыше 15.000 представителей 11 - ой армии собрались на громадном плацу у ст. «Езерно».

Заняв трибуны и выделив распорядителей, офицерство принялось наводить порядок. Все построились в карре вокруг трибуны. Солнце добросовестно палило нетерпеливые головы.

Все взоры были устремлены на Тарнопольскую дорогу, откуда должен был появиться Керенский. Артиллерийский подполковник Куторга, имевший какое-то отношение к корпусному комитету, взобрался на трибуну и, сделав из рук рупор, во всю силу легких «просил», «в порядке» подойти ближе к трибуне.

Скачущие ординарцы, шмыгающие ад'ютанты и суетящееся начальство усиливали напряженность ожидания. Первоначальное чувство любопытства заменилось потребностью видеть того, на чьем имени фиксировалось внимание стольких людей. Кто прославлялся при жизни памятником русской буржуазной революции, тот не мог не интересовать вооруженных пролетариев.

Все, что бросалось в глаза тылу, что «разлагало его», давая правильную оценку тогдашнему правительству и его центральной фигуре, Керенскому, — под предлогом введения дисциплины, от фронта скрывалось. Солдатские письма были под строжайшей цензурой. За «подозрительными» было установлено тайное наблюдение. При попытке серьезной критики власти, с помощью немецкого пугала, неудачный критик навсегда «изымался». Для этой цели в распоряжении штаба корпуса было достаточно следователей — в изящных брыджах, лакированных сапогах, с золотыми погонами и с университетскими значками.

14 июня, у станции «Езерно», не только друзья, но и враги собрались посмотреть человека, столь смело ставшего на дороге истории и так робко исполнявшего все ее прихоти.

Уже 2 часа дня. Напряжение сквозит во взглядах, словах, позах.

... Едут, едут! Ура!.. — поднялось над толпой. Вдали урчали моторы. Всколыхнувшееся людское море вошло в берега. Каждый поспешил занять свое место.

Полным ходом в'ехали машины в огороженную солдатскими рядами площадь. Резкие слова команды, снова громовое «ура» и Керенский между нами.

Четыре автомобиля остановились у трибуны. Из первого выбрался всем нам известный лично и по фотографиям, седоусый, стройный, но дряхлеющий генерал Брусилов. За ним вышел знаменитый в России французский министр-«социалист» — Альберт Тома. Из второй машины вышел представительный, солидный, прилично одетый мужчина с черной бородой. На глазах его блестели золотые очки. Он оказался членом Президиума Питерского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов Соколовым.

За ним выскочил стройный, вертлявый юноша с мягкими кривыми и толстыми губами. Одет он был хорошо, даже изящно, но просто. Серый френч, кепи с козырьком-балконом и гетры на ногах придавали ему вид спортсмена. Лишь когда он снял фуражку, стоящие ежом и низко подстриженные сероватые волосы, да характерный нос, позволили узнать в нем «знаменитого вождя революции» — Керенского.

Как ветерок, пронесся шорох шопота в сгущенных рядах и все стихло. Ни слова, ни звука! Смолкли моторы и, казалось, застыла в напряженном ожидании жадная толпа, дощатая трибуна, ласточка в голубом небе и белая тупоносая «колбаса» [1]), висевшая на горизонте.

До сих пор не могу понять, почему, несмотря на то, что неприятельские наблюдатели со сторожевых дирижаблей отлично нас видели, в этот день не было обычного обстрела ни с аэропланов, ни с батарей, в то время, как дым походной кухни всегда вызывал артиллерийский обстрел. Многотысячная толпа солдат, среди которых был «заклятый враг немцев» — Керенский, популярный командующий русскими армиями — Брусилов и злейший французский министр — Альберт Тома, оставалась без внимания немецкой артиллерии.

Полковник Куторга с трибуны об'явил, что мы все осчастливлены пребыванием среди нас любимых вождей и уступил место Брусилову и Керенскому. Соколов и Тома вошли лишь на ступеньки трибуны. Начались приветствия представителей частей. По моде все это делали «нижние чины», офицеры только направляли их. Все они выражали уверенность в том, что «испытанный вождь» — Керенский, поведет страну через победу к миру и социализму и давали обещания «до последней капли крови» бороться с немцами. Керенский с явным нетерпением слушал эти словоизлияния и для сокращения потока слов зажимал поцелуями рты ораторов. Последнего оратора, занявшегося чтением сентиментальных стихов, сложенных в честь мамы — революции и папы — Керенского, подгоняемый ораторским зудом, нетерпеливый вождь поцеловал на второй строке чтения. Затем, поспешно выхватив стихотворение, быстро передал его приехавшей с ним бесцветной фигуре.

---

[1]) Колбаса — привязной аэростат для наблюдений, прозванный так за свою форму.

Облокотясь на перила трибуны, Керенский начал говорить, с каждым словом повышая темп речи. Я стоял близко. Не поддаваясь стадным настроениям, я не мог уловить ничего особенного в его словах. Он говорил больше мимикой, чем словами. Все содержание его речи сводилось к тому, что он рад видеть и констатировать, что армия здорова; что ему оклеветали ее совершенно напрасно, что с такой армией Россию ждет светлое будущее, затем, слегка коснувшись знаменитого «ножа в спину революции», он просил нас быть уверенными, что правительство в тылу сделает свое дело не хуже, чем мы на фронте. И если понадобится, то армии дадут возможность принять участие в водворении порядка в тылу. Пока же правительство достаточно сильно и от нас требуется только единодушие, братство офицеров и солдат, точное исполнение приказов, и, главное, решительность в наступлении. Я обратил внимание на то, что он ни единым словом не обмолвился о революционной организации — Совете Солдатских и Рабочих Депутатов. Повидимому, уже тогда Советы доставляли ему немало хлопот. Это впечатление подтвердилось несколькими словами, сказанными на прощание Соколовым. В общем, они сводились к тому, что «все это хорошо, но залог успеха в сплоченности рабочих и солдат, а потому держите потеснее прямую связь с Советами». Тогда мы еще не представляли себе значения этих слов, да и гражданин Соколов, вероятно, сам не знал, к чему нужна такая связь. Октябрьские дни воочию показали, чего стоит связь рабочих и солдат со своими руководящими органами.

Зашумели моторы, толпа хлынула в сторону Тарнопольской дороги. Крики «Ура» вихрем заполнили воздух. Тучей сорвались кверху фуражки. Что-то фанатически-неудержимое было в этой наэлектризованной толпе.

Машины скрылись за поворотом дороги, а мы, с неопределенными чувствами, но очень взволнованные, поплелись к своим частям, в окопы.

IX

Накануне наступления 18 июня

Вопреки ожиданию, в полку все занятые обычным делом не очень интересовались только что пережитым нами. Некоторые даже шутили: «вот бы яво в первую линию, пусть австрийцам об'яснит!»

Теперь уж ни для кого не оставалось сомнений в том, что наступление начнется скоро. Слухи, называвшие 18-ое июня первым днем наступления, повидимому, оправдывались.

Получились телефонограммы заготовить каждой роте и команде красные флаги, с которыми наступать

Мне, для покупки кумача, на два дня пришлось с'ездить в Киев. Оттуда я привез не только кумач, но и литературу. Было тут кое-что от Каутского, Маркса, Энгельса, но в массе «сказаний о царе Симионе» эти серьезные книги, как-то терялись.

Пребывание в Киеве меня странно и больно поразило. Подвижничество фронта никак не вязалось с веселой, оживленной жизнью, прикрытого нашими телами Киева. Рысаки, дутые шины, нарядные дамы, битком набитые кафе и вертлявые земгусары со шпорами, револьверами и сумками, больно резали сознание.

За литературой пришлось итти во дворец. Жирные дамы с перетянутыми браслетами толстыми руками, бледные тощие студенты и косоворотки длинноволосых каторжников переплелись в работе «для революции, солдатиков, победы...»

17-го июня вечером я вернулся в полк. Узнал новости: вчера в «Езерно» пришла гренадерская дивизия, назначенная нам «на поддержку». За каждым бугорком, в каждой ложбинке притаилась батарея. Чем дальше от окопов, тем больших калибров стоят орудия. Говорили, что уже свезено полторы тысячи орудий на наш участок. С 16-го июня ведется методичный обстрел неприятельских укреплений. И действительно, со времени моего возвращения в полк, не было такой минуты, в которую та или иная батарея не послала бы снаряда в неприятельские окопы.

Ночью, накануне знаменитого 18-го июня, полковой комитет собрался для обсуждения весьма важных дел. Приведу целиком постановление от 17-го июня 1917 года. Оно лучше всего охарактеризует отношение комитета к историческим событиям, в подготовке коих он также принимал участие:

Протокол № 11 — *17-го июня 1917 года*

Заседание открывается при наличии 34-х членов в 24 часа 20 мин. Председательствует подпоручик Михайлов.

I. О приезде секретаря Кальницкого.

Привезено литературы платной на сумму 76 руб. 04 коп. и дарственной на 16 руб., а также обещано направить из Киевского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов лектора.

II. Как распределить привезенную литературу.

Решено немедленно раздать привезенную литературу по ротам и командам под расписку ротных и командных комитетов. Ядро должно быть в полковом комитете.

III. О библиотеке и о регулировании пользования книгами.

Решено передать вопрос в культ.-просветит. комиссию.

IV. О венке на гроб прапорщика Виноградова II-го.

Решено единогласно подписным листом собрать с членов комитета и их кандидатов деньги, в размере 30-ти рублей, на венок.

V. Доклад прапорщика Бежанова о конфликте на работах 3-го батальона.

Решено сегодня же об'единенным заседанием конфликтной комиссии с прапорщиком Бежановым и мл. унтер-офицером Леоновым вынести постановление и немедленно привести в исполнение.

VI. Заявление артиста-солдата Немеровского по устройству спектаклей.

Решено обратиться в дивизионный исполнительный комитет с просьбой об устройстве дивизионного театра при содействии Немеровского. Полковой комитет предоставляет имеющийся кинематограф в распоряжение дивизионного театра.

VII. Доклад хозяйственной комиссии.

Решено пригласить для дачи об'яснений начальника хозяйственной части, делопроизводителя, полкового квартирмейстра, полкового каптенармуса Иванова и Сарыкова и заведывающего оружием.

VIII. О получении вагона овса.

Решено назначить одного от комитета для участия в приемной комиссии.

IX. О привлечении комитета нестроевой роты к работам в полковом комитете.

По этому поводу предоставлено право полковому хозяйственному комитету приглашать сведущих лиц.

X. О введении в пищу сушеных овощей.

Решено варить 2 раза в неделю.

XI. Внеочередное заявление Лавочной Комиссии о неполучении брезента в лавочку.

Решено просить распоряжения командира полка о немедленной выдаче брезентов хозяйственной частью.

XII. По возникшему вопросу о медленности работы комиссий.

Решено предоставить право комиссиям в порядке спешности принимать экстренные меры по своему усмотрению, докладывая на первом заседании полкового к-та относительно заседания комиссий.

XIII. Об учете лошадей и повозок в полку.

Решено запросить начальника хозяйственной части надлежащих пояснений к завтрашнему заседанию комитета об учете лошадей и повозок.

XIV. О книгах, пришедших в полк вместе с подарками.

Комитетом решено по прочтении собрать книги в общий книжный фонд, через ротных представителей.

XV. Следующее об'единенное заседание назначается на 18 июня с. г. в 14 часов. дня.

Постановлено настоящий протокол отдать в приказе.

Подписал Председатель, подпоручик Михайлов.

Скрепил: Секретарь, ефрейтор Кальницкий.

Верно: За Полкового Ад'ютанта Штабс-Капитан Тарасов».

Небезынтересно, думаю, читателю ознакомиться с иллюстрирующими приведенный протокол заявлением и докладом, о которых упоминалось в §§ 6 и 7 приведу его дословно:

«В Полковой Исполнительный Комитет. Заявление.

Имея в виду устраивать увеселительные вечера и спектакли для нашего полка и не желая его вводить в расходы какие бы то ни было, я решил обратиться к Вам со следующим предложением. Принимая во внимание, что во всех полках нашей Дивизии имеются артистические силы, об'единиться ей и этим самым избавить всякие расходы, могущие пасть на один полк и разложить по всей Дивизии. Учитывая обстоятельство, что всякие Дивизии имеют всегда резервные полки, то именно резервному полку будут даваться эти представления, а также и резервным баталионам тех полков, которые будут находиться на позиции. Еще прошу считаться с тем фактом, что посредством такого об'единения мы можем показать товарищам народное искусство, самое чистое и идеальное искусство, так как все деятели будут соответствоветь своему назначению. Организация Дивизионного Театрального дела еще тем будет хороша, что кроме материальной потери полк еще всего вычисляет одного или двух человек для того великого просветительного дела.

Прошу Вашего разрешения, а также Вашего содействия для осуществления задуманного мною плана, ибо повторяю, это один

из найлучших способов введения театрального дела в нашей боевой части».

Подписал солдат-артист Немировский.

Верно: За Полкового Ад'ютанта Штабс Капитан Тарасов.

Приложение к §§ протокола Полкового Комитета от 17-го июня 1917 года за № 11.

Доклад следственной комиссии Полковому Исполнительному Комитету:

«15-го июня 1917 года следственная комиссия, в составе членов: капитана Вердеревского, фельдфебеля Мишина и секретаря прапорщика Евтифеева, осматривала склад полкового цейхгауза при ст. «Езерно» неприкосновенного запаса полка.

При осмотре обнаружилось:

Полковой каптенармус отвешивал и грузил свиное сало, привезенное из склада «Гай-вельки». Нас крайне удивило то, что наших депутатов: фельдфебеля Новицкого и ст. унтерофицера Пронина при отпуске продуктов не оказалось.

Один из отправленных ящиков мы вскрыли; обнаружено, что когда-то несколько кусков сала было вынуто.

Отправляемое сало оказалось доброкачественным. Всего сала при нас было отправлено в деревню «Ярчовце» 3 ящика, весом 34 пуда 1,2 фун., затем был осмотрен картофель, закупленный Дивизионной Закупочной Комиссией и прибывший на склад 14-го июня с. г. утром, в количестве 2.000 пудов. Посмотрели несколько сдаваемых мешков... При осмотре заметили: на некоторых картофелинах появилась гниль, некоторые картофелины под давлением тяжести, стали мягкими, но при взрезке оказались белого здорового цвета, некоторые оказались розовыми, но и те по своей культуре. В общем, прибывший на склад картофель доброкачественный и вполне пригоден для употребления.

При нас было отвешено и отправлено в дер. «Ярчовце» на склад 325 пуд. 30 фун. на подводах. Привезенный на склад на ст. «Езерно» картофель был сложен очень высоким штабелем, нижние мешки от такого громадного груза сильно сдавились; все это указывает на недостаточную хозяйственность каптенармуса и, к сожалению, наших депутатов, находящихся при складе.

Мы приказали: штабели разложить, но все-таки опасаемся, что картофель помнется в дороге и в штабели находится на солнечном припеке, может скоро загнить. Просим хозяйственную часть по мере возможности скорее перебрать картофель в мешках

и, освобождая его от мешков в какие-либо ящики, предохранить картофель от порчи и т. д.....

На завтра предстояло грозное испытание. Готовились к одному из крупнейших в войне 1914 г. сражений. А комитет, отражавший все надежды и заботы полка, занимался определением качеств картофеля, кинематографом и проч.

Орудия неумолчно, редко, но точно, громили неприятельские укрепления. Вместе с непринужденностью солдат, спряталась куда-то, исчезла свобода. На сцену выступил призрак войны, смерти и власть автоматически вернулась в руки жрецов ее — кастовых командиров.

Казалось, без слова протеста, связанный словами и резолюциями, по инерции, понесет полк жизни своих солдат на алтарь войны.

Но неожиданно, перед самым наступлением, утром 18-го июня опять начались стычки с начальством. На этот раз 3-й батальон отказался итти на работу по укреплению 3-й линии. Отказ солдаты мотивировали тем, что для наступления незачем укреплять тыловые позиции. От этих разговоров незаметно перешли к критике самого наступления. Но жажда мира через победу и кажущаяся близость последней, были сильней голоса разумных, трезво смотревших на вещи, товарищей.

«Большевики продались немцам, они не хотят допустить нашей победы!» «Долой большевиков!» Эти реплики овладели полковой речью 18-го июня. Средины, равновесия духа в то время не могло быть, и понятно, что, отойдя от одной крайности, солдаты сейчас же впадали в другую.

Начальство не преминуло воспользоваться таким настроением полка, чтобы из'ять двух наиболее активных «большевиков». Характерно, что только весть об их аресте достигла солдатских масс, как недовольство большевиками сменилось ропотом: «на каком основании арестовали наших».

Все эти обсуждения, однако, ни к чему не привели. В плоскости отвлеченных политических идей, никакие вопросы не подлежали обсуждению. Комитет, откуда должна была исходить инициатива, разбирал вопрос о картошке. И неоформленный глухой солдатский ропот не мог вылиться в форму практического протеста. Этому способствовала еще и краткость времени, оставшегося до наступления. Некогда было, даже при наличии соответствующих грамотеев, произвести нажим на «выражавший волю полка» комитет.

Таким образом и получилось, что в самую решительную минуту, когда действительно одним взмахом революционного меча можно было разрубить гордиев узел войны, комитеты не только не взяли в руки этот меч, но сами вручили его командованию.

Тщетно солдатские массы искали правды.

X

Наступление 18 июня

Целый день спорили, митинговали, а на ночь все-таки пошли рыть окопы. К утру сидели в замаскированных дерном узких щелях, в 200 шагах впереди старых укреплений. Где-то недалеко, повидимому, во второй или третьей линии оставленных нами окопов, устроилась штурмовая баттарея. Поминутно до нас доносилось 4 резких коротких удара ее выстрелов. Четыре раза сыпались на голову комья земли, четыре раза что-то со стоном, невидимо вертясь, высоко проносилось над нами и с понижающимся воем исчезало где-то в стороне неприятеля, откуда, как бы в ответ, спустя 1 — 2 секунды доносились пуканья далеких разрывов. С каким-то злорадством и затаенной надеждой встречало сознание заглушенное пк... пк... пк... пк...

Уже солнце ярко осветило удобряемую людскими телами землю, когда, как ветерок, пронесся шопот:

«Чехо-словаки пошли, «чехо-словаки аттакуют...»

Высота «Могила», лежавшая верстах в трех левей и с версту впереди нас, вся была запятнана рвавшимися белыми комками шрапнелей. Во все стороны летевшая земля, смешиваясь с дымовыми тучами и пылью, заволакивала хребет «Могилы». Казалось, что горит он тяжелым сырым пожаром...

То здесь, то там, в самой гуще завесы, вспыхивали белые острые огоньки разрывов. Несмотря на яркость солнца и большое расстояние, они всякий раз больно, до слез, резали глаза.

Баханье штурмовых, уханье, вздохи и урчанье мортирных и крепостных батарей, густо расположенных где-то, «в тылу», не заглушали доносившегося с «Могилы» настойчивого, низкометаллического лязга, рева, гула... Какие-то неопределенные шумы дрожали и плыли в воздухе, служа фоном для потрясающих разрывов. Казалось, что странно спокойная часть горизонта, направо от нас, незапятнанная клубами и пятнами разрывов, где не видно острого блеска молний, где не простирается к небу

жирная зловещая темень, застыла, не живет — фантазия какого-нибудь досужего кабинетного художника... Наш взлохмаченный закопченный кусочек земли дрожал, извивался... Над ним пел, стонал воздух, в нем билась ускоренная до одурения жизнь...

А на «Могиле» игрушечные человечки-жучки играли в какую-то веселую игру. Неожиданно появившись из-за желтых отливов, срезавшей конус горы огромной воронки, они сбились в кучу, потом быстро расползлись навстречу снарядным громам. На землю в ряд легло несколько снарядов, человечки провалились сквозь землю. Спустя несколько мгновений немногие смешные фигурки суетливо сползают по склону горы, а в воздухе ныряют, пляшут и песенно радуются тысячи мотыльков—белых клубочков шрапнельных разрывов. Вот бегут три фигурки. Легли... Снаряд разорвался. Встала одна и смешно подпрыгивая несется вниз по склону...

Содрогнулся воздух, загудела земля, забарабанила по земле стальная крупа, вырывая клубочки дыма и пыли. В воздухе большим черным пятном, клубясь, над нами расползался «чортов дым» [1]). Откуда-то неиздалека донесся высокий, тяжелый, густой стон... Снизился... Притих... Умолк, наконец. За первым стоном, второй, начался с неестественно высокой ноты, оборвался на средине скрежещущим криком:

«Ой лишенько! За що?..»

Потом бледный, слабый крик-жалоба.

«Та на що-ж ти, матусенько, мене на світ спородила? Ой тяжко... Ой-й-й...»

Опять едва внятный стон и... стихло все человеческое. Только снаряды по-старому плясали, скрещиваясь во всех направлениях с истерическим воем. И не думалось, не представлялось, что вес этот грозный, леденящий, могущественный, гнетущий и непонятный ужас—дело рук человека...

На «Могиле» уже разыгрывался кровавый финал жуткой комедии... Черные фигурки, вкрапившись безжизненными телами в желтую вязь склонов воронки, сбегаясь и разбегаясь, сквозь взмеченные им в лица огонь, сталь и вихрь, добрались, наконец, до пустых неприятельских окопов. Три красных ракеты говорили о необходимости перенести огонь в тыл противника. Через

---

[1]) Снаряды особой силы, рвавшиеся черным дымом в воздухе, были прозваны нашими солдатами «чертями».

несколько минут белые пятна разрывов, как куриный помет, гадившие голубое небо, появились верстах в 8 впереди нас, над Коростенецким лесом. Кто-то радостно прошептал: «Наши взяли «Могилу», но под строгими взлядами из-под нависших бровей, с'ежился, замолчал...

«Емельянова убило... В 5-й роте 4-х человек засыпало, Ефимова разорвало, и кусков не нашли, Симоненко ранен. Счастливый—попадет домой...» Шепотом, из уст в уста передавались новости последних минут, в притаившемся в щелях-могилах человеческом массиве.

«Готовсь!»

«Передай по цепи!»

Простые лица померкли, сжатые для молитвы губы побледнели, и казалось, когда они разожмутся, вырвется из тысяч грудей вопль: «давай бога на землю!» а пока, покорные руки согнулись, поднялись, сотворили крестное знамение, бессильно опустились. Потупились глаза, размякли, опустились фигуры.

«Смотри, Сеня, убьют—помни: на шее, в мешочке, адрес у тебя есть...»

«Да ладно, чего уж там...»

Неприятель по колыхающимся штыкам обнаружил наше убежище. Десятки снарядов ударились о земь спереди и сзади окопа. За ними еще и еще без конца. Вой сменился низким жужжанием, шумы слились, притупленное сознание отказалось воспринимать непосильный хаос звуков, и для нас, полуоглохших, наступила странная тишина.

Вдруг, в этой пустоте предельного шума, явственно прокатился несильный, короткий звук-хлопок. Откуда-то издалека донесся он, но воздух зловеще содрогнулся над нами. В следующее мгновение легкое дуновение, стремительно наростая... гуще... ниже... с лязгом, треском, визгом, грохотом, гудением, заполнило, катясь на нас, все... Мир, смерть, семья, все, все изчезло. Все поглотил этот гигантский стальной ужас, неотвратимо катящийся на нас. Только на нас, в меня... Больше ведь ничего на свете нет. Только я и он... Больше ничего... Не чувствуешь как вдавливается спина в стену окопа, как вростают дрожащие ноги в землю. Смотрю и не вижу, слушаю и не слышу. Думаю и не понимаю. Одно четко понятно... Он и я... он катится прямо на меня, на меня... Я чувствую вихрь его вращения. Сейчас ударит, размозжит. И ничего не найдут,

ничего, как ничего не нашли от Ефимова, а внутренности будут висеть вон на том одиноком обгорелом дереве, вон на том сучке. Скорей бы, скорей! Почва валится из-под моих ног, за воротник сыплется сухая колючая земля, и я падаю в окоп на кого-то, уже лежащаго на его дне. И кстати. Осколки разорвавшагося 32-х пудового снаряда носятся во всех направлениях.

Целая жизнь без гнетущаго шума впереди...

Но что это?! Опять... опять этот вихрь, лязг, гул... уже на полдороге... Опять все исчезло, все и снова... Я... он... Вот, вот раздавит, уничтожит и некуда деться! За что?

Через час уже могли наблюдать друг за другом, воспринимать другие впечатления. Я заметил: когда снаряд приближается, прапорщик Зимнюхов ложится на живот, впивается пальцами в землю, весь присасывается ко дну окопа, с торчащими волосами, настороженно-застывший ждет, ждет. А образец храбрости и выдержанности, капитан Вердеревский, краснеет и быстро, быстро ковыряет в носу, засовывая чуть ли не весь палец. Прапорщик Еленецкий, только что прибывший из школы, украинец, сжимает до скрежета зубы и хватает меня за руку. А я сам сгибаюсь, сжимаюсь и упираюсь изо всех сил в стену окопа. Солдаты связи шептали что-то вроде молитвы, глубже затягивались махрой, плевали со злобой, но больше ругались густо, трех'ярусно, вспоминая при этом родителей и христа бога.

Только взорвется снаряд, картина меняется. Каждый стремится скорей принять нормальное положение, а из солдат, кто молился, начинает ругаться, кто ругался, начинает молиться. Я, пробуя шутить, говорю: «И подумать только, что даже самый малый из этих тысяч снарядов, мог бы нас уничтожить бесследно», но меня грубо прерывает всегда ровный капитан Вердеревский: «Во время боя не говорят глупостей...»

В этот день атака не состоялась. Ночью отдыхали.

Часа в 4 утра продолжительный грохот вновь бросил нас в царство ужаса. Началось с того, что выдвинувшийся сапой и сжатый в 300 шагах от неприятеля в узких параллелях штурмовый батальон дивизии, закидали минами, в несколько минут уничтожив его. Из 800 отборнейших бойцов мимо нас пробежало человек 30 обезумевших, босых, рваных, облепленных землей. Каждый из них на ходу кричал, что все, кроме него, погибли. Никто не пытался остановить их. Никто не пытался узнать, сколько «там» погибло, никто не пытался оказать помощи еще

живым... Как бы совестясь друг друга, не смотрел никто прямо, не смотрел другому в лицо и, особенно, избегали смотреть «туда»...

Опять день прошел, как вчерашний. Опять не было атаки. На место штурмового баталиона надо было выбросить вперед ударную группу, а днем этого сделать нельзя было.

Теснота щелей начала давить нас. Куда-нибудь отсюда... Хоть в ставшие братской могилой штурмового батальона параллели. Куда-нибудь, хоть на открытую равнину. Пусть из всех пушек и пулеметов метят в мою грудь, но не здесь, не в этих оглушающих, давящих, понемного засыпающих нас, в узких, щелях... Назад итти?! Но разве это возможно?! Назад... Вот, если ранят, ну ногу оторвут, хотя лучше руку — легче до поезда добраться... тогда, тогда опять жизнь, опять счастье покоя... Но нет, это невозможно. Разве привалит такое счастье, чтоб одной только рукой или ногой откупиться от везде рыскающего, бешеного, неумолимого пса войны?!

Начали появляться «самострелы». Со стороны неприятеля ни ружейного, ни пулеметного огня не было, а мимо прошло уже несколько раненых в мякоть ноги, руки, реже в палец. Рана небольшая и домой попадут, а ужас, ужас смерти так и прет из остеклевших глаз... Что ждет их на перевязочном пункте?

Протиснулся мимо свеженький, весь в защитном, прапорщик, спрашивавший начальника отряда. Через пять минут обычное: «Дай дорогу!» В скомканном, перемешанном с землею теле, за руки и за ноги подвешенном к винтовке, я узнал всего в защитном прапорщика.

Скорей бы из этих окопов!

Третий день сегодня нас расстреливают. Наши скрытые щели уже лучше известны неприятелю, чем старые укрепления. Все с большей верностью, то справа, то слева ударит снаряд. Все чаще крики:

«Ой, за что, у-ми-ра-ю?!»

Все чаще строгий окрик: «Дай дорогу!»

Скорей бы в атаку. Смерть, рана — все равно. Скорей бы из этой развороченной, залитой кровью ямы.

Вдруг, откуда-то загремело «ура». Прокатилось и замерло где-то вдали. Промелькнули над нами ноги бегущих солдат. Послышалось вяло «кла, кла, кла» отдаленного пулемета и стало известно, что Зарайцы заняли «Прессовце».

Через несколько минут над нами пробежали толпы пленных австрийцев и мадьяр. Некоторые из них несли даже свои винтовки, со страху забыли бросить. Никто их не конвоировал. В остановившихся глазах и искаженных чертах читалось болезненно острое желание поскорей выбраться из царства смерти, подальше унести свое вновь возвращенное тело от этого ада.

Сейчас и нам итти. На правом фланге заколыхалось красное знамя. Загремело с новой силой «ура». Соседи, с винтовками на перевес, выскочили из щелей. Все стремительно бежим вниз по уклону. Старых австрийских окопов, как не было. Бежим дальше. Земля мелькает под ногами. Удивляешься, почему не рвутся остро ожидаемые снаряды. Потом соображаешь, что, с потерей «Могилы», неприятель вынужден был увести в тыл батареи. Вдруг бежавший впереди солдат вскинул над головой руки, точно собираясь нырнуть, и с размаха ткнулся ими и головой в землю. Качнулся раз и остался недвижим. Сзади все тише и тише кто-то кричит: «Ой, голубчики. не покидайте!»

Где-то надорванным, слабым, прерывающимся голосом зовут: «санитар, синитар, сини-тар». Красное знамя горит впереди. Здоровые не замечают убитых и не чувствуют болей раненых. Как загипнотизированные, не зная, куда и как долго бежать, несемся вперед с воплем и ревом. А навстречу, из уцелевших бетонных будок-канониров, прикованные цепями пулеметчики плещут горячий свинец и сталь.

Мы в наполовину-разрушенных тыловых окопах. Глаз видит, но память не фиксирует отдельных линий и особенностей. Общее впечатление хаотически наваленных балок, досок, пересыпанных, частью вкопанных в землю. Из-за бугров, из под навесов случайно образованных обвалами, выползают фигурки и лепечут белыми губами на серых лицах. «Пан, ваш, пан, мой дорогой пан, ваш, ваш».

Хрустят под напором тупого русского штыка лопающиеся людские кости. Кто-то стонет, кто-то воет, кто-то рыдает. Лохмотья мяса, пятна крови, редкий выстрел, отдаленное «ура» и предсмертные стоны,— вот поэзия нашей знаменитой победы «для мира, свободы, равенства и братства».

Окопы наши. Отираем пот и кровь и тут же, у жалких, скорченных в самых неестественных позах, трупов закусываем и делимся с пленными. Спокойствие пришло вместе с жеванием. Сознание воспринимает окружающее. Впереди сильно укрепленный

Коростенецкий лес. Оттуда доносится заглушенное «ура» и треск беспорядочной ружейной стрельбы, как бы вгоняемой в рамки пулеметною дробью. Должно быть нежинцы атакуют! Справа и слева — живые, мертвые живописно расположены на земле, балках, досках и в норах. Сзади удаляющаяся на горизонте группа в серовато-синих шинелях, без острящих силуэты винтовок и белые пятна портянок убитых однополчан. По этим портянкам всегда можно на расстоянии сосчитать трупы наших солдат. Еще с живого умудряются двуногие шакалы стянуть сапоги.

Артиллерия молчит. Наши подвозят, неприятель увозит. Все стихает и даже отдаленная трескотня у Коростенецкого леса звучит тише и реже.

XI

Нужны ли были новые жертвы?

Кончился бой. Стоны и скрежет в госпитальных палатках, отрезанные конечности в мусорных кучах, и три длинных ряда трупов с белеющими из-под рваных шинелей, грязных мешков и рогож, портянками... Кошмарный «финал блестящего наступления ради свободы».

Бесцветные мутные глаза смотрят холодными стеклами, но не видят; запекшиеся серые губы тщетно силятся отделиться и желто-шафранное лицо строго, сосредоточенно маячит в золоте случайного луча.

Этому осталось жить несколько минут... Мозговое ранение. «Пить... пить»... слабо, еле слышно просит другой «совсем целый», грузный бородач. «Ой, сестричка, кисленького дай, ро-ди-менькая, христа ради... ой горит нутро».

«Сейчас, голубчик!» Судьба этого решится через 6—10 часов. Маленькая ранка в живот... Совсем целый человек, а вот маленькая, еле заметная дырочка, пробуравленная пущенной человеком же стальной мушкой. И нет жизни, нет отца-кормильца. Человека нет!

На желтой, сырой соломе лежат они, жалкие, беспомощные. Кто затих в беспамятстве, кто что-то бормочет в бреду, а кто тихо, сознательно рассказывает...

«Лег, голову, этта, в землю, а оне, проклятые, так и жужжат. Так и жужжат... Вдруг, этта, как вдарит в плечо, да в ногу и вышла».

Захожу в хирургическую. Серьезный доктор в очках и расцвеченном кровью кремовом халате. Перед ним на высокой койке лежит солдат. Рубашка подобрана на грудь, кровавые кальсоны стянуты до колен. В тазу обмытая, воспаленная, с припухшими, рваными краями рана. Доктор втискивает указательный палец в отверстие раны; поворачивает его, щупает. Раненый дергается, сжимается, бледнеет, ноздри у него делаются восково-прозрачными. Сжимая изо всей силы зубы, не может он проглотить рвущегося стона, и превывистый, жалобный, ноющий стон наполняет комнату, рвется наружу. Доктор вытаскивает покрытый кровавыми комочками палец, обтирает его о передник и дает знак санитарам, а когда те становятся у ног и головы раненого, вводит какие-то клещи на подобие зубоврачебных в отверстие раны, раздает его и долго что-то старается схватить внутри. Наконец, это ему удается. Он что-то изо всей силы тянет. Раненый извивается, по-звериному воет, но санитары держат его, а доктор тянет, тянет и, поворачивая клещи из стороны в сторону, наконец, вытаскивает окровавленный обломок кости. Раненого приводят в чувство нашатырным спиртом, и операция продолжается.

Ухожу в другую полотняную палатку. Здесь вместо соломенного ложа, складные парусиновые койки, на которых лежат ожидающие ампутации, операции и т. п. хирургической обработки. Большинство из них не знает, что через полчаса они будут калеками, обреченными всю жизнь просить подаяния у воюющих до победы, в уютных шантанах, жирных социал и народо-патриотов.

Бросается в глаза средних лет солдат, у которого на груди блестит серебряный георгий. Он тяжело дышит, но, в общем, выглядит довольно бодрым. Не понимаю, почему его положили между койками. Правда, свободных нет, но можно было бы положить его в ту палату, где все лежат на земле — не так было бы обидно. Он смотрит на меня, не поворачивая головы, умными серьезными глазами следит за мной. Ну, этот наверное попадет домой. Спрашиваю у врача, почему лежит между койками?

— Некуда положить, столбнячный. Осталось жить 7 дней, — бросает на ходу доктор и исчезает в хирургической.

Сколько жертв! Сколько страданий! О, если-бы положить авторов войны на одно лишь мгновение на эти хиругические столы, не было бы войны, на которой надо убивать, калечить миллионы людей.

Три ряда трупов низко бугрятся у разрушенных стен и оград. Грязные, рваные мешки, шинели и рогожи прикрывают их лица и грудь. Большинство целых, но есть и такие, у которых отсутствуют головы, руки, ноги. У некоторых, сквозь прорванную изнутри кожу, выпирают зазубренные концы сломанных костей. Засохшие пятна крови на одежде и струпящиеся закаменевшие раны. Что это? Мусор? Это люди. Это были люди! А несколько часов тому назад все они жили, мыслили, надеялись и, уже умирая, многие мечтали, что теперь, наконец, попадут домой. Каждый из них имел свой отдельный маленький мир простых, неутонченных желаний. И в центре этого мира стояло понятие о мире, свободе и родной семье. Во имя мира они и погибли. Но ближе ли стал этот мир? Ни на йоту. Теперь австрийские заправилы понавозят больше солдат, пригласят немецкие «железные, его величества кайзера» и т. п. части и бойня разгорится с новой силой. Опять трупы и раны, отрезанные руки, оторванные головы. Кто же кого убивает? Ведь и эти, что лежат, тоже убивали. И по ту сторону окопов тоже ждут погребения убитые нами тысячи людей. Мы их убивали? Стреляли, не видели в кого, бежали — не видели куда. Кололи — бессознательно кололи врага. А враг? И враг стрелял, колол, бежал, не зная кого и зачем. Вон у трупов сидит группа пленных. Когда глаза их останавливаются на трупах «врагов», не злорадство, а глубокую скорбь вы в них прочтете. А наши вернувшиеся из ада солдаты разве издеваются над пленными? Если их кто и обидел, отобрав коекакие вещи, так это не бывшие в бою мародеры. Вернувшиеся из боя солдаты делятся с ними последним куском. Где же враги? Кто убивает? Мы? Но для чего нам это?

Оклик моего разведчика прервал мысли. Видит, что я тяжело задумался и, чтобы отвлечь, говорит: «Тут где-та лежит Коробов?!»

«Какой Коробов? член комитета 8-ой роты?»

«Он самый!»

Коробов убит? Да как же, почему он здесь? Ведь он нестроевой и по поручению полкового комитета должен находиться на ст. «Езерно» для наблюдения за складами? Но тут вспоминаю телефонограмму полкового комитета от 18-го июня. Без всяких постановлений, просто, по просьбе командира полка и на основании телеграммы армейского комитета, полковой «хозяйственный» комитет предложил всем своим членам находиться при ротах

и командах, вместе с ротными комитетами, увлекать примером и... нести красное знамя.

А эти вот? А те? Лежат тела....

Позади.... трупы. Впереди — бои, кровь.

Черный ужас глупой смерти!

XII

К чему была победа?!

Итак, мы победили. Укрепляемая в течение двух лет неприятельская линия была в наших руках. Правым флангом нашего участка кончался плацдарм, на котором развивалось галицийское наступление. Верстах в 100 юго-зап., по слухам, велось наступление конницы Корнилова в Буковине.

Успехи нашей дивизии повели к тому, что левый фланг 140-й Зарайский полк занял «Пресовцы», поросшие бурьяном остатки корчмы, от которой торчала одна дымовая труба. Нежинцы продвинулись за железную дорогу; мы, Болховцы, укрепились на Золотой Горе, а Моршанцы — на Безымянной. Особого успеха добились чехо-словаки, заняв одной бригадой «Могилу», далеко вклиняющуюся в расположение неприятеля и венчающую собой угол фронта, высоту.

По правилам стратегии, необходимо было наступление интенсивно развивать, укрепив группу на «Могиле», дать ей возможность движением вправо, охватить находившийся верстах в 6-ти против наших новых позиций, сильно укрепленный Коростенецкий лес. После этого маневра, движение могло продолжаться беспрепятственно. Однако, не знаю почему, этого сделано не было и зарвавшиеся вперед части нашего полка, после геройского, но неудачного штурма в лоб, Коростенецкого леса, понеся серьезные потери, вернулись к укреплявшемуся в австрийских окопах полку.

К вечеру 21-го июня по всему фронту, само собой, прекратилось наступление. Фронт выравнивался не вперед, а назад. На некоторых участках полка, в бывших австрийских ходах сообщения, были наскоро оборудованы выступающие позиции, а на их линии, по перпендикуляру, под охраной разведчиков — две-три ночи рыли окопы, в которых так и не пришлось обороняться.

Приостановленное наступление внушало тревогу всем, начиная от командира полка и кончая рядовым солдатом. Позиция

для обороны не годилась, а логика вещей заставляла ждать реванша. Особенно угрожащим для всего участка стало положение «Могилы». Ее вклинение в неприятельское расположение, дававшее командные привилегии при нашем наступлении, при наступлении неприятеля, ставило гарнизон сразу под удары с трех сторон. А падение «Могилы» грозило бы прорывом фронта и разгромом без того дезорганизованной и выдохшейся армии.

Удобные австрийские окопы, с казармами-убежищами под землей, с кротовыми норами-землянками, с обозначением ходов и улиц, с колодцами и мусорными ящиками, превратились в могилу полка. Повальная эпидемия дизентерии, и просочившаяся на 2 аршина вонючая вода, делали пребывание в окопах тяжелым испытанием. Дизентерия развилась, повидимому, как результат отравления колодцев неприятелем. Так, по крайней мере, утверждало начальство. Насколько это утверждение верно,— судить не берусь. Знаю только, что анализа воды никто не делал.

К тому же, с момента прихода в новые окопы, мы ни разу не поели досыта, а о горячей пище и не мечтали. Единственная дорога, ведшая к нам из Зборува, проходила по возвышенной местности и по ней, вследствие постоянного артиллерийского обстрела, с большим риском, можно было ходить только ночью— в одиночку. Поэтому, если мы и получали вареную пищу, то только холодную с примесью глины, а иногда и человеческой крови. (Несколько раз убивало и ранило снарядами носивших пищу солдат).

К концу недели, осмелевший и получивший подкрепления неприятель начал возвращаться в свои оставленные укрепления. Плохое наблюдение и охранение способствовало тому, что каждая яма, каждый оставленный вал, каждый свободный клочек укреплений немедленно занимался им, и к 30 июня, мы имели такое расположение сил, что ни к какой обороне больше не были способны. Можно было наблюдать ход сообщений, в котором укрепились австрийцы и окоп, в который он ведет, в котором сидели русские. В некоторых местах укрепления были поделены еще проще; у одного траверса заваливался ежами проход и ставился часовой, а за другим, соседним, располагались немецкие гренадеры, которые, неустанно перебрасывая гранаты через траверсы, наносили нам серьезный урон.

Дизентерия продолжала валить солдат. Голодные, больные, раненые, не оправившиеся от реакции наступления, они были не

боеспособны. Таким образом, в роте осталось по 12 — 15 бойцов, еле волочивших ноги.

Правда, полк сохранил почти полностью состав команд, 1-й баталион, не будучи в боях, имел полный состав; но команды «не полагалось вводить в бой», а 1-й баталион все не соглашался выдать зачинщиков «мятежа».

Желание спасти идею наступления, опасение разгрома и неимоверно тяжелые условия нашего окопного вымирания властно требовали решительных мер. Во что бы то ни стало нужно было добиться смены, которая, если бы и не продолжала наступления, могла бы отстоять залитые нашей кровью австрийские окопы. В противном случае, без смены, лучше было уйти без боя подальше от неприятеля, на новые, более удобные позиции.

По поручению полкового комитета и с согласия командира полка, без всяких постановлений и протоколов, в ночь на 1-ое июля я отправился в штаб дивизии ходатайствовать о смене.

Когда меня, наконец, ввели к исполняющему обязанности начальника дивизии, генералу Головинскому и, приготовившись рапортовать, я уже открыл было рот, — в углу я увидел командира полка, спокойно разглаживавшего бороду.

Избавляя меня от лишней работы, командир полка сообщает, что он уже беседовал с начальником дивизии о смене, но последний ничего, кроме доклада командиру корпуса, сделать не может. Дано задание телеграфной роте связаться с командиром корпуса генералом Шилингом, и, как только тот будет у провода, начальник дивизии с ним переговорит.

В 2 часа ночи я возвратился в полк без определенных сведений о смене. Разговор Головинского с Шилингом ничего не дал, так как в резерве корпуса не было боеспособных частей и Шилинг ограничился обещанием доложить командующему армией с просьбой о смене или подкреплениях.

Все хуже и хуже становилось положение остатков нашего «доблестного» полка. Люди буквально лежали в лужах грязи на дне окопов, не имея сил подняться.

До сих пор, повидимому, на австрийцев действовало впечатление нашего наступательного порыва. Иначе они без выстрела легко отобрали бы свои окопы с нами, в качестве пленных.

Команда встретила меня со страхом и надеждой: «Ну что как? Идет смена?»

Что мог я им ответить! Сказать правду — лишить остатков бодрости. Лгать измученным страдальцам - товарищам? Во имя чего? Но делать нечего. Выбираю последнее и сообщаю, что завтра положение выяснится — запрошен штаб армии.

XIII

Своего не дадим — чужого не хотим!

В центре мертвого Зборува, у пугливо глядящей впадинами окон стены, в двух уцелевших на пепелище комнатах, под бугром, из мусора и обвалившихся стен, еле сдерживаемых тонким потолком, собралось заседание полкового комитета. Офицеров нет на заседании. Свыше 30-ти солдат в рваных окровавленных одеждах, представляют полк. Большой полк — «многочисленный». Вот здесь 30, да там 30 — вот и «полк».

Докладываю, что начальник дивизии не может дать смены. Резервов нет. Держаться нельзя, но и уходить нельзя. Хоть мы и не защита, а все же, пока мы в окопах, австрийцы могут думать, что им будет оказано серьезное сопротивление. Но стоит нам уйти и австрийцы поймут, в чем дело и тогда и нам не избежать гибели, и соседним частям, а может быть и всем армиям, туго придется.

Вопрос стоит так: воевать ли вообще, или достаточно, пора бросить? Воевать нельзя, а бросать неорганизованно, во избежание новых жертв, тоже нельзя. Предлагаю высказываться. Говорят много, горячо, с болью и горечью. Все речи сводятся к тому, что напрасно наступали, что мы и дня так не простоим, что последними силами надо держать участок, но мы не можем, нас слишком мало и мы истощены.

Подымается заместитель председателя комитета товарищ Мирошкин и говорит:

— Товарищи, мы где, на чьей земле? На австрийской! Так чего же мы тут должны держать? Мы не захватчики и наше правительство само сказало «без аннексий и контрибуций». Отдадим австрийцам их земли, станем на своей границе, и если попробуют перейти ее, то только через наши трупы! Своего не дадим и чужого не хотим!

Новый взрыв горячих, цепких фраз. Новый фонтан тяжелого солдатского красноречия. Представитель 12 роты простой, бесхитростно - честный бородач Гончаренко говорит: «Правильно

сказал тов. Мирошкин. Действительно, незачем нам на чужой земле кровь проливать. Но откуда мы знаем, что, если оставим окопы, они не пойдут за нами? Опять же, мы оставим, а соседние части останутся... они их и разобьют, и опять много нашего брата поляжет. Нет, так делать нельзя. Надо делать организованно; всем вместе — сговориться с австрийцами!»

И бьется мысль в заколдованном кругу и не находит исхода. Организованно?! Да как же организованно, когда корпусный и армейские комитеты воюют до победы. Предупредить австрийцев? Да как же сделать-то? Солдаты, ясно, согласятся, а после офицеры прикажут, они и пойдут на наши земли.

Неожиданно блеснул первый луч света там, где его меньше всего ожидали. Всегда молчаливый член комитета фельдшер Брежнев достает из кармана № «Окопной Правды», читает и поясняет: «Родина — вселенная... Государство — орудие угнетения одной части общества другой. Воевать надо и нам и «врагам» нашим не друг с другом, а со своими угнетателями — помещиками и капиталистами. Война ими и выдумана — за рынки... чтобы Германия не торговала в английских колониях, чтобы Россия не зависела от немецкой торговли.

Торговля в начале, торговля в конце, а мы за нее умираем!

...Надо прогнать Временное Правительство, взять власть в свои руки, об'единиться с пролетариями всего мира и везде установить единую социалистическую хозяйственную систему и тогда не будет войн, неравенства, угнетения. Свобода не в бумажных формулах, а в экономической независимости».

Впервые мы слышим такие слова. Близкого практического выхода они нам не указывали, а все-таки чувствовали мы, что в них правда, в них освобождение.

Интересы сегодняшнего дня как-то потеряли остроту. Слова Брежнева, хоть и не улучшили положения, но все-таки они принесли первый луч правды и надежды в наши измученные сердца. И мы знали, что скоро пробьет час и откроются глаза наши, и поймем, увидим, узнаем все, все. Новая жизнь воцарится на земле!

И вспомнился мне в этот момент другой Брежнев — унтер-офицер в Рязани, как этот теперь, тогда принесший нам первую весточку о свободе. И так далеко показалось то время и так далека та свобода. А ведь была в руках! Проворонили, прозевали, отдали за чечевичную похлебку. Прав был Мишкин. Чужого

не хотим, своего не дадим — теперь не провороним! Наше в наших руках.

Мысли приняли другое направление, а под влиянием их, через несколько минут нашли и выход из положення.

Предложить командиру полка разрешить 1-му батальону вернуться в полк, не ставя ему никаких условий! 1-му батальону сменить нас. Если командир полка откажется исполнить наше постановление, провести его в жизнь немедленно самим.

Сухо встретил меня командир полка. Две пустых бутылки под столом не привели его в хорошее настроение. На подобие Майн-Ридовского носорога он густо сопел. Откуда-то осведомленный о постановлении комитета, командир начал читать нотацию о недопустимости вмешательства комитета в оперативные дела. Не наше дело прощать 1-й баталион или наказывать. Для этого есть следователи и высшая власть, без коих он, «революционный командир», не может разрешить баталиону занять почетный боевой участок. Мои слова и убеждения не могли поколебать упорство командира. Его твердости не мало способствовало выпитое вино. В таких случаях он был непоколебим. Еще раз, вернувшись от двери, пытался я убедить его, но в конце концов, вечером этого дня, плотно усевшись в седло на спине куцого Забайкальца, медленно потрусил в Залощцы, за сменой — к своим братьям, для спасения полка.

XIV

623 полк, Гренадерская Дивизия

Маленький конек под непривычным всадником прядет ушами, храпит, косит налитые кровью глаза. Страшно ему итти по деревянному настилу, не чувствуя опоры во всаднике.

Застрял я на средине дороги через «Глувну Стрыпу». Вертится конек на месте, прыгает, лягает, а итти не хочет.

Сзади спасительный топот бегущей рысью лошади. Через минуту меня обгоняет конный ординарец. Энергично укорачиваю повод, даю «строгие» шпоры и мой конек, силясь не отстать, галопом пускается вдогонку за лошадью ординарца. Проехали настил. Ординарец прибавил ходу. Мой конек вытягивается, как кошка и, барабаня маленькими копытами, храпя и лязгая удилами, выравнивается с крупной «строевой» лошадью ординарца. Благодаря этому соседству, четыре версты, отделявшие меня от

Жуковцев, я проехал в 20 минут. В Жуковцах с сожалением простился с ординарцем. Вопреки ожиданию, остальной путь около 40 верст, сделал довольно легко, не ссорясь с коньком.

Ясный, яркий рассвет, бодрое, веселое щебетание пташек в густо-зеленой листве, рельефно-расположенного на холмах леса, и высокие колосья хлеба, скрывавшие конька вместе со мной в своих стеблях, после ужасов последних дней, приятно поразили меня. Усталости, как не бывало. Мыться не надо. Освежила первая утренняя роса, первые свежие нежные волны утреннего ветерка.

И в этом-то раю, в этой свежей тишине, без назойливого визга, свиста, жужжания, воя и грохота пуль и снарядов, живут солдаты нашего 1-го баталиона.

Спят еще. Спят, ночью спят, а нам ночью нужно быть особенно чуткими; нам ночью воспаленные глаза нужны, чтобы расширенными зрачками во время обнаружить крадущагося за нашими жизнями неприятеля.

Кое-где слышен хриплый, предрассветный кашель. Вон кто-то уже моется. Встав после спокойного сна, моется свежей холодной водой. А мы, а я, уже ведь неделю не мылись. Да, надо умыться. Нет, жалко этой воды, лучше выпить. Она ведь не воняет трупной гнилью: она чистая, холодная, прозрачная.

Солдаты меня узнают, но странно, не приветствуют по-старому, не кричат весело: «здорово, комитет!» Хмурые взгляды исподлобья, недружелюбные реплики в разговорах между собой по моему адресу. Долго ищу выборную организацию баталиона, баталионный комитет. Наконец, это мне удается. И здесь недружелюбная встреча. «Мы мол ничего не знаем, как баталион!» Требую, чтобы немедленно созвали общее собрание баталиона. Ушли комитетчики. Ищут должно быть баталион, расположенный тут же, в деревне.

Я голоден, со вчерашнего дня ничего не ел. Думал, здесь подкормят. Но никто ничего не предлагает, а сами, видно, сытно живут.

Часам к 12-ти удалось, наконец, собрать на площади человек 100 солдат. Это называлось: «общее собрание 1-го баталиона». А в нем ведь было около 900 штыков...

Хохот, насмешки, шуточки и щелкание семечек густым зловонным облаком окружили трибуну наскоро сколоченную из двух столов.

Начинаю. Легкий гул не смолкает. Разговаривают между собой, посмеиваются. И только тогда, когда негодование, горячей красной волной бросилось мне в лицо, когда каждое мое слово начало жечь огрубевшую совесть, как раскаленным железом, смолк шум, насторожились лица, потупились глаза.

«Посмотрите! Кровь на моей одежде!. Это кровь врагов и товарищей. Много ее пролито и мало, очень мало осталось ее в телах чудом уцелевших, немногих товарищей. Спешите им на помощь, не то — все погибнут. И вы не спасетесь. Немцы вас стянут за ноги с печей. Помните, вы — Болховцы! Комитет пошел на конфликт с командованием, чтобы вернуть вас в полковую семью, неужели вы плюнете в лицо своему комитету, неужели не придете на помощь?!»

Топчутся на месте, молчат, думают передние. Понимают, что у них есть слова сильней и справедливей моих, но не могут их найти в своем бедном лексиконе. Переглядываются, нерешительно откашливаются и, наконец, как-бы найдя выход, повеселев, устремляют взгляды, полные надежды, на пробирающегося к трибуне председателя их комитета Ананьева. Из задних рядов доносятся реплики:

«Этот скажет; он им задаст».

На трибуне полный солдат, писарь Ананьев спокойно говорит, но постепенно, входя в роль, краснеет, слегка волнуется.

— Чего наступали? Кто вам велел? Кончать надо войну, а не наступать...

Пересыпанная такими репликами речь, видимо, пришлась по душе солдатам. Еще раз пытаюсь об'яснить, уговорить, но все напрасно. Обескураженный оставляю митинг.

Итак, первый баталион отказался нас сменить. У него есть свои какие-то цели, это видно из того, что он организован не хуже прежнего и дезертирства в нем нет.

Седлаю конька, усталый трясусь на нем обратно и по его понурой голове и дрожащим ногам, вижу, что и он устал не менее моего.

Вечером маленький доклад президиуму. Вздохи безнадежности и понурые головы не дают исхода. Опять надо ехать к начдиву — во что бы то ни стало добиться смены.

Уже стемнело, когда начдив нашел возможным принять меня. После горячей, похожей на спор беседы, он открывает карты. Возможно — ночью будет смена. В «Езерно» пришла гренадерская

бригада, назначенная нам на поддержку. Еще вчера ей приказано нас сменить, но она отказалась. Там в комитете «изменники». Сам Керенский поехал туда. Повидимому, бригада будет приведена к подчинению, выдаст зачинщиков и на рассвете сменит нас.

Обнадеженный, возвратился в полк. В лужах глинистой воды, изнуренные до последнего предела, полулежат, полусидят остатки «доблестного» полка. Спешу обрадовать их. Смена! Утром будет смена. Мутные воспаленные глаза загораются искорками надежды. «Смена идет! Смена идет!» Радостно проносится по окопам. Но... напрасно ждали с первыми лучами солнца долгожданных спасителей. Вместо смены, утром нам прислали 20 человек солдат из расформированной гренадерской бригады.

Вскоре набатным звоном переливались по окопу последние новости о судьбе гренадерской бригады.

— Приехал, значить, етта Керенскай. Говорить, значить: робяты, почему слушаетесь изменников? Революция, говорит, требуит жертвов, а вы, говорит, — ее погубите. Ну, стали мы етта, уши развесили, слушаем, а он так и сыпит, так и сыпит... Тут выходит, значить, приседатель дивизионного комитету, да как скажет! Ты, говорит, изменник, а не мы; довольно мы тебя наслышаны и за твои слова умирать не собираемся, а потому, убирайся ты к чертовой матери! Да и плюнул ему в лицо. Ну тот, известное дело — министр, невдобно ему етта, застыдился, да газеткой лицо и прикрыл. Потом, как был на машине, так и уехал. Только смотрим после, сила прет. Думали на позицию. Ан нет! Окружили етта нас броневики и казаки да и приказывают оружие сдать. Ну, думаем, братоубивства не допустим. Поотдавали винтовки, а они нас и раскассировали, по полкам послали.

— А что-ж с эфтим самым приседателем? спрашивали слушатели.

— Да известно — как, не убежал, арештовали...

Версия эта стала известна всему фронту. Ее всячески обсуждали, но никто не порицал солдат бригады.

Мы опять остались в окопах. Смены больше неоткуда ждать. Положение безвыходное. Люди больны и осталось их по 5—6 человек в роте. Уговорились меж собой: в околодок не итти, пока не свалишься с ног.

— Мы без анекций и контрибуций! Надо держать!

Иду к командиру полка. На станции Ярчевцы он устроился в халупе с «трубой». Вся халупа спутана телефонными проводами. Человек 12 связи раскуривают цыгарки, живописно расположась у входа в халупу.

— Что же делать?

Разводит руками и сопит командир. — Сами видели, сделал все, что мог. Вот подождем из армии, что ответят!

Но мы держаться дальше не можем. Армия далеко, а неприятель близко — в наших окопах. Нужны свежие силы, или надо уходить. Неожиданно командир вспоминает, что через три дня полковой праздник. Это обстоятельство заставляет его задуматься. Как же: полковой праздник, да провесть в окопах? Мысль его начинает усиленно работать и со словами: «едем», он начинает натягивать шинель.

Через час мы у начальника дивизии. Сопя и волнуясь командир излагает обстоятельства, побудившие его настаивать на смене. Он приводит все те доводы, которые я приводил ему. Но начдив разводит руками так, как час тому назад разводил командир полка.

Нет смены, где возьмешь? — Но неожиданно ему приходит в голову мысль: «А что если взять от 156 дивизии, расположенной рядом, 624-й полк? Ведь он в резерве и дивизия стоит на спокойном участке». Вызывает к аппарату командира корпуса. Шилинг отвечает, что если 624-й полк «пожелает» сменить нас, то он ничего не имеет против.

После обеда маленький доклад президиуму к-та! Получаю полномочия ехать в 624-й полк... уговаривать.

На этот раз мой конек бежит в другом направлении, в место «Олиюв». Через холмы и долины трясусь тридцать пять верст. И к вечеру, загнав конька, достигаю цели путешествия.

Заявляюсь в полковой комитет. Поздно сегодня, говорят комитетчики. Переночуйте, а завтра будет видно. Нечего делать, буду ночевать. Но спать не пришлось. Думал, что после бессонных ночей засну, как убитый. Но вымирающие без сна в окопах товарищи, ожидающие спасения от успеха моей поездки, мерещились всю ночь, отгоняя сон. Утром угостили чаем, но разговоров о цели моего приезда комитетчики видимо избегали.

Часам к 11-ти все же созвали заседание полкового комитета. Все спорили, но до сих пор не знаю, почему. Все были

одного мнения, что долг перед своей дивизией обязывает сменить свои части, а не позволяет итти куда-то за 35 верст, сменять чужой полк.

Долго и страстно я их убеждал, говорил, что армия едина, что все части армии «свои», да к тому же по принципу родственности: 156-я дивизия наша дочь, так как выделена из 35-й и, в 624-м полку есть даже баталион Болховского полка — они должны помочь нам.

Однако, комитет упорно держался своего, и единственно чего мне удалось добиться, это перенесения вопроса в дивизионный комитет, который компетентен разрешить данный вопрос, как касающийся всех полков дивизии.

С теми же аргументами, почти упреками, докладываю на заседании дивизионного комитета. В ответ получаю то же самое:

— Кто вам велел наступать? но смягченное: «не сговорившись с соседними частями».

Все же здесь мне окончательно не отказывают, а постановляют спросить мнение общего собрания 624-го полка.

После обеда снова митинг. Первое слово представляется мне. Картина несколько разнится от обстановки в 1-м баталионе. Но сменить все же не хотят. Всевозможные мотивировки, в особенности, высказанная утром полковым комитетом, маскировали болезненное желание никуда не уходить со спокойного участка фронта, где не наступали и из-за отдаленности неприятеля, не знали ни мин, ни гранат, ни свиста пуль. Позиция, на которой приходилось страдать, только от воды в окопах и редкого артиллерийского обстрела, могла считаться раем фронта. Ясно, что из этого рая уходить не хотелось...

Но мы-то? Наши измученные, изголодавшиеся, больные люди! Наши незащищаемые окопы... Кто сменит нас? Кто прикроет дорогу на Россию? Ведь там наша «свобода». Ведь от России мы ждем теперь радостей раскрепощения и братства всех трудящихся. Необходима смена. Здесь есть несколько тысяч здоровых, свободных солдат. Добьюсь от них, чтобы они исполнили свой долг. Как раз представляется случай использовать последнее средство. На трибуне увлекшийся оратор — солдат, сказал: «вот ежели-ба шассот двадцать третяй полк отказался-ба от смены, ну тагды-ба мы пошли сменять Болховский полк, а коли ежели мы должны сменять свой полк, то никак нельзя нам итти от своей дивизии! «Солдаты кричат»:

«правильно»!, а я пользуясь этим, с трибуны предлагаю спросить комитет 623-го полка. Расчет у меня верный. Полк не пожелает променять свои спокойные постоянные позиции, на случайный, сомнительный отдых в резерве.

Начальство, фактически ждавшее приказа общего собрания и более чем пассивно относившееся к происходящей трагедии, все же оказало содействие отправкой ординарца в 623-й полк. До прибытия представителей полка заседание отложили и общее собрание разошлось.

Часов в 5 вечера общее собрание возобновилось в присутствии президиума комитета 623-го полка и президиума дивизионного комитета.

Несмотря на то, что, как я ожидал, комитет 623-го полка от имени полка заявил, «что готов и дальше страждать в окопах, а-бы сменили Болховцев», 624-й полк при голосовании вопроса отклонил предложение о смене Болховского полка, на этот раз, без всякой мотивировки. На мои чуть ли не бранные последние слова никто ничего не ответил и с опущенными глазами солдаты начали расходиться.

Отдохнувши, конек довольно быстро несет меня обратно в полк, к страдальцам — товарищам, ожидающим меня как вестника спасения. Что я им скажу? Ведь я все сделал! Не хотят сменить и все. Они или мы не понимаем друг друга.

Ночью прибыл в штаб полка и после беседы с командиром, отправляюсь в окопы.

Полу-скелеты, дрожа, как от мороза, в жаркое время июля, недавние богатыри собрались у убежища начальника отряда, недавно произведенного в подполковники, командира 2-го батальона Вердеревского.

— ... Что-ж етто, братцы, значить тут нам и погибать? Эх ... тоскливо произносит высокий, рыжий солдат с глубоко провалившимися, большими серыми, лихорадочно-блестящими глазами. Никто ему не отвечает и я не могу ответить. Отчаянье овладевает всеми. Вышедший из убежища Вердеревский обычными способами пытается ободрить солдат, но, убедившись в безуспешности своего выступления, спускается в землянку донести по телефону, что «оставили посты, собрались ко второй линии и... митингуют».

Через пять минут он появляется из убежища и на этот раз действительно успокаивает полк сообщением, что утром будет

смена. Те подробности, которые он сообщил, не оставляли сомнения в правдивости его слов, — «отдали приказ 623 полку, согласившемуся для нашего спасения сидеть в своих окопах, растянуться по фронту и левым флангом занять наши окопы. К утру будем на отдыхе». Действительно утром, из долины, по окопам и ходам пришли солдаты 623 полка, а мы, пройдя через Кудобинцы, к 12 часам пришли в Яцковцы, назначенные нам местом отдыха.

С 4-го июля мы на отдыхе. Свободно расположились по садам, сараям и халупам, заняли не только Яцковцы, но и соседнюю деревню, примыкавшую к нашей — «Серевиры», где расположился штаб полка и некоторые команды.

Сушится желтовато-серое солдатское белье, дымят кухни, где-то захлебывается гармоника и снуют в разных направлениях «проведать земляка», рязанцы—курских, курские—воронежских—солдаты.

Через час после нашего прихода и расквартирования прибыло пополнение из «хохлов», как говорили солдаты.

300 человек молодых, веселых, с струящимся по круглым лицам потом, пришли нам на пополнение.

Бросаются в глаза их новые, светлые защитные гимнастерки, густо смазанные дегтем и покрытые пылью новые сапоги.

У них глаза не впалые — на выкате, и от старых фронтовиков они еще отличаются каким-то свободным, самостоятельным выражением лица и глаз.

«Семечники» называют их старые солдаты...

XV

Полковой праздник

Завтра полковой праздник болховцев. Ночью уехали в Тарнополь за белыми булками и колбасой, а перед рассветом, в несколько часов, на току, за селом, соорудили сцену. С утра наш полковой «оборонщик, артист-солдат» Немировский репетирует с труппой солдат какую-то несложную комедию.

Днем, соответственно случаю, полковой комитет устроил заседание и постановил прочесть доклады «о значении полкового праздника», «о способах защиты от удушливых газов», и «об искусстве вообще и сценическом в частности».

Итак, роли распределены. Можно начинать. А фронт? фронт «далеко» — 8 верст. Охотно забываем о нем, не хочется думать о жутком, безотрадном.

Солнце ярко сияет на чистом голубовато-синем небе. 2—3 маленьких серебристо-прозрачных облачка, только подчеркивают его чистоту. Порхают из садика в садик с веселым чириканьем жаворонки и скворцы, приветливо мычат уцелевшие коровы, мекают овцы и бодро заливаются кувыркающиеся в пыли собаки.

— Вот-те и день! Бла-го-дать! — слышны отдельные места несложной беседы беспечно-расположившихся с растегнутыми воротами, без фуражек, без сапог, на завалинках, солдат. Натертые, отекшие ноги так приятно отдыхают в солнечном тепле, в мягкой пыли...

— Да, давно такого не бывало... А сцену-то видал?

— Как-же видал.

— Ребята, а к обеду рисовая каша будет.

— Что там каша! — по полхунта колбасы, да по белой булке дадут. Вот, а ты, — каша...

Мирно, тихо, спокойно. Ведутся самые простые беседы. О фронте, политике, смерти не думается. Безсознательно избегаются эти темы. Пишут письма, стирают белье, пекут и жарят картофель...

Поневоле замечтаешься... Но откуда взялась эта муха? Жужжит над ухом, то в самое ухо заползает, то удаляется от него. Нехотя, машинально отмахиваешься. Жужжание настойчиво не прекращается. Тьфу, черт бы тебя побрал! Ветерок разрывает стройный ритм жужжания и новое дуновение приносит отдаленный сердитый, взлохмаченный рокот мотора... Аэроплан! Внимание фиксируется на невидимом, жужжащем враге. Привычный взгляд скользит по небесному полукругу, планомерно исследуя участками всю его площадь. Наконец-то, вот она: черная, передвигающаяся к зениту, точка.

— Ишь куды забрался?! — говорят солдаты, пальцами указывая друг другу машину. Сегодня их просто интересует маленькая механическая игрушка. Сегодня ей можно удивляться так, как будто впервые ее увидели. Сегодня мы «мирные-вольные». Солдаты же привыкли думать об аэропланах так, как думают о тяжелых снарядах, удушливых газах и т. п.

И когда на голубом небе, забегая наперед черной точке, появились молочные, расплывающиеся пятна, густо пачкавшие

небо, когда в воздухе застонали, посылаемые какой-то досужей батареей «дырявить небо» снаряды, картина стала интересной, красивой и занимательной... — Фронт был далеко, о нем не думалось.

Еше с утра, наши, вновь перевоплотившиеся в музыкантов, санитары, наигрывают залихватские марши, вальсы, польки.

Уже раз играли марсельезу... Солдаты толпятся вокруг эстрады, грызут семечки и беседуют с несколькими «кобитами» и «паненками», уцелевшим женским населением сел. Весело, хорошо!

Проголодались ребята. Запах рисовой каши щекочет жадные ноздри, голодные, но счастливые глаза любовно скользят по черному чугуну кухни. Праздничные обеды всегда запаздывают. Наконец, в три часа играют на обед. Все расходятся по частям и, живописно расположившись в садиках и на завалинках, громко разговаривая, хлебают «крашонку» и заедают ее сладкой рисовой кашей.

Через час на площади, перед сценой, группами собирается полк. У многих в руках булки и колбаса. Гремит оркестр. Шутки, смех по каждому поводу. Появляется начальство: командир полка, помощник его, со свитой молодых, не блестящих, офицеров. Оркестр играет марсельезу. Все встают, прикладывают руки к козырькам.

— Поздравляю вас с праздником,— кричит командир полка.

Громко несется ответное «ура». Сегодня все «хорошие», «вольные» и в мирном быту. На душе легко. «Командир?! Ен что-ж, его дело такое». Забыты на время социальные противоречия.

Кривляется на сцене актер, распинается баронесса Гринфельд — из земского питательного отряда, приехавшая поиграть «для солдатиков», а больше для знакомства и ужина с «господами офицерами». Дружно гогочут солдаты, а где-то высоко, высоко, затерянный в пространстве, жужжит — маленькая точка — аэроплан и на нем... человек.

Праздник и митинг затянулись до темноты. Довольные, веселые расходились солдаты по квартирам. Сутки, проведенные в мирной обстановке, почти вернули утраченные силы и только по серьезному выражению лица, можно было отличить старого болховца от новоприбывшего «семечника».

Запылали костры, закипел в жирных котелках мутный чай, зашипел на импровизированных сковородах, звучно жарящийся в масле, картофель. Группами принялись за ужин солдаты...

Через час все спало, только в темноте вспыхивали пламенные глазки «цыгарок» часовых.

В час ночи меня разбудил дежурный. Срочная телефонограмма из штаба полка. Читаю: «На участке «Золотой Горы» пойманы два перебежчика, к утру готовится серьезное наступление на участке Золотой и Безымянной гор. Наш полк в резерве участка. Полковому комитету проследить за приготовлениями рот и команд»... Коротко и ясно. Кончился праздник, начинаются будни.

Выхожу на улицу. Приветливо светят звезды. В садах вновь пылают и загораются новые костры. Сдержанный говор, редкий смех, стук баклажки о железо, ржание лошадей и иногда сиплый кашель. Будни вступают в свои права.

Захожу в команду. Лица разведчиков серьезны, но не пасмурны. Сосредоточенно чистят винтовки, смазывают обоймы и, даже, по-старому, кое-кто точит штык. Подхожу к группе пригоняющей друг другу аммуницию.

— Ну что, товарищи, не дадим?

— Чего там, известно не дадим. Мы без анексий и кантрибуций!

Та же картина в остальных частях полка. Офицеры довольны. Полк боевой и в перспективе подвиги, награды, из-за которых Леночки, Сашеньки, Полечки будут преклоняться пред героем; из-за которых к утру будет на несколько тысяч сирот и вдов больше; из за которых, через месяц-другой, снова будут выброшены на улицы тысячи беспомощных, жалких калек, мимо которых, брезгливо сморщив нос и нетерпеливо отмахиваясь, будут пробегать в блестящих цилиндрах и фраках защитники идеи войны до победы, патриоты.

Часа в три ночи я вновь уснул, не раздеваясь. На этот раз меня никто не будил. Проснулся я от близкой стрельбы, как мне казалось, из нескольких пулеметов. На дворе синяя ночь переходила в серое утро. Веяло утренним холодком. В садах и на улицах уже толпились снаряженные, в шинелях, солдаты. Курили, разговаривали, помогали друг другу пригнать аммуницию. Сновали конные разведчики и отдававали приказания офицеры.

Командира полка я нашел на бугорке, за селом, вместе с назначенным начальником резерва участка, бригадным командиром генералом Головинским.

То, что во сне мне казалось пулеметной дробью, на самом деле было орудийной стрельбой. Ритмические перекаты выстрелов

сосредоточенных в одном месте многих батарей и грохот разрывов были так часты, что, в отдалении, производили впечатление близкой пулеметной стрельбы. Рассвет позволил видеть длинную, высокую линию дыма и пыли на том месте, где должны быть наши окопы.

Полк готов — выстроился. Полевой ад'ютант, получив последние приказания, галопом отправился их исполнять.

Осторожно двинулась в обход бугров команда разведчиков. За ней потянулся весь полк.

XVI

Отступление 6 июля

Через 40 минут полк собрался в Жуковцах. Для выяснения обстановки были высланы в разные стороны конные ординарцы. Впереди, у подножья высот, горела деревня Кудиновцы: в ней рвались тяжелые снаряды. Там штаб 623 полка... Между нами и Кудиновцами огневая завеса. На Золотой горе спокойно. Атака, повидимому, будет направлена с Безымянной горы на деревни: Кудобинце, Кудиновцы.

Через несколько минут галопом прискакавший конный ординарец привез приказ.

Двинулись по извилистой дороге в сторону горящих Кудиновцев. Впереди команда пеших разведчиков, в полуверсте за нею второй баталион. 3-й остался в резерве в Жуковцах. Гул рвавшихся над Кудиновцами снарядов, покрывал все прочие звуки. Но иногда ветром доносило и орудийные залпы и шум пожара.

Вой легких, пыхтение далеко и высоко проносившихся тяжелых снарядов угнетали дух. Настроение продолжало оставаться бодрым по инерции, но от веселости и оживления не осталось и следа.

Начались обычные «недоразумения». Кто-то, якобы, нечаянно упал на землю, при чем выкинул вперед гранату... Ему оторвало левую руку, и он ушел с помощью санитара в тыл. Другой, как-то, особенно неловко, напоролся ногой на свой же штык и, истекая кровью, также отправился в тыл. Но это не мешало полку исполнить поставленную перед ним задачу.

Команда разведчиков уже поглощена зловещей огневой завесой. Скоро потонет в ней голова второго баталиона...

Трещат горящие избы. Взлетают на воздух вспыхивающие соломенные крыши. За стенами наиболее крепких халуп укрываются солдаты комендантской команды. Их обязанность возвращать на позицию бегущих. Вот один такой бегущий. Ноги босы, рубаха изорвана, всклокочены волосы на голове, а борода залеплена глиной. Глаза остановились выпученными на лбу. Бежит изо всех сил, и кричит: «Ой, родименькие, ой, не пущайте, ой, держите позицию!» А сам бежит, подгоняемый ужасом...

Штаб 623-го полка. Со всех сторон к халупе стянуты проволоки телефонных линий. У входа толпится связь. Несколько легко раненых молодых офицеров расположились по-домашнему, в туфлях, на завалинке... Курят, разговаривают. Кругом с треском горит деревня, иногда подгоняемые ветром клубы дыма закрывают халупу штаба и улицу вместе со всеми на ней находящимися. С Безымянной горы, которая начинается в полуверсте от Кудиновцев, в Кудобинцах несется металлический грохот разрывов. Промежутки между разрывами покрываются ружейной трескотней и пулеметной строчкой. Рвутся вокруг Кудиновцев с тяжелым оханьем 12—13 дюймовые снаряды. Наша артиллерия молчит.

Входим в штаб. Бородатый, нахмуренный полковник-командир полка, сквозь стекла пенс-нэ разглядывает разложенную перед ним, на столе, карту укреплений.

Знакомимся с обстановкой. Телефонная связь прервана. Окопы перемешаны с землей... Люди в панике разбежались. Полчаса тому назад, в 3-й линии, у центрального убежища, прикрывая на полуверстном участке два хода сообщения, держались 3 роты с 2-мя пулеметами под командой капитана не то С м и р н о в а, не то С т е п а н о в а.

— Где командир 2-го баталиона Болховского полка? — спрашивает вбежавший конный разведчик. Полковник Кавелин берет летучку. Аллюр XXX... Приказание: «Полковник К а в е л и н назначается командиром отряда 2-х баталионов, пулеметных и разведывательных команд. Отряду втянуться в окопы расположения 623 полка, усилить оборону, а если обстановка позволит, немедленно перейти в контр-атаку. Подкрепление подоспеет через час»...

Тут же новый начальник отряда отдает первое оперативное приказание: «Команде разведчиков быстро и осторожно втянуться через ход сообщения из Кудобинец в третью линию,

связаться с частями 623-го полка, усилить оборону и немедленно донести об обстановке. Второму баталиону, по-ротно, цепями, перейти в «Кудобинце», где вместе с двумя пулеметными командами занять резервные окопы и оставаться до распоряжения. На случай неожиданного появления неприятеля, энергичными действиями отразить его. Связь держать с частями на Золотой горе слева и с командой разведчиков справа и впереди. Третьему баталиону, команде конных разведчиков, связи, третьей пулеметной команде быть при патронных двуколках, оставаясь в резерве отряда, перейти в д. Кудиновце.

Итак мы вступаем в бой... Быстрой змейкой переползает долину команда пеших разведчиков. Выступают из Кудиновцев цепи пятой роты с председателем комитета, подпоручиком Михайловым, впереди. Шестая, седьмая и восьмая роты, в ожидании своей очереди, раскуривая цыгарки, отдыхают. Со стороны Жуковцев, на долине показались слитые серые колонны третьяго баталиона. Из-за них точкой катится конный ординарец. Везет, наверное, новые приказания.

Кудобинцы — пустое место. Деревни нет: куча обломков и торчащие на них каменные зубья означают место, где была стройная, большая церковь. От халуп ничего не осталось! Пожара нет, нечему гореть. Команда разведчиков притаилась за штабелем приготовленных для заграждений кольев. Охотники перебегают дорогу. Двух уже поглотил извивающийся в гору ход сообщения. Двое не успели перебежать; короткое шипение тяжелого снаряда, гул разрыва, во все стороны земля и камни и два изуродованных, изорванных трупа откуда-то сверху шлепнулись по сторонам дороги.

Мы деремся. С кем? Никого не видно. Где они? Сколько их? Не знаем!

Быстро пересекает дорогу новый — третий, за ним четвертый, охотник. Дозор в ходу сообщения. В промежутках между разрывами снарядов перебегаем по одному дорогу.

1-й взвод весь уже втянулся в ход сообщения. Начинает перебежку 2-й взвод, через минуту и его поглотит узкий ход в окопы. Бегом устраивается в окопах лощины 2-й баталион. Устанавливаются пулеметы, блиндируются цинки патронов, ящики гранат.

Все заняты, хлопочут. У каждого свое дело. Коротко отдаются приказания и быстро, без рассуждений исполняются. Бог войны вступил в свои права.

Бой в разгаре... Команда разведчиков, расположившись справа от наполовину уцелевшего отряда 623-го полка, пропускает мимо себя пятую роту. Неприятель распространяется по второй линии. Его артиллерийский огонь теперь сосредоточен исключительно на Кудобинцах и подступах к Кудиновцам. Жарко, должно быть, нашему второму и третьему баталионам.

Повидимому, сейчас начнется атака. Зловеще смотрят через корридоры ходов, во вторую линию, наши пулеметы. Отдельными выстрелами разведчики снимают одиночек, пытающихся приблизиться сверху. Вот прицелился наш «молдаван». Хорошо целится, сейчас кого-нибудь «снимет». Но неожиданно роняет винтовку и вслед за ней, хрипя, с кровавой пеной на губах, тяжело валится на дно окопа! Еще один убитый!

Протиснулась пятая рота, направо распространяется шестая.

Всегдашний трус, полковник Кавелин, сегодня неестественно храбр. Твердой походкой старающегося сохранить равновесие пьяного, во главе четырех баталионных разведчиков (на случай ранения), он шагает от штабеля кольев к ходу сообщения и обратно. Вот он в окопе, возле нас. Распоряжается. Молодцом! Синие брюки и дикая шашка конного разведчика. Где начальник отряда?.. Аллюр XXX. Опять приказание. Лицо Кавелина меняется, храбрость исчезает. Руки опускаются.

Неприятель прорвал у Тростинца, занял Олиюв. Движется на Залошцы, Бжовица. Новая оборонительная линия по Стрыю. Немедленно отступать. Обед в Яцковцах. После обеда, не отдыхая, быстро продолжать движение к Цехановской линии. На случай преследования кавалерией неприятеля, прикрывать движение сильным ариергардом.

Быстро протискивается обратно пятая рота. В ходу сообщения перемешивается с отходящей щестой. Мы, разведчики, усиливаем огонь. Неприятель накопляется в воронках и складках, за изорванными проволочными заграждениями. Растерянно, с тоской в глазах смотрит командир отряда 623 полка на уходящие части. Он не получил никакого приказа.

Опустел окоп. Уже отходит правый фланг команды разведчиков. Прощаюсь с обреченными людьми 623 полка. Командир отряда долго жмет мне руку, неожиданно обнимает, целует и как ребенок, рыдает у меня на плече. И так тоскливо, так жутко произносит короткое: «Прощайте!»

Кончился бой. Мы отступаем. Часто, часто переливаясь трещат винтовки и пулеметы на Безымянной горе. То остатки 623 полка прикрывают наше отступление.

Через 20 минут мы в Кудиновцах. Галопом обгоняют нас штабные двуколки 623 полка. Через минуту прискакавший командир его, с полевым ад'ютантом, присоединяются к голове нашего отряда.

Еще через час — мы в Жуковцах. Спешно грузятся и галопом от'езжают последние двуколки санитарного отряда. На западной окраине села вспыхивает пожар.

Трещат деревянные двери под ружейными прикладами. Через минуту коробки консервов у всех на руках, а в сумки укладывается запас. Спасаем, таким образом, невывезенные склады.

Проходит еще несколько минут и полк одет в новое, добрались до вещевых складов...

Вспыхивают хаты и на восточной окраине. Дым горящей деревни застилает от нас Безымянную гору. Где противник,— не знаем. Может быть уже в Кудиновцах?

Бегут с громоздкими тяжелыми узлами жители. Дети цепляются за рукава и юбки матерей. Испуганный скот угоняется с помощью кочерги, лопаты и т. п. Какая-то, сама на смерть перепуганная, старуха тащит за руку, чуть ли не несет своего обессилевшего мужа. В гуле и треске пожара, теряются вопли и причитания обездоленных жителей. Тем более ужасно выражение их лиц. Непонятные, беззвучные маски ужаса страшны немым отчаянием...

— Одевай маски,— гремит команда. Моментально полк превращается в «белых чертей». С последним глотком воздуха, вдыхаю сладковато-металлический и пряный запах свежего сена, свежих яблок. К счастью, маска спасла от дальнейших вдыханий бромистого яда, пущенного немцами.

Картина меняется. В несколько секунд, прошедших от момента команды до возможности снова взглянуть на окружающее сквозь стекла маски, все вокруг изменилось. Как сквозь зеленоватую дымку, вижу бессильно вздымающих руки к небу и валящихся без дыхания, только что суетившихся жителей. Старик, которого так упорно тащила его жена, лежит с прижатым к груди подбородком и не движется, а старуха, держась одной рукой за голову, тщетно силится сдвинуть его с места. Указываем, еще живым, руками на горящие халупы, стараемся дать понять, что

спасение теперь вблизи горящих строений, но задыхающиеся от ужаса смерти, потерявшие разсудок, пытаются бежать от нас. Их, повидимому, пугают наши странные, белые маски.

Еще несколько минут и между догорающими домами, серыми комками остаются лежать на с'едение пламени полуживые люди. Нам не до них. Мы сами еле унесли наши жизни из этого ада и теперь идем туда, куда нас ведут. Некогда!

Движение продолжается. Через несколько минут, достигнув холма, сняли маски. Сзади пылают: Кудиновцы, Жуковцы, налево подымается пламя от других горящих деревень. Нам некогда, мы спешим «вперед», подальше от могилы наших товарищей, из которой сами чудом выкарабкались.

Через полтора часа мы в Яцковцах. Прозрачный воздух свежей зеленой рощи на окраине деревни, мирно дымящиеся кухни...

Стоят у дороги, с черпаками в руках, обернутые в грязные передники из мешков и рогож, кашевары. Громко выкрикивают они названия своих рот и команд. Люди кидаются на призыв. Как бы совестясь чего-то, кашевары обнимают бойцов, ведут к котлам и, по-отечески ласково улыбаясь, разливают в котелки горячий суп. Полк чавкает, быстро поглощая вкусную похлебку. Кто поел, отряхнув ложку, быстро передает ее товарищу.

Как на картине, гладкими, мягкими линиями мелькают длинные стволы дальнобойных орудий, галопом увозимые горячими лошадьми. Вот потянулись полевые мортиры и трехдюймовые орудия. Прислуга бежит рядом с ними.

Низко настолько, что видны летчики, летят уступом три неприятельских аэроплана. Мы не стреляем и они ограничиваются разведкой.

Кончился обед. Спешим дальше.

— По порядку №№ рассчитайсь!— У каждого в строю новое место. Меньще стало номеров.

Под палящими лучами солнца, обливаясь потом, быстро идут скученные роты.

Зарайцы впереди нашего полка, а их, разведчики, вместе с нашими, составляют арьергард, прикрывая отступление.

То и дело обгоняют нас рысью уходящие обозы и галопом уносимые орудия. Навстречу, в облаках пыли, на рысях идет казачий полк. По дороге попадаются группы безоружных, босых солдат, отдыхающих у прошлогодних воронок. Многие,

истомленные жарой, пьют густую зеленую жижицу прогнившей еще с весенней оттепели в воронках воды.

Обгоняем медленно плетущиеся по дороге санитарные двуколки. Иногда из-за серых полотнищ выглядывает восково-желтое лицо в рамке белоснежного, покрытого кровью, бинта. Стоны, жалобы, скрежет.

Привалов почти не было. Прошли мимо одной затерявшейся в бесконечной степи деревушки, мелькнула в стороне другая, стало темнеть.

Ночью оказались в гигантском кольце, линия которого обозначалась заревом пожаров и взрывов. Величественно-стихийное пламя, то ровно горевшее, то неожиданно вздымавшееся к небу, где-то далеко за мыслимым горизонтом, освещало истоптанную траву по сторонам дороги, ложилось кровавыми бликами на сосредоточенные лица... Небо розовело зловещей зарей уничтожения...

Поздно. Давно уже бродим, а из заколдованного кровавого кольца выйти нет сил. Кажется, кружим на одном месте. Карт нет. Идем на угад. Присланные из штаба дивизии карты оказались картами района Злочев — Львов. К движению вспять подготовлены не были.

«Тю-тю, Львов!» — говорили солдаты. «Теперя идем, братцы, на Кияв!» На эти реплики иногда отвечали словами: «Да, бяжим, как бараны, стыдно!» А иногда говорили: «Что ж, Кияв, он тоже вроде неприятельскай, потому как там больно уж кадеты да всякие ахфицеры засели».

Люди отстали. Полк растянулся. Утром не досчитываемся половины людей. Те уж останутся в плену.

Невольно мысли о безысходной усталости, которая, как кажется, никогда не сменится теплым уютом покоя, меняются представлением о тесной, закоптелой халупе. Хорошо-б это лечь в такой халупе на лавку, скрутить длинную «козью ножку» и, блаженно затягиваясь, забыть обо всем. Хорошо. Не надо безконечно, как машина, упираться ногами в землю, толкать куда-то свое тело, до одурения напрягать все чувства, мысли и мышцы. И завтра итти, и послезавтра, и через месяц. Все иди, и иди, не зная — куда, зачем, для чего. А тут еще кавалерия или броневики настигнут и погибнешь «без вести». В жадных, вороньих желудках, найдешь себе могилу. А вот остаться где-нибудь в халупе, как остались тысячи товарищей, лечь на лавку, забыться и уснуть... А пробудит тебя какой-нибудь, такой усатый,

здоровый немчина и скажет: «идем камрад в плен». «Ну, что-ж? И пойду». А в плену? Да, в плену... В плену кормят водой и корой. В плену глумятся над личностью человека только потому, что он не немец и что его угнетатели силой и обманом всунули ему в руки винтовку и поставили против немецких интересов. Нет... Солдаты «свободной России» в плен к немецкому царю не должны итти. Гонишь эти мысли, а ноющие, болящие каждой косточкой, каждой жилочкой ноги механически подымаются и опускаются. Натертая, ломящая спина, сгибаясь под 10-тифунтовой ношей, колышется в такт движению, и идешь, идешь без конца, тянешься за ядром механических, оловянных солдатиков, как номер в большом многозначном числе без лица, без воли, без имени.

Неожиданно, сбоку, в лощине, тускло мелькнул огонек. Сгруппировались впереди офицеры, размахивают руками, спорят. Остановились. Через минуту продолжаем движение и круто, напрямик по полю, сворачиваем в сторону огонька. С горы легче. Огонек забегал по полю, вспыхивая то тут, то там... Чем ближе, тем больше огоньков. Молчаливая толпа оживляется шуточками и бодрыми словами: «Кияв-то далеко, а ночлег близко». Где-то сзади кто-то начинает глупую, но веселую солдатскую песню: «Ва-ку, ва-кузнице.» Подхватывают несколько хриплых голосов и через минуту весело поют все. Прибавляем шагу. Черная ночь сгущается. Деревня близко.

Быстро, без всякаго плана разбегаются солдаты по халупам. Ближайшие забиваются битком. Чем дальше от дороги, тем просторней в халупах. Разведчики — народ в таких делах опытный. Группами не спеша, расходятся они по окраинным халупам.

Я, с пятью товарищами, занимаю просторную халупу. Правда, в ней одна только комната, и, кроме нас, в ней еще хозяин с многочисленной семьею, но на глиняном полу так много места, а хозяин к тому же оказался настолько любезным, что притащил откуда-то несколько снопов соломы. Наскоро стелим, устраиваемся и засыпаем как убитые.

Ночью приятно ощущаю тепло чьего-то пушистого мягкого тела. Неожиданно рука натыкается на что-то мягкое, холодное. Рядом со мною, тесно прижавшись, спит теплый теленок.

Спишь, спишь по-настоящему. Снятся всевозможные путанные сны, а все же одной какой-то частичкой мозга бодрствуешь. И от нея исходит и разливается по всему телу физический

страх перед необходимостью скоро проснуться, прервать этот исцеляющий сон как раз, когда размягченные члены с особой силой приятно ощущают последние токи усталости.

Тра-та-та-та-та-та-та..... Снится дом, друзья и ясно различаешь сознанием, что где-то близко трещит пулемет и надо... надо — вставать. Нет физической возможности разделить веки, сон продолжает навевать отрадные картины далеких воспоминаний, а бодрствующая частичка мозга подсказывает необходимость встать, — готовиться к новым испытаниям нового дня. Трудно, но сквозь непрекращающийся сон сам себе говоришь, что трудно только отделиться от постели, а остальное уже сделается само собой.

Вскакиваю. Сквозь потные стекла окон уже пробиваются первые лучи летнего солнца. Синеватая прозрачная муть стоит напротив, в лощине. Товарищи уже на ногах, одеты и снаряжены. Близко, кажется, за стеной, трещит и переливается дробь нескольких пулеметов. Один из разведчиков, прижавшись к окну, выходящему на ложбину, внимательно смотрит и говорит:

— Эк яво пруть... И чево етта как бараны бижат? Мотри мотри, шапку кинул. Ну, чаво яму етта шапка к примеру помешать можит... А ружьев ни в каво нетути... Ну, какой етта салдат, как без ружжа. И спешат один другова талкаить, быдто таким манером дальше уйдешь... И офицеры с ними, а камандиров не видать... И сколько их.. Почитай, в целой Ермании столько народу нет, а они бижать... Одно слово бараны, деревенщина, оно сразу видно...

— Паника, — поясняет наш опытный «старик» 28-ми лет — Серегин. — Паника.

— Чиво тама паника, какая такая паника... Ани просто не солдаты, а тьфу, — отвечает первый.

— Паника, етта, кагда значить никакова там сознанья от страху нету, а человек тебе, как скатина какая становится. Знать ен ничаво не хатить, а только орет и бяжит и никакая тебе сила ево не удяржит.

Дорога, проходящая по противоположному краю лощины, полна бегущих солдат. Многие босиком, многие без рубах и фуражек и все без винтовок. Бегут, обгоняют в смертельном страхе друг друга, но плавно, мерно льется стихийно разлившийся поток людской массы. Словно река возвращающаяся в старое русло, волна за волной бежит человеческий поток.

А где-то недалеко, сзади, трещат захлебываясь пулеметы, прикрывающие их бегство. Сидят за ними сильные духом и лента за лентой твердой рукой посылают смертоносных шмелей навстречу надвигающемуся гибкой змеей неприятелю.

Бра-бра! с воем пронеслись над толпой два снаряда из каких-то легких орудий и еще не кончился вой полета, как где-то близко эхом откликнулся рев разрывов. В «голове» толпы движение. Волнами откатился, раздался людской поток. На минуту разорвался, но затем быстрей и быстрей покатился вперед. Что-то темнело на одном месте под ногами бегущих. То затаптывались измятые, хрустящие тела убитых и раненых.

Еще и еще выстрелы тех же орудий. Все ближе и ближе дистанция. Темп движения толпы усиливается. Но теперь это уже неплавно льющаяся человеческая река, а сердитый взлохмаченный поток, бушуюший среди непреодолимых порогов. По сторонам дороги, на склонах бугров появляются отдельные фигуры благоразумно выбравшихся из толпы, служащей точной мишенью неприятельским орудиям. Кое-где появляются отдельными пятнами полулежащие раненые, успевшие чудом выбраться из-под беспощадных ног озверевших людей. Но большинство с выпученными глазами, взлохмоченными волосами и крючковатыми пальцами, с пеной у рта, несется вперед, вперед, не зная куда и зачем. Я уверен, что, если бы в этом момент их поставили лицом к неприятелю, они так же бешено, не останавливаясь ни перед чем, мчались бы навстречу своей гибели.

Смолкли пулеметы. Через минуту те же два орудия открыли огонь по деревне. То там, то тут, иногда разбивая халупы, начали рваться снаряды. Команда, уже одетая и снаряженная, на околице, за хулупами, укрылась от огня и ждет распоряжений. Начальство ушло куда-то на полевую телефонную станцию. Содрогаются от грома близких разрывов халупы, звенят стекла, кругом валятся комья глины и земли.

Таща в тележках и на плечах громоздкие узлы скарба, гоня перед собой одичавший скот, с детьми на руках, бежит с воем и плачем, пригибаясь под снарядным шипением, немногочисленное население деревушки.

В воздухе снова разливается запах свежего сена, крымских яблок. Темнеет в глазах, расплываются очертания предметов. Без команды, торопливо натягиваем маски и, как из домиков, сквозь

стекла разглядываем окружающее. Странно как-то все помутнело свежей, но темной зеленой мутью.

А налево, в лощине бурлит и пенится живой поток и по сторонам его все больще и больше обозначаются беспомощные человеческие тела..

Во весь опор проскакал в сторону неприятеля конный разведчик. В порядке прошла «на Рассею» команда разведчиков 140 Зарайского полка.

Короткая команда «становись!». Гражданское — «по одному» — и нетерпеливо дрожащие ноги уносят нас из обстреливаемой действительным огнем деревни.

По тропинке взобрались на холм. Бегом, по одному, перевалили через него и по полям зреющего гороха спускаемся в лощину. Слева, в лощине, сделавшейся руслом отступления «главных сил», все время рвутся снаряды. Очевидно, надоевшие два орудия преследуют наши части на грузовике.

Навстречу нам разбегаются редкой цепью и ложатся зарайские разведчики. Минут через пятнадцать проходим над ними, а еще через несколько минут сами устраиваемся на гребне холма и ждем неприятеля.

Отсюда нам виден пройденный путь. Видна недавно оставленная нами деревушка..... Она вся охвачена пламенем и то исчезает, то появляется в клубах черного дыма.

Из-под дымовой стены появляются маленькие точки — люди. Напряженным глазом видишь их — по одному — десяток, другой, но скоро счет теряется. По одному они, но все пространство занято ими, и много, много их. Ничтожные, крохотные, они несут в руках какие-то прутики, тащат за собой на колесиках трубочки и отжимают нас с стихийной силой от своих реденьких рядов и, изменяя по своему произволу состав воздуха, губят людей массами, сами при этом ничем не рискуя.

На гребне ближайшего холма появляется ряд небольших фигурок. До них недалеко — с версту. Хорошо видны тупоконечные каски, винтовки в руках и командиры, идущие несколько сзади цепей. Вот они перевалили через гребень. Еще несколько минут — и склоны нашего холма скрыли их «от глаз неприятеля».

Лежим тихо, штыки не торчат, ждем. На гребне опять появляется и быстро исчезает в лощине цепь неприятельских солдат. А из оставленной нами утром деревушки, из-под дымовой стены, появляются все новые и новые пятнышки — человечки.

Уже по пояс видна движущаяся на гребень противоположного холма третья цепь неприятеля. На нашем холме появляется из лощины первая цепь. Видны каски, плечи, крышки вещевых сумок и отверстия стволов винтовок.

Неожиданно тишина резко нарушается короткими ударами — толчками ружейных выстрелов. Через несколько мгновений сердитая трескотня нескольких десятков наших винтовок заставляет скрыться головы и плечи. Несколько неподвижных фигур осталось на склоне. Теперь видны не только головы их и плечи, но и все тело. В них стрелять незачем. Они уже — не враги. Третья цепь неприятеля, маленькими фигурками во весь рост, появляется на противоположном гребне.

Штабс-капитан Михайлов подымает винтовку, устанавливает прицел «10» и выпускает три пули. По пыли, поднятой их ударами видим, что прицел правилен. Автоматически без команды каждый ставит прицельную рамку на «10», передавая по цепи — «10».

Через минуту несколько винтовок в центре цепи, без команды заводят хлопотливо-ворчаливый разговор. Стрельба перебрасывается вправо и влево. Все чаще, все злее трещат ружья, с остервенением посылая пули в редкие неприятельские цепи.

Неприятель на холме быстро исчезает, укрывшись за гребень. Смолкают наши винтовки. Цели больше нет. Только на горизонте, из пылающей деревни выползают вереницы жучков, подымается, закрывая языки пламени и клубы сизовато голубого дыма, столбом пыль. Движется артиллерия неприятеля. Смотрю на карту, горит д. «Нетерпиловце».

Слышу речь соседей: Ишь, хитрит, сбоку обходит. И действительно, далеко слева, на гребне противоположного холма, при внимательном упорном наблюдении можно различить маленькие, чуть темней окружающего, точки, быстро движущиеся на Восток.

Зарайцы подымаются, идут в нашу сторону цепью. Скоро, пройдя над нами, они начинают подыматься на гребень ближайшего холма и, достигнув его, располагаются лежа, цепью. Теперь наша очередь. Не взирая на движение неприятеля, мы спокойно подымаемся и движемся вслед за Зарайцами. Вскоре оставив за собой цепь Зарайцев, мы спускаемся на противоположную сторону другого холма. Затем мы ложимся и постреливая

удерживаем неприятеля, а Зарайцы уходят. После Зарайцы прикрывают наше движение и, таким образом, волной, мы благополучно уходим от неприятеля. Во время движения, в промежутках выжидания в цепи неприятеля, успеваем подкрепиться припасенными в Жуковцах, при эвакуации складов, продуктами и солидно отдохнуть. Несмотря на быстрое движение с самого утра, никто из нас не устал.

А впереди нас, бешеной лавой, заполняя все проселки и тропинки, несется озверевшая, потерявшая человеческий вид, толпа «отступающих в беспорядке» частей.

Характер местности изменился. Кончились холмы, и перед нами легла широкая, несколько повышающаяся к горизонту, равнина. Верстах в двух долину пересекал широкий проселок, а несколько подальше убегал за горизонт другой такой же. Проселки не имели сплошных линий и часто целыми частями исчезали. По этому можно было заключить, что равнина далеко не так гладка, как казалось вначале. Горизонт замыкался зигзагообразной линией, отдельными пятнами выступавшей зелени. Как островки на море, в нескольких верстах от нас виднелись три группы деревьев, расположенные на линии второго проселка, верстах в 3—5-ти одна от другой. Это были д. Волосовце и ряд укрепленных ферм и хуторов. На карте была обозначена оборонительная линия с опорным пунктами: ферма на высоте 364 и дер. Волосовце. Высота 364 почти против нас, — несколько влево, а Волосовце виднелось самым дальним островом на горизонте влево. Далеко вправо, за высотой 364 виднеется замыкающая горизонт группа деревьев. То, говорят, «Цеханов».

Желтая извилистая линия окопов пересекает островки селений и скрывается налево в складках местности, направо—за высотой 364. Впереди окопов видны приготовленные и вбитые в землю колья для проволочных заграждений. Наша дорога упирается, перпендикулярно линии укреплений, в проселок на левом склоне высоты 364. Слева, далеко в ложбине, вьется другая проселочная дорога «На Рассею». Несмотря на расстояние, невооруженным глазом хорошо видно, что кишат на ней толпы людей. Отсюда кажется, что бурлит поток, не двигаясь вперед.

Два орудия беспощадно подгоняют толпу в несколько десятков тысяч человек.

Каждую минуту два снаряда впиваются в густую человеческую массу на подымающихся к горизонту дорогах. Через миг

лучи осколков и искр пронизывают толпу, раздают ее в стороны, а еще через мгновение толпа, как жидкий кисель, снова смыкается, затаптывая раненых, бешено продолжает движение, а на роковое место, снова убивая и калеча, опять и опять валятся снаряды. Два орудия. Всего два. Но теперь они стреляют наверняка...

У поворота дороги три конных ординарца скликают солдат своих частей. «Болховцы — Волосовце, Зарайцы — ферма Леонора, Нежинцы — Волосовце». Соответственно полученным указаниям, солдаты отделяются от общей массы и отправляются на сборные пункты. Но толпа в ложбине продолжает свое движение безостановочно и ничто, кроме еще более сильного ужаса, не заставит ее изменить раз взятое направление.

По приказу — примитивно сообщенному ординарцем, нам нужно итти в Волосовцы. Но немцы «на плечах». Если мы — единственная боеспособная группа — пойдем в Волосовцы, то, пока дойдем туда, немцы уже будут там, и не только полк собраться не сможет, но и не уйдет. Необходимо задержать неприятеля, пока части придут в какой-нибудь порядок.

Наше начальство сговаривается с начальником команды разведчиков Зарайского полка. И после некоторого совещания зарайцы присоединяются к нам, и, вместе, мы движемся к высоте 364.

Взобравшись на довольно крутой холм, мы очутились в роскошном саду фермы. Прочно против нас высится массив старинного каменного амбара. Получаю распоряжение и с первым взводом располагаюсь за этим амбаром. Хорошая позиция: амбар упирается в обрыв, обстрел хороший и далекий, через ход сообщения на прикрытую нашей высотой, дорогу — путь к отступлению великолепный.

Начальник команды, штабс-капитан Михайлов с первым взводом удаляется вперед.

Они устраиваются за каким-то разрушенным строением на краю отступающего влево обрыва, в 200 шагах впереди нас.

Неприятель настигает, первая цепь его скрылась в лощине, вторая на середине противоположного холма, третья перевалила за гребень его, четвертая показывается на гребне.

Движутся медленно, аккуратно, как машины, маленькие, чуть продолговатые точки. Они везде... Вот подымается к нам по склону 1-я цепь. Это уже не точки. Видны мягкие бескозырьковые фуражки, а на некоторых каски в серых чехлах.

Синестального цвета куртки, ранцы за спинами и точки ствольных отверстий обращают на себя наше внимание.

За цепью 2—3 группки тянут пулеметы. И «Гочкисы» ясно видны.

Ближе, ближе неприятель. Сейчас поравняется со строением, за которым притаился 1-й взвод. Вот уже фланг цепи уперся в строение. Вторая цепь приближается к первой; третья только что скрылась в лощине, и две других видны на склоне холма напротив.

Солнце ярко светит, играя в зелени деревьев и травы. Птицы веселым щебетанием наполняют воздух. Тепло, светло и мирно-радостно.

Вдруг, нелепый треск и, как бы догоняя и обгоняя друг друга, затрещали выстрелы 1-го взвода. Гармония летнего дня сразу исчезла, потонула в этих резких коротких звуках ружейных выстрелов.

Отдаю команду, и моментально, огнем, прокатился по цепи гул беспорядочных выстрелов. Стонут рикошетные пули. Эхо провожает их полет и трещат, трещат, с остервенением, то повышаясь до тонкого воя, то понижаясь до низкого гула, как дерущиеся собаки, выстрелы.

Остановилась в недоумении неприятельская цепь... Кое-кто, взмахнув руками, покатился с уклона. Через минуту живые, потоптавшись на месте, последовали за мертвыми, стремглав ринувшись вниз по склону горы.

Не устанавливая прицела, приподняв лишь стволы, мы продолжали стрелять по ясно видным вдали, на противоположном холме, последним цепям неприятеля.

Все чаще и чаще наш огонь. Стволы жгут руки, и в ушах стоит звон от назойливого треска.

Точки, напротив, мечутся: то влево кинутся, то вправо, то вдруг разростаются, утолщаясь — сбиваясь в кучу. Наконец, замерли неподвижно.

— Эх, дурачье! А еще немцы, — простодушно посмеиваются солдаты, посылая пулю за пулей в лежащую теперь немецкую цепь.

— Ну, и чево этта легли? По склону оно и видней, бежать бы за бугор надоть, а они, дурачье — легли. Этта тебе не ровное место, а еще немцы, тьфу! — Добродушные насмешки не мешали, однако, тщательно прицеливаться в неподвижные черные точки, и когда какая-нибудь из них, медленно качнувшись и слегка

сдвинувшись с места, замирала навеки, счастливый, стрелок с гордостью восклицал:

— Под самый живот!

Или:

— В голову.

Смотря по тому, куда попадала пуля.

С нашего места хорошо были видны вздымаемые пулями струйки пыли. Появлявшиеся при начале стрельбы по сторонам цепей, теперь они вовсе не были заметны. Пули ударялись или в людей или так близко от них, что пыль не подымалась.

Очевидно, лежать дольше под нашим обстрелом было невозможно и черные точки, укоротившись, быстро покатились к гребню холма и через несколько секунд скрылись за ним.

Мы готовы к новому отпору. Нетерпение больше жжет руки, чем раскаленные ружейные стволы. С гордостью поглядывают солдаты на противоположный бугор, то там, то тут покрытый неподвижными черными пятнышками. На их лицах написано: «Ну-ка сунься еще»...

А недалеко от нас, скрытые склонами холма, притаились в лощине две обстрелянные первые неприятельские цепи. Им ни вперед итти, ни назад. И так, и этак, а нашего хорошего обстрела им не миновать.

Ждем. Вдруг откуда-то сзади, по цепи приходит известие: «Немцы заняли В о л о с о в ц е и по второй линии наших старых укреплений движутся нам в обход. Зарайские разведчики успели отойти на восток. Спешить нужно уходить и нам. Левофланговый, непосредственно получивший известие, по моему требованию, быстро переползает ко мне. От него узнаю, что сведения он получил от специально посланного зарайцами солдата.

Делать нечего. Высовываюсь из кустов и машу рукой. Фуражка Михайлова показывается из-за разрушенной стены. Он меня понимает. Через секунду колеблется трава, и раздвигаются кусты под телами ползущих людей. Мой взвод по одному втягивается в ход сообщения. Вскоре за нами последовали солдаты 1-го взвода.

Над нами свистят и жужжат пули. Сзади трещат пулеметы. Неприятельские цепи опять на бугре. Но поражения нам эта стрельба не наносит, нас прикрывает гребень холма.

У самого выхода из хода сообщения; — затор. Передние молодые разведчики остановились и с опасением поглядывают на

низко реющий аэроплан — на котором трещит пулемет. Пули с высоким присвистом роют землю вокруг окопа.

Еще минута и будет поздно. Немецкие цепи достигнут бугра, перережут нам путь и тогда придется сдаваться на милость победителя. Быстро вскидываю винтовку и выпускаю три пули по аэроплану. Ободрившиеся солдаты последовали моему примеру и быстро, пуля за пулей, начали стрелять по аэроплану. Тот быстро нырнул в сторону, а разведчики принялись по одному перебегать дорогу.

Бежит изо всей силы солдат, добежит до окопа — и бух в него с саженной высоты. За первым, второй, третий, четвертый и так дальше бегут, бегут солдаты . . .

Прикрытая с фронта высотой 364 дорога теперь обстреливается с фланга где-то скрытым немцами, пулеметом. Ряд за рядом вздымаются струйки пыли, выбиваемой пулями. Подобрав полы шинели, придерживая ранцы, пригнувшись, быстро перебегают солдаты роковое место. Они как бы перебрасываются через дорогу. Пока ни одного из них не коснулась пуля. Но вот бежит телефонист Колядка. Уже достиг средины дороги и вдруг . . . растянулся и стонет с перебитой ногой. Парень ранен не первый раз и, поэтому, прижавшись к земле, лежит, не приподымаясь. Стоит только приподняться, чтобы мгновенно превратиться в решето.

Между траверсами второй линии, против дороги столпились разведчики. Каждые несколько секунд сверху валится новый, благополучно достигший убежища. Пулемет стреляет совсем близко. Немцы близко . . .

Подгоняю солдат. Толпа быстро вытягивается в змейку и исчезает, двигаясь вправо по окопу.

Опять затор. Повидимому, остановились перевязывать раненых. Протискиваюсь вперед. Наш, «по списку», начальник команды, капитан Приходько, только что прибывший из отпуска и не успевший принять еще командование от Михайлова, но бывший в бою с другими частями полка, стоит в толпе солдат. Рукав на левой руке у него отвернут, рука согнута, лицо корчится в гримасах, а правой рукой он поддерживает левую. Крови не видно. Подхожу. Он указывает на место между плечом и локтем. Торчит оттуда острый конец немецкой пули и ни капли крови. Пробую вытащить пулю руками. Не тут-то было. Как клещами, что-то держит ее. Вцепляюсь зубами и, наконец, вытаскиваю. Кровь

сразу хлынула из открытой раны. В одну минуту перевязка готова. Протискиваются мимо нас солдаты команды. Мы присоединяемся к хвосту цепи.

Наши все прошли, но сзади слышится сопенье и топот многих ног. Ясно донесшаяся немецкая речь заставляет усиленно колотиться сердце. Немцы за траверсом. Вот-вот настигнут... Фельдфебель Корниенко отбирает у всех гранаты и с четырьмя штуками их выползает на поверхность. Мы устремляемся вперед. Вдруг, взрыв четырех гранат потрясает воздух. Сзади стоны и крики:

— О, гот, о вей! и т. п. Быстрота нашего движения усиливается. Вскоре задыхающийся Корниенко валится в окоп со словами:

— А славно я их!

Отступление продолжается.

XVII

Збараж — Стехниковце

К вечеру пришли к Стрыю. Противоположный берег холмист, покрыт лесами. Движемся вдоль берега — против течения. Где-то здесь должен быть мост.

Настигаем хвост беспорядочно движущейся колонны. Тут и зарайцы, и нежинцы, и моршанцы. Каким-то чудом очутились среди них солдаты действующих в Буковине финляндских полков.

Большинство солдат без винтовок, многие без сапог. Не только солдаты, но и офицеры попадаются безоружные и босые.

От неизбежного конного разведчика узнали, что мост недалеко, а за ним, на горе, будет село «Я н к о в ц ы», где назначен сборный пункт частям корпуса.

Через четверть часа прошли по зыбкому низенькому мосту широкий, но несудоходный С т р ы й.

За изгибом круто подымающейся в гору дороги встречаем первые, довольно приличные дома села.

Не успели добраться до средины под'ема, как протяжный гул взрыва возвестил о том, что моста больше не существует.

В конце под'ема начиналась главная улица. У входа в нее нас ждут начальники во главе с командиром полка.

Командир полка напряженно вглядывается в толпу солдат и, узнав в нас болховцев, идет навстречу, но увидев, что нас мало, разочарованно произносит:

— Только то... Затем на лету, по-казенному, поцеловав штабс-капитанов Приходько и Михайлова, по-штатски здоровается с нами. Вместе с командиром полка и его свитой продолжаем двигаться по улице. Навстречу нам попадаются свежие солдаты 156 дивизии, спешащие разместиться в крытых окопах по гребню замыкающей деревню возвышенности.

За командиром мы следуем к месту, предназначенному для сбора и отдыха полка. Через всю деревню приходим к противоположному спуску с холма и располагаемся в наполовину срубленном лесу, среди молодых порослей кустарников.

Вскоре то там, то тут вырастают палатки офицеров. Ребята разводят костры, но откуда-то приходит приказание потушить их, дабы неприятельские аэропланы не обнаружили места нашего расположения.

Обедаем. Сухой хлеб — наша — единственная пища, и им мы дружно делимся с товарищами, у которых отсутствуют запасы.

Завязываются в группах беседы. Быстро передаются от одной к другой последние новости. Оказалось, что только сегодня мы вышли из кольца неприятельских частей. Все склады, запасы продовольствия и обмундирования, масса орудий и множество пленных достались ему. Неприятель сосредоточивается ниже по Стрыю, против Залошц, а здесь, где-то близко, находятся его передовые части. Наша дивизия разбита без боя, а нашего полка,— только мы и есть. 621-й и 622-й полки, вернее остатки их, располагаются по линии Стрыя, для защиты участка, до прихода свежих сил. Наш несуществующий полк — в резерве.

— Прячься в кусты! Ероплан! — пронесся вопль, и солдаты быстро притаились, где кто мог спрятались от аэроплана.

Как бы, только что отделившись от земли, низко, прямо у гребня горы, взлетел над нами аэроплан. Большой, белый — «Ангел» — как его называют солдаты, был ясно виден. Настолько ясно, что мы могли различить лица летчиков.

Аэроплан описал над нами несколько кругов и скрылся в сторону неприятеля. Следовало ли нам ожидать теперь града снарядов, или можно было спокойно отдыхать, мы не знали, так, как не знали, обнаружил ли наше расположение неприятельский летчик.

Под толстым деревом расположилась небольшая группа младшего начальства. Вскрыли банку консервов и только разинули рты, чтобы есть, как характерное «фр... фр... фр...»

снаряда, низко пронесшегося над головами, нарушило общий покой. Едва не сорвав мне голову, в землю, прямо за нами, врезался легкий снаряд. От вихря его вращения, у меня слетела с головы фуражка. Несколько секунд предсмертного ожидания. Взрыва не последовало. Одно из необ'яснимых фронтовых чудес. Снаряд, который наверняка убил бы и искалечил всех людей группы, не разорвался. Это был единственный за день снаряд. Опять живем.

Понемногу, группами и в одиночку, собираются люди полка. К 12 часам ночи собралось 115 болховцев. Уже полк существует не только на бумаге. Перебирается к нам и командир полка, который устраивается в большой палатке, внизу, в кустарниках вблизи ручейка. В командирской палатке топилась жарко накаленная австрийская складная печурка, на ней варился чай, жарилась яичница и готовилась прочая вкусная снедь. Неподалеку от палатки командира, в яме расположилась «Центральная» телефонная станция полка. Единственная станция, связывавшая полк с штабом участка. Солдаты по-двое, по-трое, не раздеваясь, тесно прижавшись друг к другу и накрывшись палатками, прикурнули—кто на соломе, кто на молодых нарубленных для постели ветвях.

Тяжелые мысли сомнений и тоски роем нахлынули, давят усталую голову. Вместо того, чтобы сразу заснуть, люди долго ворочаются, вздыхают и откашливаются — ощущают окружающее в болезненном полусне. Хоть не видишь, но ясно чувствуешь блеск синеватой звездочки, высоко мерцающей над нами, и мутный лик молодого месяца и прозрачную свежесть синего воздуха.

Шум у командирской палатки привлекает общее внимание. Там мелькают тени передвигающихся от палатки к телефонной яме и обратно людей. Подхожу... В яме полулежит на животе командир полка. Телефонная трубка около уха. Лицо напряженно-радостное. Рядом, стоя на корточках, телефонист записывает разговор. Сбоку, тоже на корточках, вслушивается в беседу ад'ютант. За ним стоят двое «из свиты», поодаль — связь.

Слышу странный разговор.

«Где вы?» спрашивает командир полка.—Не знаете? Как, не знаете? Ага, понимаю! Двигайтесь к востоку, пройдите версты с три, не покидая леса, выясните, нет ли у берега неприятеля и переправляйтесь. Да, понимаю. Что? Помочь? Не можем! Если везде будете натыкаться на неприятеля, нащупайте место послабей и энергичней пробивайтесь. Мы в Янковце. Ждем! — Что-то

вспомнив, командир возвращается к аппарату: — Алло! Сколько с Вами людей? Сколько? понимаю, ну приходите!..

Командира полка окружает свита. Из беседы с нею мы узнаем, что 2-й баталион, под командой подполковника Вердеревского, действовавший на другом участке фронта, каким-то чудом пробился к реке и теперь скрывается в лесу, чтобы ночью переправиться к нам. По телефону Вердеревскому удалось говорить случайно. Включившись на-счастье в оставленный нами провод, через центральную станцию штаба участка, он получил возможность говорить с полком.

Командир уходит к себе в палатку со словами: «Вердеревский— молодец! Он придет!»

Под утро, действительно, к нам присоединились остатки сравнительно хорошо сохранившегося второго баталиона — 320 голодных, измученных и мокрых солдат.

На рассвете у конных ординарцев сыграли сбор, потом седловку и, через несколько минут, они отправились на восток, в неизвестное нам место, в качестве квартирьеров.

Через час после их от'езда отправился и командир полка со штабом, а часов в десять утра выступил и полк по дороге «на Рассею!», к Волынской границе.

Разобравшись в карте я увидел, что Тарнополь оставался вправо, а наш путь лежит на г. Збараж, откуда до нашей границы верст 18.

Вскоре я узнал и дислокацию. Обоз 2-го разряда и канцелярия — Капустинце — на русской территории — пограничная деревня Волынской губ. Полевой штаб полка и строевой состав в г. Старый Збараж, обоз 1-го разряда и околодок — на хуторе за Збаражем.

Уже четыре часа движемся по скошенному обгоревшему полю. Какие-то хутора остались сзади, впереди и кругом желтеют необ'ятные поля, на которых зелеными островами там и сям виднелись участки, засеянные кукурузой, подсолнечником и горохом.

Кончился большой привал. Где-то застряли наши кухни, обед остался в котлах, а мы, голодные и усталые, продолжаем механически двигаться. Через час устали настолько, что ноги не тащили тело, а сами плелись за ним. Не ногами, а головой продолжали мы двигаться. Волей шли. Замечательно, что когда мы отступали под непосредственным нажимом немецких солдат

и проходили большие пространства с значительно большей быстротой, мы не так ощущали действие усталости, как в этот день сравнительно легкого и нормального перехода. Повидимому, усталость и напряжение прежних дней сказались сегодня.

В голове одна мысль: надо итти, итти, во что бы то ни стало. И волочит эта мысль усталое развинченное тело. Казавшиеся в начале похода неимоверно тяжелыми десятифунтовые сумки теперь не чувствуются, боль в оттянутых плечах сама по себе настолько велика, что тяжесть сумки теряется в общем чувстве сверлящего нытья костей. Плохая обувь трет прелые ноги, и многие уже несут сапоги на штыках винтовок. Чем дальше двигается полк, тем меньше в нем военного, тем больше похож он на толпу рабочих, возвращающихся с тяжелой работы. Коль не свалишься, вечером отдохнешь. И идет вразброд то, что официально, в резерве самого Верховного главнокомандующего, именуется 138-м пехотным Болховским полком. Наш путь обозначен точками отставших и воткнутыми штыками в землю винтовками.

Вечер. С бугорка, через который лежит дорога, все видят отдаленную группу деревьев, чернеющую на горизонте. Это и есть Збараж.

Опять отдыхаем, подтягиваемся и, после еще 2-хчасового марша, наконец, вступаем на длинную широкую улицу, главную улицу Збаража. Старинный Збараж до боли напоминает старый русский провинциальный городок.

Вместо отдыха, небольшой привал на окраине города и через несколько минут, полк снова движется в сторону Нового Збаража. На рассвете поход, наконец, окончен и полк располагается, как обычно: штаб — в лучших домах, а люди — по сараям и садам.

Спали до 12 часов дня. Никто не тревожил, а усталость отогнала представление о пище. С раскрытыми ртами, бледные, грязные, похожие на трупы, одетые и аммуниченные, спали вповалку солдаты.

С 11 часов дымятся походные кухни. Варится борщ со свежим мясом. Только хлеба нет. Должны были привезти да запоздали.

Проснулись солдаты, ходят по прилегающему к городку селу и меняют австрийские одеяла, папахи, снятые с убитых, брюки или ботинки—на хлеб. Раздобытый таким образом хлеб по-братски

поделили и, жадно вдыхая в себя аппетитный пар котла, с горящими от нетерпения глазами, ждут очереди.

Раздают обед. Извивается и сокращается длинная змейка очереди. Кашевар чертит круги черпаком на поверхности содержимого котла, наливает в баки раз, затем, слегка зачерпнув пищи погуще на дне котла, доливает ее в баки. При этом произносит обычное: «на двоих». «Крашонка», с какой-то радостной жадностью, смакуя слова, произносят счастливцы, получившие обед раньше других.

Устроившись на завалинках, бревнах и, просто, на корточках, сопя, потея и обжигаясь, уплетают ребята горячий борщ, заедая его маленькими кусочками хлеба.

После обеда опять отдыхали. Чинили обувь, одежду, чистили винтовки, пригоняли аммуницию, стриглись, брились...

Из Капустинцев на двуколке привезли ружья и роздали «потерявшим».

Два дня стояли в Новом Збараже, как в мирное время. А впереди никаких частей не было. Но командование знало, что немцев поблизости нет. С неприятелем связь была основательно потеряна и, повидимому, надолго.

На третий день прибыл в полк поручик Глыбин из Рязани. Эта «жертва» революции, только ею выброшенная на 3-й год войны на фронт, сын заведующего хозяйством полка полковника Глыбина, по протекции отца, немедленно получил назначение в тыл, на должность командира 1-го «взбунтовавшегося» баталиона. Расчет был вполне правилен. Дело, повидимому, шло к концу, 1-й баталион уже до конца войны принимать участия в боях не будет. Значит, поручик Глыбин, может быть в качестве командира 1-го баталиона и на фронте и вне опасности. Но дальнейшее покажет, что не всегда такие расчеты оправдываются.

От Глыбина мы узнали о падении Тарнополя, о разгроме нашей армии, о критическом положении Главкома Брусилова и о кандидатуре на его пост решительного генерала Корнилова, успешно наступавшего в Буковине.

Глыбин же привез в полк модное в то время в тылу определение нашего отступления: «Наши части так хорошо отступили, что неприятель потерял их».

На фронте в это время родилась другая казуистическая формула: «Спасение в отступлении. На необ'ятной территории

нашей родины, неприятель распылится, исчезнет!». Этот продукт офицерского остроумия встречал сочувствие только в среде солдат, семьи которых остались в сердце или на окраинах России.

Итак, вместо наступления и разгрома неприятеля, командование теперь представляло себе необходимым совершенно противоположное. Вместо «несокрушимой силы русского оружия», выплыла на сцену надежда на быстроту солдатских ног.

Ясно было для сознательных солдат одно: начальство меньше препятствует немцам, чем солдаты. Уже в те дни видно было, что командование предпочитало немцев—большевикам. В этом отношении, как показали дальнейшие события, Петлюра не придумал ничего лучшего, чем монархо-патриотические генералы. Корниловщина указала командованию еще один путь к спасению России, к спасению своих поместий и чинов. Но об этом будет ниже.

Характерно, поэтому, что со времени отступления, командование не только не препятствовало комитетам обсуждать свое святое святых—«боевые приказы», но, наоборот, само давало повод к таким обсуждениям, умывая руки и перекладывая вину за последующее на комитеты, с целью дискредитировать демократическую систему управления армией. Это становится понятней, когда вспомнишь ту бешеную травлю, какой подвергло комитеты то же командование несколько дней спустя, при назначении Корнилова на пост главкома.

Я не могу припомнить ни одного героического эпизода на протяжении многих дней отступления, когда какой-нибудь доблестный высший начальник пытался бы «личным примером» прекратить отступление. Не так уж много было нужно, чтобы превратить паническое бегство в победоносное наступление. За многочисленными массивами наших солдат, по мере удаления от основных позиций, шли только небольшие группы немецких солдат, разбросанные жидкими цепями на громадных пространствах.

Следующий эпизод убедил меня в правильности моих предположений.

На третий, по прибытии в Збараж, день, мне пришлось побывать на армейском с'езде, созванном в г. Кременце, специально для обсуждения вопросов, связанных с причинами отступления, и с целью оздоровления армии.

До Вишневца я добрался пешком, а оттуда до самого Кременца мне посчастливилось проехать в автомобиле с неимоверно

любезным генералом, оказавшимся инспектором артиллерии 11-й армии. Генерал, повидимому, неспроста разрешил мне проехать с ним. И не простая его скука послужила мне на пользу. Из его расспросов я узнал, что его интересует мнение строевого солдата об отступлении. И не тоску патриота я прочел в его лице, а торжество трусливого хищника. Что-то воронье было в его внимательно-торжествующих глазах.

Главным образом его интересовало, как чувствуют себя солдаты и командиры рот? Что говорят о Корнилове, о Брусилове, о Керенском, хотят ли теперь защищать от прямой непосредственной опасности свои семьи? Что говорят о большевиках и что предпринимают большевики?

Считая солдат серой скотинкой, он нисколько не стеснялся меня, и его расспросы сказали мне гораздо больше, чем ему мои ответы. После беседы с ним я понял, чем об'яснить полное отсутствие хотя бы обычной стрельбы артиллерии по неприятелю.

Как из грязного, липкого болота, выбрался я из автомобиля в Кременце. Всюду следы старины... Мрачно смотрят глубокими впадинами бойницы со старых, полуразрушенных стен башен. Когда-то сидели в этих башнях, за этими бойницами люди и спокойно направляли стрелы из луков, или фунтовые пули из ружей и пищалей в неприятеля и посмеивались над ним. А сейчас? Сядь-ка за такой стеной!

Штаб 11-й армии. Стоят в ряд нарядные автомобили. Мерно, «по уставу», шагают рослые часовые. Брящают шпоры, горят на защитном ордена, с достоинством плывут раздвоенные бороды.

Кожаные куртки, бледные лица, растрепанные волосы молодых офицеров из студентов перепутаны с моноклями и гладко прилизанными, плешивыми головами кадровых.

Армейский с'езд... Горячится писарская и офицерская молодежь, хмуро-спокойно сидят в углах, особняком, солдаты, а, с другой стороны, также спокойны, даже веселы, представители высшего командования.

Армейский комиссар Чекотило говорит на овоененном лексиконе. Много пышных слов из цикла речей Керенского. Он говорит о грозящей революции гибели из-за разгрома армии. Он говорит о позоре нашего бегства и всецело обрушивается» «по-офицерски» на изменивших революции солдат. Ему оппонируют молодые, горячие, бледные офицеры. Они оправдываются

невероятно тяжелыми условиями борьбы, говорят об отсутствии власти у начальников, о слабом авторитете командования и проч.

Насупившись, исподлобья смотрят немногочисленные солдаты и молчат. За ними последнее слово, и они его скажут, но скажут, когда найдут нужным. А старые генералы, из любопытства присутствующие в говорильне, покручивают самодовольно усы, разглаживают бороды и тоже молчат. Они думают, что последнее слово за ними. 1-й день так и кончился общими разговорами «о болезни и разложении» из-за большевизма и знаменитого приказа № 1. Конкретных мер выработано не было. Дебаты отложили на следующий день.

Второй день при том же молчании, с одной стороны, фронтовиков, с другой — генералов, горячо спорили о правах и обязанностях полковых комитетов. «С прискорбием» констатировали кощунственное вмешательство полковых комитетов в боевые распоряжения и, в конце концов, постановили строго подтвердить комитетам, что их обязанности чисто хозяйственные и культурно-просветительные.

Я остался еще на один день, чтобы выяснить с армейским комиссаром вопрос о снятии командира полка и некоторых ненавистных офицеров.

Чекотило со мной на эту тему беседовать не стал, а отослал к своему помощнику Иванову, который, хладнокровно выслушав мои доводы, резко ответил, что теперь не время заниматься перемещением командного состава, что командиры, при последнем тяжелом испытании, проявили себя геройски и верны революции, а солдаты вообще разложились и предают революцию,— исполнять их прихоти нельзя. Необходимо, говорил он, поменьше рассуждений, а вместо них ввести в армии снова железную дисциплину.

С этим я возвратился к своим товарищам.

Полк я застал на новом месте—в Стехниковцах. В моем отсутствии он продвинулся верст на 20 вглубь Галиции — навстречу наступающему где-то неприятелю.

XVIII

Корнилов — главком

Офицеры и солдаты полицейских команд гонят коров и лошадей. За ними, ломая руки, причитая, со слезами на глазах, бегут ограбленные жители. Прогоняют их прикладами и об'ясняют: «Приказ!».

Еще вчера богатая деревня благоденствовала. Дымились трубы изб, ржали после трудового дня кони, мычали жирные коровы, блеяли овцы, ковыляли гуси и утки и рылись в пыли куры. Сегодня, после удачной охоты, птицы перебиты, скот угоняется по приказу, а счастливые жители, целуя сапоги солдат, молят оставить им их кормильцев — животных.

Позиции, как таковой, не было. Были рубежи, на которых, за деревней, наши части несли охрану, не имея против себя неприятеля и не зная, где он. Сзади нас в Збараже и в Волынской губернии стояли и приводились в порядок после разгрома части 11-й армии. Наш полк, имевший всего до 500 штыков боевого состава, оказался единственным на выдвинутом участке. Фланги оставались без прикрытия. Левый фланг упирался в насыпь железной дороги, правый — в небольшую рощу.

Сознавая опасность положения полка, полковой комитет, неофициально, не спрашивая согласия командира, вновь предложил 1-му баталиону вернуться в полк. После непродолжительных переговоров 1-й баталион возвратился. Ставшему перед фактом командиру полка не оставалось ничего, кроме писания жалоб на вмешательство полкового комитета в «боевые распоряжения».

На пятый день по приходе в Стехниковце, распространились слухи о приближении немецких отрядов. И действительно, неприятель оказался близко. После обеда, над деревней начали рваться с грозным грохотом тяжелые шрапнельные снаряды. Как потом выяснилось, батарея противника расположилась в лесу Ханчариха, на хорошо видном из Стехниковцев холме.

Спешно принялись приводить деревню в оборонительное состояние. Установили пулеметы по сараям западной окраины, пробив в их стенах щели для «веера». Выделили дежурную часть, привели полк в боевую готовность и, выслав для освещения местности команду разведчиков, стали напряженно ожидать событий.

Пока разведчики отлеживались на гороховых полях, а полк настороженно ждал новых столкновений с противником, командир полка принялся наводить «порядок и дисциплину». В ротах и командах заглушенно роптали. Чувствовалось что-то гнетущее в беспрестанных, пугливых перешептываниях. Вытащенная из архива командирская палка, вместе с набором его особых ругательных слов, психологически возвращали полк к старому рабству, но теперь злоба против угнетателей была значительно более резко и определенно выражена, чем в старое время.

Комитет не мог не заметить, что командир необычно смело вколачивает пресловутую «дисциплину».

После долгих споров внутри комитета с офицерским составом, решено было, наконец, созвать общее собрание полкового комитета с ротными комитетами заинтересованных рот, где выработать соответствующие меры, для борьбы с «контр-революцией». Для меня было ясно, что командир полка получил какие-то особые полномочия от командования, а может быть и от комиссара армии, истолковавшего по-своему ходатайство о смещении командира полка.

Для решительного боя комитет собрался в полном составе, но из пяти офицеров на заседание ни один не явился. Опросив пострадавших солдат, комитет постановил: «Пригласить командира полка для об'яснений».

Красным и взволнованным прибежал на заседание полковник. За ним шел тупой, самодовольный и ничего, кроме «чести мундира» и хорошеньких мужичек, не признававший, «олух царя небесного», как мы его прозвали, прапорщик Кузнецов, числившийся полевым ад'ютантом. В руках у полковника попрыгивал, пришедший на смену старинной массивной палке, модный хлыст. Сопя, полковник спросил: «Для чего меня звали?» и затем неожиданно сам ответил: «Если что нужно, можно доложить ад'ютанту!»,

Вот так тон?

Некоторые комитетчики потупили глаза, как белка под взглядом змеи. Колени их выпрямились, а руки машинально протянулись «по швам». Но большинство к-та осталось спокойно попрежнему. Кое у кого на лице скользнула сдержанная, ироническая улыбка. Такие отлично знали, что от командира можно ожидать такого выпада и все его гримасы революционера они никогда не принимали за чистую монету. Для меня вопрос сводился к выяснению тех козырей, которые откуда-то неожиданно получил «господин полковник». Поэтому я без обиняков поставил ему вопрос:

— Вы били солдат?

— Бил!—последовал ответ.

— А на каком основании?

— Как, на каком основании? Я, командир полка, отвечаю за боеспособность его, имел право застрелить или предать военно-полевому суду, но я, жалея солдат, ограничился только отеческим внушением!

Поднялся шум. Все заговорили разом. Сведущие комитетчики начали выкрикивать к сведению командира соответствующие №№ приказов, раздались возгласы: «Наша» армия свободная, у нас бить нельзя!»

На все это командир ответил тем, что сопя вынул из кармана какую-то свежую бумагу и начал читать знаменитый 1-й Корниловский приказ. Текст его в чтении командира сводился приблизительно к следующему: «Волею правительства Российского я назначен главнокомандующим вооруженными силами Российского Государства. Болея душой за многострадальную родину, я принял этот пост в полном сознании той тяжкой ответственности за судьбу родины, которая отныне лежит на мне». После декларативной части, в приказе следовали практические распоряжения, которые, в общем, сводились к следующему: «командиры отвечают за боеспособность частей. Двоевластия не потерплю. Комитеты должны заниматься только хозяйственным контролем и культурно-просветительной работой». Затем, описав «позор» нашего последнего отступления, Корнилов приказывал немедленно его приостановить, удержаться на «достигнутых рубежах», всех дезертиров и мародеров расстреливать на месте без суда, под ответственность начальников.

Прочитав приказ, командир полка ждал благодарности комитета за то, что не застрелил, а только отлупил солдат.

— Как же, они рыли картофель на крестьянском огороде, я их сам поймал на месте преступления, должен был застрелить...

Однако, комитет не удовлетворился этими об'яснениями и «дерзко» постановил: «О случаях избиения солдат сообщить комиссару армии. Командиру полка предложить оставить старые способы внедрения дисциплины». Секретно, нигде не зафиксировав, постановили: членам комитета поднять дух в своих частях, дав понять ребятам, что нас много, и, при сплоченности, мы всегда сумеем отстоять свою независимость.

Таким образом, 1-й приказ Корнилова только усилил антогонизм между командным и рядовым составом армии. Правда, после 1-й стычки на почве применения знаменитого приказа, командир улыбался по-старому, но за его улыбкой чувствовался скрежет бессильной злобы.

Улыбки не мешали солдатам ненавидеть командиров все сильней. Крайние тенденции все больше и больше проникали в гущу солдатских масс.

Начались переизбрания членов комитета, до окончания срока их полномочий. На место таких членов, все чаще и чаще, являлись солдаты, слывшие большевиками. Последние в комитете требовали решительных действий. Вклинение нового элемента ставило до сих пор единомыслящий комитет под угрозу раскола. Назревали крупной важности политические события во всей армии.

Но боевая обстановка скоро поглотила разгоравшиеся страсти, и в нашем полку недовольство, готовое вылиться в форму открытого восстания, сменилось оживлением боевой деятельности.

У нас, попрежнему, справа и слева, частей не было. Сзади на линии Збаража укреплялись остатки 156-й дивизии. Повидимому, наше вклинение служило только для прикрытия разворачивающихся на плацдарме частей. Слышали, что куда-то, на нашу линию, выходила третья дивизия. Артиллерии все еще не было, а неприятель почти закончил перегруппировку. Его орудия аккуратно, каждый день, утром и вечером, обстреливают деревню, нанося значительный урон войскам, калеча и убивая жителей и разрушая строения.

Наши разведчики несли охранную службу, укрывшись в горохе на плоскогорьи, верстах в пяти к западу от Стехниковцев, у поворота железнодорожной насыпи. Как мыши, лежали солдаты, зарывшись в листья и стебли, и грызли сладковатые и сочные бобы.

Описываемый период отличается какой-то общей неопределенностью в настроении солдатских масс, которая неизбежно вытекала из реакции после отступления и первой революционной вспышки, вызванной командирской бесцеремонностью.

С другой стороны, не было и основных стимулов «боеспособности». Ни в чем не чувствовалось «решимости умереть для победы». Не проклинали и даже не порицали дезертиров, а знаменитые шевроны и черепа, которыми в свое время украсился чуть ли не весь фронт, все реже и реже мозолили глаза. Из всего этого ясно было, что, при первом серьезном столкновении с неприятелем, солдаты, вместо того, чтобы умирать «за родину», спокойно воткнут штыки в землю, благочестиво перекрестятся на все четыре стороны и пойдут домой. Такое впечатление производили не только серые армейские части, но и аристократы: пулеметчики, разведчики и т. п.

В общей массе частей исключение представлял наш 1-й батальон, в котором еще слышались разговоры о необходимости доказать, что не трусость побудила их в июньские дни уйти

с фронта. Но и эти разговоры больше короткого боевого порыва ничего дать не могли. Корнилов мечтал палкой воскресить мертвую армию, но это безнадежное дело ни ему, ни другому старовоспитанному генералу, в тех условиях, осуществить было невозможно. Неопределенность в настроении солдат, создавала боевую неуверенность, нервировала командный состав.

Ночью 18 июля, ровно через месяц, после начала злополучного наступления, на вершине ближнего холма, слева от полотна железной дороги, разведчики, заметили характерные силуэты немецких солдат. Их было около пятнадцати человек. Повидимому, разведчики. Они гуськом переваливали через холм, и только, когда какой-нибудь из них выростал над гребнем, была хорошо заметна его быстро крадущаяся фигура, заостренная кончиком каски.

Все насторожились. После 7 июля, немцы впервые подходили к нашему расположению.

Спускавшаяся с холма дорога вела под насыпь железнодорожного полотна и проходила через арку, расположенную недалеко от наших постов, под железнодорожным полотном, откуда, извиваясь, тянулась через Стехниковце на Збараж и через русскую границу в Волынскую губернию.

В голове команды, маленькой группой, недолго совещаются. В нескольких словах дается всем понятное распоряжение, и бесшумно, ползком, как привидения, расходятся в разные стороны люди нашей команды.

1-й взвод располагается на выходной стороне арки, 2-й устраивается на ж.-д. полотне над аркой.

Немецкая цепочка, длинной змейкой, осторожно спускается с холма, и вскоре хвост ее исчезает в арке. Быстро скатывается с насыпи 2-й взвод и закрывает вход в арку. Солдаты первого взвода, как из-под земли, вырастают перед растерявшимися немцами и, направив на них винтовки, предлагают сдаться. Под стволами ружей немцы не особенно церемонятся, и через несколько минут одиннадцать пленных; первые трофеи с начала отступления, под конвоем, с триумфом были доставлены к штабу полка.

На свой страх и риск команда двинулась с двух сторон в обход холма, с которого спустились пленные немцы. Но не успели поравняться со срединой холма, как, где-то близко, затрещали выстрелы 2-х пулеметов. Немцы были на холме.

Если не считать одного раненого, команда без потерь, по-добру, по-здорову, возвратилась на старое место.

К 5-ти часам утра пришел 1-й баталион и начал располагаться в вырытых в 1915 году, на всякий случай, окопах. Вправо от нас, для прикрытия правого фланга расположения, уступом была выдвинута пулеметная команда. На нас была возложена задача выяснить силы и расположение неприятеля.

Немедленно был послан 1-й взвод в разведку. Единственная дорога в сторону неприятеля была та самая, на которой мы ночью захватили пленных. Как только наши разведчики приближались по ней к холму, оттуда открывали сильный пулеметный огонь. Счастливо избежав потерь, 1-й взвод умудрился пристроиться у подножия холма, вне досягаемости для выстрелов немецких пулеметчиков. Все же на холм взобраться так и не удалось, и силы неприятеля к полудню оставались невыяснены по-старому. Предполагать можно было, что угодно. Могло быть всего 2 немецких солдата за двумя пулеметами, а могло быть и несколько полков, сосредоточенных за холмом. Ясно было только, что если немецкие части еще и не за холмом, то, во всяком случае, крупные силы их близко. Об этом говорили еще и поиски разведывательных партий, одна из которых была захвачена нами ночью.

Пробовали и не по дороге, а прямо по скошенному хлебу, добраться до леса Ханчариха. Но, куда ни тыкались наши разведчики, везде их встречали пулеметным огнем, и нигде, несмотря на это, неприятеля не было видно.

Из того, что противник был готов больше к отражению нашей атаки, чем к наступлению на нас, в штабе полка поспешили сделать вывод, что он слаб. Возможно, что в описываемые часы он, действительно, еще не имел достаточно сил для наступления, но дальнейшее показывает, что предположения о близости серьезных сил были вполне основательны.

На следующий день, с утра 20 июля, начался сильный артиллерийский обстрел Стехниковцев. По силе огня ясно было, что стреляло несколько батарей в то время, как 18 июля стреляла только одна. Обстрел велся не только по самой деревне, но и по подступам к ней с тыла. В штабе полка встревожились. Спешно выдвинули на боевую линию части второго баталиона, и с одной сборной ротой в резерве полк готовился к отражению неизвестного по численности неприятеля.

Неожиданно сзади, неподалеку, загремела новая мортирная батарея и, над Ханчарихой и в самом лесу начали рваться наши тяжелые снаряды. Приободрились солдаты. 1-я батарея с начала отступления была за нашими цепями. Теперь пехота чувствовала себя тверже, как бы с корабля перекочевав на сушу.— Ишь шпарить,—говорили солдаты. И, действительно, насколько мы могли судить с занимаемого нами места, снаряды довольно метко ложились в место, где должна была находиться 1-я батарея противника. Но та небольшая площадь, в разных концах которой рвались наши снаряды, на самом деле занимала пространство в несколько верст и, ясно, что неприятель вовсе не так страдал от огня, как нам это казалось.

Все же неприятельская батарея замолчала. Наши решили, что она «приведена к молчанию», но потом оказалось, что она замолчала только для того, чтобы не обнаруживать своего основного расположения.

Огонь нашей батареи перенесли на еле заметную на горизонте деревушку, в которой предполагалось место расположения другой батареи. Через несколько минут над деревушкой поднялись густые клубы черного дыма. Деревня горела, и еще одна батарея противника замолчала. Зато из других двух батарей открыли огонь по нашей батарее. Близкие разрывы побудили замолчать наших, и к 11 часам утра артиллерийский бой кончился.

Через полчаса, правей расположения 1-го баталиона, в обход его позиций, появились густые колонны неприятеля. Несмотря на огонь 12 пулеметов, они настолько быстро спустились в лощину, что не дали пулеметчикам пристреляться. Рассыпавшись цепями, неприятельские части двинулись в лоб и обход наших окопов.

Подпустив неприятеля на прямой выстрел, 1-й баталион дал три дружных залпа по сгустившимся для атаки цепям противника. Пулеметы открыли ожесточенный огонь по подошедшим близко, двигавшимся в обход 1-го баталиона, цепям. Части 1-го баталиона, с ружьями на перевес, выскочили из окопов и ураганом понеслись навстречу наседавшему противнику.

Немцы не успели ни изготовиться к стрельбе, ни примкнуть штыков. дрогнули и, после секундного замешательства, стремглав понеслись обратно. Звериное «ура» несется по полю, пронзенные штыками люди хрустят костями под ногами бегущих. Победа видимо на нашей стороне...

Наши разведчики спешат на перерез к лесу Ханчариха, а второй баталион заворачивает флангом, стремясь движением к тому же пункту охватить фланг противника. Сопротивление оказывается лишь изредка одиночками решившими умереть, но не сдаваться в плен. Таких было мало, но их дикий героизм внушал невольное уважение.

Паника передалась тыловым немецким частям. Не дожидаясь нашего приближения, с пулеметами, кинулись они прочь от занимаемых ими холмов. Но лавина катящихся групп их быстро настигнула, и пулеметы их стали нашей добычей.

1-й баталион увлекся своим делом. Несутся саженными шагами солдаты, настигая штыками бегущих немцев. Хрипит «победное ура», хрипят захлебывающиеся в своей крови пораженные.

Несколько верст, отделявшие место атаки от Ханчарихи, мы промчались в каком-то угаре, не считая минут.

Подоспевшие разведчики и части второго баталиона докончили «геройское дело» 1-го баталиона.

Батареи в лесу не оказалось. Немцы успели ее увезти. Через несколько минут несколько немецких батарей открыли сильный огонь по лесу, и, получив приказ возвратиться в исходное положение, мы возвратились на старые позиции.

В результате боя 20-го июля оказалось: 113 немецких трупов, 18 пленных немцев, захвачено 2 пулемета и большой урон у противника ранеными, не менее 300.

Успех, сам по себе незначительный, приобретал особое значение потому, что это был первый удачный отпор неприятелю со времени отступления.

У нас потерь почти не было. Оказалось трое легко раненых и один убитый — сын заведующего хозяйством полка, полковника Глыбина, поручик Глыбин, временно командовавший 1-м баталионом.

XIX

Корниловщина

Неожиданный успех не создал обычной после удачных боев уверенности, бодрости. Наоборот, уныние еще более охватило уставшие солдатские массы.

21 июля получили приказ «отойти на заранее приготовленные позиции». Ближайший маршрут — Збараж, Волочиск.

Обычная картина тяжелого утомительного перехода под палящими лучами солнца. Но к вечеру 23 июля, достигнув Волочиска, вместо того, чтобы оставаться на «заранее приготовленных позициях», мы получили приказ: на рассвете двинуться дальше, вглубь Волынской губернии, имея конечным пунктом местечко Белозорку, что верстах в 40 от старой русско-австрийской границы.

Целый день плелись мы по необ'ятным, чуть холмистым полям Волыни, и к вечеру основное ядро полка добралось, наконец, к указанному пункту.

Утром 25 июля прибыла телеграмма от главнокомандующего Корнилова, в которой он благодарил за геройскую контр-атаку и награждал каждую роту и команду, участвовавшую в сражении 20 июля, пятью крестами.

Прочтя «осчастливившую» телеграмму перед фронтом, командир полка раз'яснил, что, как резерв верховного главнокомандующего, мы должны являть пример дисциплинированности и выучки для всех армий, а поэтому необходимо время отдыха использовать для интенсивных занятий.

Потянулась опять мирная жизнь. Побрились, пообчистились, починились. Усиленные занятия начались на второй день после нашего прибытия в Белозорку.

Месяц промчался незаметно. Инцидентов не было, если не считать одного небольшого, но поучительного, происшедшего между начальником пулеметной команды штабс-капитаном Белкиным и солдатами его команды. Ссора произошла из-за откомандирования штабс-капитаном Белкиным некоторых неугодных ему солдат команды в роты. Солдаты команды решили отстоять «своих» и явились ко мне с требованием убрать штабс-капитана. Это был первый случай в нашем полку, когда солдаты пытались повлиять на назначения и «перемещения».

К сожалению, в то время комитет еще недостаточно осознал требования момента и, вместо того, чтобы, воспользовавшись случаем, довести конфликт до разрыва с командованием, тогда предпочел всякими правдами и неправдами уладить конфликт домашним образом. С большими трудностями нам это удалось сделать, но чувствовалось, что вряд ли другой раз удастся так просто ликвидировать подобное «недоразумение». Для того, чтобы читателю были ясны тогдашние настроения в армии и взаимоотношения офицеров и солдат, расскажу об этом конфликте так, как он записан у меня в дневнике.

Утром 20 августа меня разбудил командный комитет пулеметной команды. Четверо солдат стояли у моей постели и теребили меня.

— Вставайте, товарищ председатель!

— В чем дело?

— Уберите капитана Белкина, а то мы за себя не ручаемся!

— Да что случилось?

— Что ему старый режим, что ли? Распоряжается, как хочет! Понабирал себе холуев, а когда ребята на собрании сказали, что так не полагается, он откомандировал этих ребят в роты! Приказ об этом уже есть по полку! Довольно терпеть: пулеметы у нас, и мы никого не боимся. Не уберете, — хуже будет!

Успокаиваю людей. Обещаю немедленно расследовать. Одеваюсь, иду к расположившемуся неподалеку, в помещичьем доме, командиру полка. Тот уже знает, в чем дело. Категорически заявляет, что приказа не отменит и комитету нет дела до его распоряжений, а если будет вмешиваться, то он предаст весь комитет суду.

Положение обостряется, может повесть к возмущению, чего мы в то время больше всего боялись. Пускаюсь на хитрости. Иду в пулеметную команду.

Гул возмущения, гневные восклицания рвутся мне навстречу. Созываю командный комитет и говорю:

— Командир полка почти согласился отменить свой приказ, но перед этим хочет поговорить с командой! Постройтесь и ждите, сейчас с ним приду. Команда строится, а я отправляюсь обратно к командиру и заявляю:

— Господин полковник! Команда построилась и просит своего отца — командира притти к ней поговорить, а то все недовольства, собственно, оттого и происходят, что вы никогда не придете в команду, не поговорите с ребятами.

— Что ж, я согласен, бормочет, одеваясь, командир. Прикрепляет два георгия к груди, и мы отправляемся.

При приближении к двум рядам рослых здоровых солдат, откуда-то выскакивает штабс-капитан Белкин, становится на правом фланге и отдает команду:

— Смиррр-но! Ррравнение налево!

Командир полка «здоровается».

Отвечают растянуто, недружно...

Командир сопит чаще, настроение у него все больше портится.

Открывает рот. Сейчас начнет ругаться. Предчувствуя бурю, забегаю вперед и начинаю:

— Товарищи! Командир полка, как отец, прислушивается к солдатским нуждам. Когда он узнал, что вы недовольны откомандированием товарищей в роты, то сообщил мне, что это временная мера, вызванная ослаблением дисциплины в команде. Если команда в целом обещает, что дисциплина больше нарушаться не будет, командир готов вернуть откомандированных. Итак, товарищи, ура нашему отцу — командиру! Ура революционному начальнику!

Гремит «ура».

Выпучив глаза и ничего не соображая, командир растерянно прикладывает руку к козырьку и смущенно кланяется на все стороны.

Недоуменно хлопает глазами застывший с рукой у козырька Белкин.

Я продолжаю: — Командир из'явил желание лично сообщить вам об этом.

— Просим, просим, — кричат солдаты.

Пришлось командиру говорить и говорить именно то, чего от него ждали солдаты.

— Товарищи солдаты! — начал он. — Я благодарю за приветствия. Я рад видеть, что вы преданы командованию, но... И оседлав любимого конька, он постепенно перешел на пресловутую дисциплину и боеспособность, мир через победу над хитрым, коварным врагом, который старается извнутри взорвать нашу непобедимую армию. Поэтому — «необходимо искоренить большевиков и слушаться начальников, которые тоже первые присягали временному правительству».

Войдя окончательно в роль и забыв о цели прихода, он закончил величественным вопросом:

— Кто имеет претензии?..

Команда недоуменно топчется. Смотрят на него, на меня.. Резкие слова готовы вырваться из этих настороженных глоток.

Я опять беру слово:

— Товарищи! что обещал нам наш командир — свято! Наш командир кавалер двух орденов Георгия и он своего слова еще никогда не менял и менять не будет! Так я говорю, господин полковник? — с невинным видом спрашиваю я растерянного командира.

— Гм-м..м.. м..Так, конечно... Что я обещал, то я сделаю.

Отираю пот. На этот раз вооруженный конфликт отсрочен.

Командир с Белкиным уходят, горячо беседуя и жестикулируя. Я остаюсь. В эту минуту мне с ними не по пути. Но еще не все сделано. Команда ставила вопрос гораздо шире. Солдаты требовали смены начальника.

Долго уговариваю, прошу солдат, и, наконец, они полусоглашаются не создавать конфликта из-за Белкина, но, при условии, что он бросит свои старорежимные привычки.

Опять все успокоилось. Все интересы потонули в учебе, а полковой комитет занялся налаживанием культурно-просветительной работы, устройством школ грамоты и т. п.

Не клеилось дело со школами. Не было желающих и могущих преподавать офицеров, если не считать двух свеже-прибывших прапорщиков. А среди солдат не было просто хорошо грамотных. Правда, среди писарей были достаточно подготовленные, даже из бывших учителей, но командир полка наотрез отказался отпускать их для занятий в школах.

Как-то утром командир «потребовали», чтобы я немедленно явился к нему. Наскоро одевшись, даже не умывшись, я отправился с ординарцем.

Почему-то смущаясь и не глядя в глаза, командир полка заявил:

«Я... собственно... хотел вам того... сообщить, что вас требуют в штаб дивизии по каким-то делам в дивизионный комитет. Ну, что у вас нового, как занятия в школах?»

Я ничего не понимал. Так спешно звать меня только для того, чтобы из «собственных уст» сообщить, что меня зовут в дивизионный комитет и справиться о том, как идут занятия в школах? Странно... Тут что-то не то. Вижу, что командир полка чего-то не договаривает, хочет от меня что-то узнать, но не решается прямо ставить вопросы, а на хитрость, зная меня, не решается.

Я не стал дожидаться дальнейшего и через несколько минут галопом мчался на соседнюю ферму, где был расположен дивизионный штаб, а при нем и комитет.

В халупе начальника саперной команды штабс-капитана Левенца заседали четыре представителя штаба дивизии и два от полков. Это и был дивизионный комитет. Наконец-то, и он что-то делает.

Председатель оглашает уже зачитанную телеграмму от армейского комиссара. Вот когда комитеты не только хозяйственные, но и политические органы...

«Корнилов пред'явил ультиматум Керенскому о передаче ему полноты власти. Временное Правительство не может поставить под угрозу завоевания революции. Корнилов двинулся с войсками на Петроград. Его поддерживает союз офицеров армии и флота и союз георгиевских кавалеров. Есть основания надеяться, что братоубийственная война будет избегнута. С корниловскими казачьими частями ведутся переговоры. Комитеты должны умело раз'яснить солдатам, в чем дело. Осторожно следить за членами союза офицеров армии и флота, но избегать конфликтов, эксцессов и особенно стараться не поддаваться на провокацию, а главное — держать наитеснейшую связь с армейским комиссаром. Быть в любой момент готовым выступить в его распоряжение со своими частями».

Дивизионный комитет ограничился только чтением телеграммы. Никакого решения по этому поводу им вынесено не было.

Галопом мчусь обратно. Толпа солдат, все увеличиваясь, ждет меня на околице. При моем появлении разрывается, спешит мне навстречу.

Горя нетерпением, солдаты стягивают меня с лошади и забрасывают вопросами:

— Что, измена? Как дело? Слова прерываются возгласами: «Смерть изменникам! Смерть Корнилову! Долой офицеров!»

Меня не удивляет такая осведомленность солдат. Ведь у телеграфных аппаратов—тоже солдаты, ординарцы — тоже солдаты. Но меня удивляет так быстро выросшее, на моих глазах принявшее конкретные формы, революционное самосознание солдат, бьющая из каждого их слова энергия революционной борьбы и энтузиазма. А ведь еще так недавно, совсем недавно, они покорно сносили удары, оскорбления. Покорно, как быки, шли они на убой, и их мало интересовало то, что в России называлось революцией. Тогда приходилось всякими способами поддерживать в них дух независимости, а теперь они впереди своих выборных организаций. Теперь, наоборот, приходится их часто сдерживать. Лишь узнав об опасности, — масса стихийно сплачивается и готовится к обороне, дает директивы своему выборному органу - комитету.

Заседания собирать не надо. Провожаемый чуть ли не всеми солдатами полка, я иду к халупе, занятой комитетом. Весь

комитет уже в сборе, но не только члены полкового комитета ждут меня. Все члены ротных комитетов тоже здесь.

Открываю заседание чтением переписанной в дивизионном комитете телеграммы. Всеобщее возбуждение растет. Рвется единодушный клич: — Долой Корнилова! На Петроград

Предлагаю высказываться.

— Туварищи, — говорит Гончаренко, крестьянин Бессарабской губ. из украинцев, делегат 12 роты. «Туварищи! Как это дело темное, а как Корнилов имеить поддержку у охвицеров, то я предлагаю всех охвицеров аристовать, а самим подать тилиграму, что вот, мол, желаим мол, итти на Питроград, против, значить контр - ривалюции".

„Правильно, правильно!" кричат члены комитета и слушатели.

Поступают другие предложения, из которых останавливаемся на мерах охраны против внутренней и внешней опасности, а также принимаем предложение об отправке телеграммы о преданности революции на имя временного правительства и Совета Солдатских и Рабочих Депутатов. Текст телеграммы тут же наскоро составляю и читаю товарищам. Обычное «правильно» служит наградой моим творчески - литературным талантам.

Итак, целый ряд политических решений принят комитетом, но опасность провокации слишком велика для того, чтобы всю ответственность за последствия комитет мог взять на себя. Поэтому последним постановлением этого дня было: «просить командира полка утвердить постановление полкового комитета».

Комитет и гости не расходятся. Ждем возвращения посланного к командиру товарища.

Густой махорочный дым наполняет комнату. Тесно, душно... Выходим на улицу. Там стоят и прислушиваются ко всему, что происходит на заседании, крестьяне. Иногда они вступают в сдержанные, но серьезные беседы то с тем, то с другим членом комитета. Мое внимание привлек высокий, худой, с бронзовым телом и небольшой седоватой бородкой крестьянин. Опираясь на длинную палку, он, слегка прищурив глаза, внимательно наблюдает за происходящим и как бы пережевывая ощупывает сознанием каждое слово. Это видно хотя бы из того, как он задирает после каждого непонятного слова голову, как бы считая в уме, а потом кивает головой.

— Що, дядя? — спрашиваю у него.

— Та нічого, а тільки так...

— Ну, як ви кажете? Чи вже-ж цар буде? — продолжаю допытываться я...

Оттаке!

— Хто це вам казав, прости господи, що буде цар?

— Хіба-ж ви пустите, чи хіба-ж вони, генерали, сильніші за вас? — отвечает он вопросом на вопрос.

Та вони й не сильніші, а дюже розумні, обдурить можуть!

— А ви не будьте дурнями, та вибийте їх усіх, щоб нікому й дурити було, та щоб ті, що живими зостануться, своїм унукам та праунукам замовили проти народу не йти.

— А як же, дядю, як вони та посварять нас, салдат, та робітників заводів — з вами, селянами, — спрашиваю я.

— А ми що-ж, дурні? не бачимо хто нам—приятель, а хто—ворог? Хіба-ж ми не знаємо, що вони за землю свою бояться. Вони знають, що як ми з вами зберемося, то ні заводів, ні земельки панам не лишимо.

— Так що-ж, дядю, робить?

— А грець його зна, що! Це вже ви самі подумайте, бо ви—люди грамотні. А ми — що? Темнота!? А як хоч, синку, я тобі казку роскажу, так може вона тобі й допоможе. Ось слухай! Було це давно. Приїхав раз цар Петро Великий до нас у село! Їде собі вулицею, а ніхто не знає, що це сам цар їде. А був у нас на селі дяк, п'яниця великий, ледачий чоловік. Оце їде цар, а дяк — на зустріч. Баче, що якийсь пан їде. Він здіймає шапку, та й каже: «Доброго — каже, — здоров'я, добродію!»— А Петро Великий питає: «Що ти за чоловік будеш?» — А він каже: «Дяк, добродію». — «Ну, — каже цар, — сідай до мене у візок, та роскажи, як у вас тут живуть, та й що про царя балакають». Оце дяк сів, та й поїхав селом з царем, та й балакає, а сам і не знає, що з царем їде. А тим часом староста від поміщика признав, що цар на селі, та й зібрав усю громаду біля церкви. Цар з дяком під'їздять, а нарід шапки поскидав, та й мовчить. Дяк і питає царя: «Скажіть, добродію, ви чоловік грамотний, нащо це вони шапки поздіймали?» — А цар засміявсь, та й каже: «Ти — чоловік священний, — каже, — повинен знати, що шапки скидають, як їде цар». — «А хто-ж буде цар?» — питає дяк: — «А той, що шапку не скинув, той і цар». — Як цар оце казав, дяк і подумав, він в шапці, та я в шапці, а цар—він один! Хто один буде в шапці, — той і цар...

— Ну, й що, — интересуюсь я выводом из сказки.

— А то, — говорит крестьянин, — що було-б тоді дякові з царя шапку зняти, дяк би був царем.

Вскоре возвратился наш посланный от командира полка и сообщил, что командира полка нет дома. Завертелись события. За три дня три раза менял свою политическую линию комитет. Лучше всего это видно из приводимых ниже трех протоколов заседаний полкового комитета, посвященных борьбе с Корниловщиной.

Протокол № 20

экстренного заседания полкового комитета 138-го пехотного Болховского полка 29-го августа 1917 года под председательством ефрейтора Кальницкого.

На обсуждение собрания предлагается телеграмма Комиссара II армии Чекотило, адресованная на имя полкового комитета.

Телеграмма оглашается.

1. Вносится предложение вынести резолюцию о безусловном доверии и поддержке Временного Правительства и поддержании связи с другими частями для единства действий.

2. Вносится предложение о назначении дежурной части на случай контр-революционных попыток. Поднимается вопрос о порядке подчиненности и назначении дежурной части.

3. Вносится предложение о подчинении дежурной части в общем порядке дежурному по полку офицеру, но при непременном условии контроля распоряжений членом Президиума.

4. Предложено просить о допуске в качестве гостя одного из членов полкового комитета на собрание офицеров на время кризиса власти.

5. Единогласно решено просить командира полка о согласии дать свою подпись на вынесенной комитетом резолюции.

6. Принято единогласно, выразить доверие и благодарность своему полковому командиру.

На голосование ставятся:

а) Об оповещении рот и команд о событии членами полковых и ротных комитетов. Принято единогласно.

б) О назначении дежурной роты, в кототой бы все приказания санкционировались членами президиума полкового комитета. Вопрос принимается абсолютным числом голосов.

в) Об отправке телеграммы с выражением доверия Временному Правительству через Комиссара. Принимается единогласно.

г) О присутствии депутатов полкового комитета на заседании офицеров. Вопрос решается утвердительно подавляющим большинством.

Обсуждается текст телеграммы Временному Правительству.

Содержание телеграммы:

Комиссару II-й армии.

Полковой комитет 138-го пехотного Болховского полка, в своем экстренном заседании 29-го августа 1917 года заслушав Вашу телеграмму о контр-революционных действиях бывшего Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова, постановил просить Вас довести до сведения Временнного Правительства и Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, что все попытки неповиновения революционной народной власти будут полком рассматриваться, как угроза свободе народа и против таких попыток весь полк, во главе со своими начальниками, в любую минуту выставит боевую силу и, не щадя жизней, до последней капли крови будет защищать свободу и достояние народа.

Редакция телеграммы принимается большинством голосов.

Заседание закрывается.

Подписал: Председатель ефрейтор Кальницкий.

Скрепил: Секретарь ст. унт. офиц. Шишкин.

Верно: Вр. и. д. полкового ад'ютанта
штабс-капитан Тарасов.

Протокол № 21

заседания полкового комитета 138-го пехотного Болховского полка 30 августа 1917 года под председательством ефрейтора Кальницкого.

На повестке дня поставлено в первую очередь оглашение телеграмм, полученных ночью.

1. Постановлено: содержание телеграмм принять к сведению, а членам ротных комитетов переписать для распространения в ротах и командах.

2. По вопросу обсуждения пункта б. постановления от 29-го августа с. г. решено большинством голосов не назначать дежурную роту, дабы без особой необходимости не входить в конфликт с командным составом.

3. По пункту 5-му заседания полкового комитета от 29-го августа решено просить командира полка на заседание.

По наведенным справкам оказалось, что командира полка нет дома.

4. По докладу о постановлении культурно-просветительной комиссии единогласно решено передать кинематограф артисту-солдату Немировскому для починки и демонстрирования картин.

5. Доклад председателя хозяйственной комиссии о том, что за 2 месяца — июнь и июль — не было поверки полковой солдатской лавки и о необходимости приобрести для нее шнуровую книгу.

6. Оглашение резолюции 139-го пехотного Моршанского полка. Решено принять к сведению.

7. По пункту г постановления комитета на заседании 29-го августа выяснилось, что присутствие депутата на офицерском собрании не предусмотренно программой, но о каждом таком заседании комитет будет поставлен в известность и желающие могут присутствовать на заседании, так как заседания ведутся открыто.

8. Неочередное заявление члена комитета Гончаренко о предоставлении ротным писарям одной фурманки для перевозки бумаг во время перехода.

Единогласно принято ходатайствовать перед командиром полка.

Подписал: Председатель ефрейтор Кальницкий.

Скрепил: Секретарь старший унтер офицер Шишкин.

Верно: Вр. и. д. полкового ад'ютанта
штабс-капитан Тарасов.

Протокол № 22

экстренного заседания полкового комитета 138 пехотного Болховского полка 31 августа 1917 года, совместно с ротными комитетами в числе 80 человек, под председательством ефрейтора Кальницкого.

1. Вступительная речь председателя на тему о текущих событиях и оглашение им последней телеграммы об арестах командного состава на нашем фронте.

2. В виду важности текущего момента обсуждается вопрос о принятии мер к охране оружейных складов, патронных двуколок, а также о снабжении солдат полным числом патронов.

3. Поступившее предложение о назначении дежурного взвода от каждой роты единогласно отклоняется.

4. Внесено предложение о назначении дежурной роты в ведение комитета, а также о том, чтобы считать полк на положении в боевой обстановке.

После прений решено послать делегацию к командиру полка с просьбой утвердить постановление комитета о назначении дежурной роты, а также просить подписать телеграмму полкового комитета Временному Правительству.

В ожидании результата об'является перерыв на 1 час.

Заседание продолжается.

Командир полка пожелал дать об'яснения лично. Из его об'яснений выяснилось, что он отказывается утвердить такое постановление до тех пор, пока оно не будет санкционировано комиссаром армии.

Телеграмму Временному Правительству он согласен подписать, если из текста будут выпущены слова «Совета Рабочих и Солдатских Депутатов».

Выслушав об'яснения, комитет, сознавая важность положения, когда каждая минута дорога, решил, не откладывая своего постановления, провести его немедлено, а для доклада комиссару о постановлении комитета единогласно выбран член комитета Мирошкин.

Предложение командира полка о переработке текста телеграммы отклонено.

На такое постановление комитета поступил протест от подполковника Бумана: «Я нижеподписавшийся член полкового комитета 138-го пехотного Болховского полка нахожу незаконным постановление большинства о наряде роты в распоряжение комитета для охраны революции, когда в полку полное спокойствие и все чины полка преданы Временному Правительству. Подполковник Бауман».

Заявление: «Мы нижеподписавшиеся члены полкового комитета не согласны с постановлением полкового комитета, вынесенным 31 августа, и воздержались от голосования: подполковник Вердеревский, штабс-капитан Белкин, Попов, Стручков».

Заседание закрывается.

Подписал: Председатель ефрейтор Кальницкий

Скрепил: Секретарь Ст. Унт. Офицер Шишкин

Верно: Вр. и д. полкового ад'ютанта

Штабс-капитан Тарасов

Как видно из протокола № 22, постановления, нарушающие «мир в полку», были приняты только солдатскими голосами. Офицеры не только воздержались, но и энергично протестовали. Интересно, поэтому, описать последнее, особенно бурное заседание комитета.

Началось оно при напряженной до нельзя атмосфере. Приблизительно все члены комитета знали, что сегодня предстоит генеральное сражение между солдатской и офицерской частью комитета, но по каким конкретным вопросам и во что выльется предстоящий диспут, никто не знал.

Офицерство, предчувствуя серьезное сражение, специально для этого заседания переизбрало некоторых членов комитета офицерской части, чтобы дать возможность выступить своим наиболее сильным, идеологически, ораторам.

Прапорщики, подпоручики и даже поручики, на это заседание присланы не были. Как видно из подписей на заявлении о протесте, ниже чина штабс-капитана, офицеров на заседании не было.

Самым сильным противником в этой, довольно бездарной группе золотопогонников, считался высокий, строго-мрачный, под испанского гидальго, подполковник Бауман.

Неизвестно откуда, незадолго до описываемых событий прибыл к нам этот странный, но достаточно реакционный офицер. Его лоб наискось был покрыт белой повязкой. Щетинистые усы придавали лицу суровость, а сдержанность вместе с хитростью и умением одним словечком расположить к себе безхитростных солдат делали его самым опасным из присутствующих оппонентов.

При встречах со мною он брезгливо отворачивался. И в отличие от прочих офицеров, он даже не пытался маскировать своей ненависти к комитетчикам. Не скрывая этого от меня, он однако был достаточно хитер, чтобы подлаживаться к рядовой солдатской массе. Вместе с наиболее дальнозоркими офицерами, он тогда уже знал, что эта серая солдатская масса, решит судьбу России.

Как и следовало ожидать, на описываемом заседании, Бауман применил всю свою хитрость и подлость, только бы добиться раскола солдатских делегатов в комитете. Ясно было, что он не ограничивался удержанием офицерских позиций, напротив: он упорно шел к захвату власти офицерами, при чем главным образом рассчитывал на пресловутою темноту русского солдата.

Бауман выступил первым сейчас же после прочтения мною последних телеграмм. Свою речь он начал странным в то время обращением: «Русские Люди», вместо обычного «товарищи».

— Русские люди!

— Разве вы не видите, что иноверцы пытаются посеять раздор между вами, чтобы овладеть вашими богатствами, вашей землей?

На лицах солдат появляются скептические улыбки. Откуда-то громкий голос:

— Отдай раньше свою землю!

Бауман смущается и, отвечая на реплику, теряет нить своей мысли. Вместо «Русские люди» он растерянно бормочет:

— Товарищи, Товарищи! Да у меня никакой земли нет! Я такой же крестьянин, как и вы!

— Неправда, — несется с места.

— У него в Рязанской губернии 2000 десятин земли!

Бауман не считает нужным отвечать на эту реплику и начинает лить крокодиловы слезы над судьбой «многострадальной родины».

— Русские люди! Иностранцы видя, что им не сломить наших чудо-богатырей удушливыми газами, чемоданами, голодом и холодом, чтобы спасти свою шкуру, в тот момент, когда наши союзники на западе победоносно наступают, прислали нам своих шпионов в запломбированных вагонах. Эти шпионы об'единились с нашими внутренними врагами и хотят подорвать нашу мощь извнутри для того, чтобы с помощью немцев посадить своего царя, чтобы опять закабалить вас на многие годы, чтобы сдавать нам в аренду наши церкви! Не слушайтесь инородцев! Вспомните, как мы их вешали за то, что они возили бочки с золотом немцам в начале войны! Подумайте хорошо раньше, чем принять то, или иное решение.

— Я верю в светлый разум простого русского человека.

— Я уверен, что вы инородцам дадите должный ответ!

Эфектно окончнв, он отер пот с лица и разочарованно, — не дождавшись аплодисментов, сел на свое место.

Солдаты ерзают, покашливают, шопотом переговариваются.

— Товаришш Присидатель! Дозвольте слово!

— Ваше слово!

Из задних рядов подымается наш честный «старик» — Гончаренко. Своим нехитрым, отточенным бритвой войны языком, он горячо поясняет то, что вертится у всех солдат на языках.

Его русская речь пестрит украинскими словечками, отчего становится понятней, проще...

— Товариші! — Говорит Гончаренко, — нам очень даже понятно, на кого це намекають полковник Бауман! Вони говорять про нашого присідателя! Вони говорять, що нас хочуть поссорить иноверці. Хлопці! Це брехня! Ей-Богу, брехня! Ніхто нас не ссорить, а присідатель мирить, збираеть до купи! А ссорить хочуть вони! Щоб оп'ять нас палками бить! Ось побачите! Як Корнілов забере власть, так оп'ять царя посадють нам на шию! Так що, товариші, у їх лінія своя, у нас своя! Нічого їм нас уговорювать! Самі знаєм, що делать, а вовку пасти вівці не полагаеться! Правильно?

... Егеж! Правильно, правильно! — несется ободряющий гул.

Гончаренко садится на свое место. Бауман с досадой швыряет недокуренную папиросу и, видимо волнуясь, закуривает новую.

У двери толпятся штатские и одобрительно кивают головами, радостными кликами приветствуют поражение начальства.

Я собираюсь резюмировать прения. Кто то сзади дергает меня за рукав.

Молодой крестьянин смотрит мне в лицо и конспиративно, с сознанием важности выполняемой им миссии на лице, говорит:

— Слухай, Товариш Присидатель! Там тебе якийсь москаль гукає! Іди швидче!

Передаю место и звонок моему заместителю товарищу Мирошкину, а сам отправляюсь сквозь толпу солдат и крестьян к выходу.

У выхода меня ждет незнакомый, плотный артиллерист. За поясом с одной стороны тесак, с другой «солдатский» Ноган.

Он переходит прямо к делу:

Чего вы с ними церемонитесь! Побейте эту сволочь, выберите себе командиров! Сами, без них управимся и с немцами помиримся. Будет нас дурачить! Пора уж домой, землю и капиталы делить! Бейте эту золотопогонную сволочь, а мы с вами!

Я об'ясняю, что в настоящих условиях, когда вокруг стоят части верные Временному Правительству, это ни к чему, кроме напрасного кровопролития, не поведет. Но солдат, видимо, был твердо убежден в своей правоте, он не мог достаточно ясно изложить то, что ему казалось простым, понятным, необходимым. Будущее показало, что солдат был прав. Но нам — полуинтелегентам, даже революционно настроенным, все «это» в то время

казалось немыслимым, на виду у сильного неприятеля, и казачьей силы Временного Правительства.

Снова занимаю свое место и приступаю к разгрому противника.

— Товарищи! Если мы посмотрим наши постановления от 29-го и 30-го числа, мы увидим, что комитет все время идет на уступки командному составу. Это лучше всего подчеркивает наше миролюбие! 29-го мы решили принять ряд мер к охране революционного порядка в полку, а 30-го согласившись с доводами командира, отменили свое решение. Прочитанные в начале заседания телеграммы, говорят за то, что на нашем фронте, в нашей армии не все благополучно. Арестован командующий нашим Юго-Западным фронтом—Деникин. Арестован командующий нашей одиннадцатой армией — Эрдели. Раскрыта мощная Корниловская организация, головка которой состояла из высшего командного состава нашего фронта и армии. Ответвления ее еще не выяснены, но не подлежит сомнению, что, без опоры в армейском командном составе, Командующий фронтом и армией не стал бы выступать против Временнаго Правительства. Мы не знаем наших офицеров. Их слова о преданности Временному Правительству только слова, но собрания у них происходят секретно, а когда мы хотели, чтобы наш представитель присутствовал на этих собраниях, нам отказали под самым пустым предлогом. Мы не знаем на кого опираются: Корнилов, Деникин, Эрдели. Наш командир отказался подписать телеграмму о преданности только потому, что в ней мы подтверждали свою верность нашему выборному органу, Совету Солдатских и Рабочих Депутатов. Этим самым командование определенно отмежевывается от нас, от наших солдатских интересов. Дальше колебаться, значит поставить под угрозу нашу свободу. Лучше ошибиться и пересолить, чем ошибиться и проспать. Для того мы здесь и сидим, чтобы следить за действиями командного состава. Наши хозяйственные обязанности только форма и в нашей воле придерживаться ее или нет. Ни революционная обстановка, ни престиж комитета не позволяют больше медлить. Я предлагаю категорически подтвердить к исполнению наше постановление от 29-го с. м. и, независимо от желаний командира полка, решительно провести его в жизнь! Других предложений нет? Голосую!

Принимается единогласно всеми солдатскими голосами, при протесте, о котором уже было выше, всех офицеров.

— Ладно, протестуйте! — говорят солдаты.

— Ваша линия такая!

Офицеры, гордо напыжившись, покидают заседание.

Им вслед несется свист, смех — тюканье штатских и военных слушателей.

Вся эта борьба проходила под знаком единодушия солдат и полного сочувствия со стороны крестьян.

Возбуждение солдат, сопровождавшее каждый шаг комитета в эти памятные дни, трудно описать. Всюду, куда бы не уперся глаз, сознание наталкивалось на воплощенную активность, проявляемую в самых разнообразных формах. Там увидишь группу возбуждено беседующих солдат, в другом месте — натолкнешся на перебранку между офицером и солдатами, а в третьем — увидишь ребят, занятых чисткой пулеметов и ружей. И все это делалось не по приказанию начальства или предложению комитета, а самостоятельно, на свой страх и риск. Каждый по своему готовился и горел желанием дать достойный отпор ненавистной реакции, воплощенной в имени «Корнилова».

В результате всех этих событий, после последнего, приведенного выше, постановления полкового комитета, я оказался фактическим командиром полка.

После заседания была избрана (без протокола) исполнительная тройка под моим председательством. Исполняя постановление комитета, первым своим долгом мы сочли отправить телеграмму армейскому комиссару для передачи Временному Правительству и, непосредственно, Петроградскому Совету Солдатских и Рабочих Депутатов. Телеграммы были отправлены без обычного в таких случаях разрешения начальства, через солдат телеграфной роты. Устанавливать постоянное наблюдение на телеграфе было излишне, ибо все солдаты телеграфной роты сами, добровольно, взяли на себя обязанности политконтролеров. Но не только телеграфисты — наиболее развитые солдаты помогали комитету, даже, надежда командиров—конные разведчики и те считали своим долгом всякий пакет раньше чем доставить по сомнительному адресу, представить нам на просмотр. Тот день ни одного официального известия командир не мог получить ранее, нежели тройка не осведомилась о его содержании.

Характерно это созревшее в военном кровавом чаду желание, всячески отстаивать свою независимость, тот призрачный мираж свободы, который принесла первая революция.

Оставалось исполнить самое главное в сегодняшнем постановлении: то, что фактически передает всю власть в полку полковому комитету, и вывести роту в рaспоряжение комитета.

Пишу: «Командиру 1-й роты. На основании сегодняшнего постановления Полкового Исполнительного Комитета, предлагается Вам немедленно явиться с вверенной вам ротой в распоряженне полкового комитета».

Проходит несколько минуть томительнаго ожидания. Вместо роты является жалкая, изломанная фигура командира ее, подпоручика, с какой-то забытой, начинавшейся на «фон» громкой немецкой фамилией. Личность, сама по себе, настолько ничтожная, что, несмотря на всю звучность фамилии, последняя забыта вместе с ее обладателем.

— Товарищ председатель, — начал он просительно. — Вы, ради Бога, простите. Я со всей душой... Но вот командир полка, только что прислал приказ итти на пробное укрепление третьей линии. Если вы прикажите, я, конечно... но как же быть с командиром?

Вьется, упрашивает, чуть не плачет. Что поделаешь с такой трухлядью?

— Ладно, идите исполняйте приказание командира полка, мы и без вас обойдемся!

Получив от нас единственно возможный ответ, обрадованный «фон» исчезает. Короткое совещание. Уныния нет. В этом визите маленькаго подпоручика, мы чувствуем свою великую силу.

Неожиданно приходит «проведать» делегат 12-й роты, т. Гончаренко.

— У чем дело? 1-я рота не пришла? Так у чем дело? Напишите предписания и я зразу приведу 12-ю...

Даем наказ: роту привести во что бы то ни стало. Если офицеры не согласятся вести, арестовать и доставить сюда, а роту привести любому взводному или, если согласится, фельдфебелю.

— Слушаюсь, товарищ присидатель! меняет тон Гончаренко и, лихо щелкнув каблуками, удаляется.

Наш полк держит экзамен на сознательность. Неужели офицеры правы? Неужели солдаты сами полезут в ярмо? Но нет! Тишину ночи прерывает мерный гул выдержанных шагов людской массы. Случайный луч луны выхватывает и серебрит то штык, то ствол ружья. Надвигаются монолитные ряды осталенной человеческой стройной группы. Вьется над нею и разносится теплым легким

ветерком, разносится горячим призывом далеко и мощно, редкий в то время, «Интернационал». Зловеще колышет в отливе черных теней красное знамя, а под ним приземистая фигура нашего честного, нашего дорогого бородача Гончаренко. Рядом с ним несколько отстала другая стройная легкая фигура. Узнаю командира роты, прапорщика Зимнюхова. Масса приближается. Полуротные на местах. Рота в полном составе и даже кашевар, для чего-то пришел вместе с ротными санитарами.

Звонким бодрым голосом, весело подхваченным ночным эхом, прапорщик Зимнюхов командует:

— Рррррота стой! Отделениями правые плечи вперед! Рррав-няйсь! Смирррррна!

Быстрыми шагами с рукой у козырка приближается к нам молодой командир.

— Товарищ председатель! Повинуясь революционному долгу, двенадцатая рота прибыла в ваше распоряжение!

Самые разнообразные, радостные чувства наполняют сердце. Слезы счастья подступают к глазам. Жива революция! Жива! Так и хочется крикнут на весь мир, перевернуть косность этим радостным, властным, звериным криком. Но спокойствие! Сейчас, в эту минуту, я не только человек-солдат с потрепанными нервами, я руководитель всех этих честных, безхитростных людей. Людей от станка, от земли, впервые познавших святую правду жизни, свободы и геройски, своим собственным, недостаточно оточенным умом, остаивающих ее.

— Спокойствие... Шире грудь! Выше плечи, выше голову! Спокойствие!

Беру под козырек. Как подобает командиру, с достоинством принимаю рапорт прапорщика Зимнюхова, но не выдерживаю, обнимаю и целую его. И слезы... благодетельные, счастливые слезы текут по загорелому потрескавшемуся лицу. Ночь темна... и никто не видит моих слез, а рядом, близко, совсем близко, кто то всхлипывает. Это Гончаренко, укрывшись полотнищем знамени, тихо, счастливо плачет.

Овладеваю собой...

— Прапорщик Зимнюхов! Сведите роту флангами! Я об'ясню солдатам обстановку!

— Слушаюсь, товарищ председатель! «Рота! Правые и левые плечи вперед! Стой! Равняйсь!»

Я, Мирошкин, Гончаренко, и Зимнюхов внутри круга солдат...

Слова льються сами собой. Не помню, что тогда говорил. Но видно во время речи слезы текли по моему лицу. Потому, что и Гончаренко стоял рядом и плакал, и прапорщик Зимнюхов подозрительно отворачивался и странно, как бы задыхаясь, покашливал, потому, что изломались стальные ряды роты и там, среди этих твердых легендарных героев, тоже плакали, радостно плакали.

Кончил я свою речь. Размягченный Гончаренко подымает высоко чернеющее в темноте пурпурное знамя и дрожащим густым голосом затягивает еще мало знакомый, но близкий, понятный «Интернационал».

И откуда научились так хорошо петь его солдаты. Дружно подхватывает рота и могучим громом в темноту ночи рвется:

„Это будет последний и решительный бой
С Интернационалом воспрянет род людской!"

Жизнь не позволяет долго предаваться настроениям. По моему распоряжению Зимнюхов разбивает роту на караулы и через несколько мииут нашими пикетами охраняются все подступы к местечку, а наши посты выставлены у оружейных складов и цейхгаузов...

Посылаю солдата связи с копией протокола к командиру полка для официального уведомления о том, что ему, конечно, давно известно, о приведении в действие нашего постановления.

Посланный возвращается и приносит обратно пакет. Командира полка нет дома.

Проходит еще несколько минут и с дальнего пикета приносят донесение: «Задержана карета, а в ней командир полка, так как не знает пропуска».

Ехать в «штаб комитета» отказался.

Просят распоряжений».

Отправляюсь сам к месту, где задержан командир...

Карета... Крытый верх. Пара лошадей. Смеется кучер, но тихонько, про себя. Сопит командир.

— Безобразие! Я командир! Я отдам под суд! Вместе с комитетом своим попляшите!

— Здравия желаю, господин полковник! — перебиваю я его излияния.

— На каком основании вы приказали меня задержать! Это, что бунт?

— Никак нет, господин полковник! Простая формальность.

— Полк на военном положении, поскольку вы отказались принять меры к охране революции в полку, это сделал комитет! Вы сами можете убедиться, насколько хорошо комитет исполняет свою задачу. Итак, куда Вы изволите ехать, господин полковник?

— Это вас не касается, я командир...

— Не касается, не получите пропуска.

— Впрочем, здесь нет секрета, смягчился командир. Я еду в штаб дивизии, меня вызывал генерал Головинский!

— Поезжайте, но следующий раз не откажите брать пропуск в комитете. Пропустить!

Карета удаляется. Кучер смеется, а командир уже с почтительного расстояния кричит:

— Командуйте, командуйте! После разберемся!

Хохочут радостно, добродушно солдаты.

— Здорово! Правильно!—выражают они свое удовлетворение.

Я возвратился в помещение комитета. Немедленно снаряжаю Мирошкина в штаб армии для доклада армейскому комиссару. Необходимо осветить происшедшее нашей информацией раньше, нежели дойдет до штаба доклад командира.

Чарез полчаса Мирошкин верхом, в сопровождении коннаго разведчика, отправляется в поиски штаба армии, который находился где-то в движении, а я с секретарем комитета, Шишкиным, продолжаю заниматься «текущими делами».

То и дело приводят солдат, офицеров и «вольных», задержанных на дорогах вблизи местечка, за незнание комитетского пропуска.

То и дело приносится и сообщается информация о тех или иных депешах, переговорах, действиях. В ночной темноте весь полк не спит, жажда действий клокочет под покровом ночи. То разведчик прискачет и спросит не надо ли чего, то оружейной команды мастера притащут револьверы для комитета и, наконец, пулеметчики, по своему почину выкатили «максимку» для нашей охраны. Приходится всех сдерживать, всем об'яснять, что нет надобности в партизанщине, что в каждой роте и команде фактически распоряжаются члены комитета, и все приказы исполнительной тройки выполняются безоговорочно.

Однако, нас не особенно слушают добровольные агенты комитета. Пулемет убирают, но не далеко, за ближайший забор, а товарищи с инициативой продолжают забрасывать нас предложениями.

Часа в два ночи пошел сильный дождь. Мне захотелось лично проверить, как несут охрану (по доброй воле) в такую скверную погоду.

Набросив плащь, увязая в грязи, я принялся бродить от поста к посту. Везде стояли мрачные грозные силуэты часовых, везде меня встречал грозный оклик:

— Кто идет?

Солдаты пикетов грелись у костров, разведенных под прикрытием придорожных деревьев, но никто не покинул своего места, несмотря на то, что все промокли до ниточки.

Выставленные с утра дежурным по полку посты оказались снятыми. Как после выяснилось, их никто не снимал, а солдаты, увидя комитетские посты, сами разошлись по своим частям. Дежурный же офицер в нерешительности не рискнул выставить их снова.

Таким образом, фактическая власть в полку принадлежала комитету.

Понимая, что такое положение дает лишний козырь в руки командира, чтобы парализовать провокацию, я пытался заполучить официального командира из числа баталионных командиров. Но ни один не решился принять командование полком.

Пришлось пойти на хитрость. Я попросил штаб дивизии сообщить, где находится командир полка, так как он уехал, не оставив заместителя, а помощник его Бауман исчез. Из штаба дивизии ответили, что утром будет приказ по дивизии, в котором мы найдем ответы на интересующие нас вопросы.

Этот лаконизм мне не особенно понравился и я, написав короткий доклад об обстановке, спешно послал его в догонку Мирошкину.

Фактически командуя полком, я в то же время ни одного приказа, не по комитетской линии, не подписал. Ни разу я не появился в штабе, или канцелярии полка. Там жизнь шла обычным порядком. Что-то писали, что-то делали, колотили на ундервудах, но распоряжаться ничем не могли. Имея надежных контролеров на телеграфе и телефоне, имея в своем распоряжении всю связь, я не пытался даже вмешиваться в жизнь штаба.

Ожидаемый утром приказ по полку, не вышел. Это осложнило положение. Получалось не только двоевластие, но и безвластие. Командир все не возвращался. От Мирошкина еще сведений не могло быть: вряд ли он добрался до штаба армии за такое короткое время. Неопределенность угнетала не только

меня, но и всех товарищей по комитету, а пуще всего прапорщика Зимнюхова.

Несколько раз на день он забегал ко мне, прося распоряжений. Когда роту его сменила одиннадцатая, он пришел, уселся и, все время выжидательно поглядывая на меня, просидел таким образом больше часу.

Наконец он заговорил:

— Знаешь, Кальницкий! Здесь неподалеку один полк выгнал командиров, так прислали броневики и казаков и разоружили полк, а комитетчиков увезли неизвестно куда. Надо нам быть настороже.

Слова Зимнюхова побудили меня еще раз убедиться в боевой готовности полка, еще раз напомнил я комитету пулеметчиков о необходимости быть в сборе — готовыми в любой момент к бою.

Если бы в тот день, какой-нибудь близорукий генерал или комиссар временного правительства, направил бы на нас силы «для восстановления порядка», полк оказал бы серьезное сопротивление. К сожалению таких дураков не оказалось, а старые соглашательские тенденции были еще настолько сильны во мне и в прочих членах комитета, что, без особо побуждающих факторов, на резко-революционные действия мы не могли решиться.

Вместо восстания, вместо борьбы против войны, пришлось мне дипломатически обходить все юридические мины, подложенные командиром. Чтобы не дать ему возможности обвинить комитет в «разложении солдат», я вызвал к себе всех ротных командиров и предложил им продолжать занятия со своиии людьми по календарной программе. Членам комитета я предложил содействовать успеху занятий.

Солдаты поняли всю необходимость исполнения распоряжений комитета, и в результате, без командира полка и приказов по полку, занятия велись лучше чем раньше.

XX

Армейский комиссар за работой

4-го сентября из штаба армии неожиданно прибыла телеграмма на мое имя. В ней армейский комиссар коротко, но ясно предлагал:

«Немедленно восстановить порядок в полку, прекратить самочинные действия».

Вслед за телеграммой прибыл и командир полка.

Полк насторожился.

Тщетно целый день ждал командир полка моего визита. Каяться ни я, ни кто-либо другой, а тем менее прапорщик Зимнюхов, не собирались.

Командиру не терпелось и, вечером 5-го сентября, он, наконец, сам вызвал меня к себе.

В его кабинете, когда я прибыл к нему, находился, неизвестно откуда и когда прибывший, подполковник Бауман.

Пребывание «кадета», как окрестили Баумана солдаты после знаменитого раскола комитета 31-го августа, в кабинете командира полка, не сулило ничего хорошего. Однако, я, не смущаясь, спросил, чего от меня хотят.

Командир, подыскивая слова, вопросительно взглянул на Баумана. Последний, видя, что командир не находит слов, взял инициативу на себя. С нескрываемой брезгливостью начал он:

— Известно ли вам, молодой человек, что вашим безобразиям положен конец? За ваши самочинные действия вы поплатитесь по суду! За подстрекательство к бунту в военное время по головке не гладят! Кроме того, вы сами себя произвели в командиры полка, и за это вы еще ответите как за самозванство!

Грубые угрозы произвели совершенно противоположное действие. Вместо ожидаемых извинений, растерянности, у меня появилось только одно желание—позлить начальство. Поэтому, спокойно, с некоторой иронией в голосе, я заявил, что безпорядок был бы, если бы я не поддержал по директивам комитета в полку порядок.

— Вы, господин полковник, уехали, вы, господин подполковник, — исчезли. Не допускать же в такое время развала. Пришлось комитету взяться за ваше дело!

Командир полка учащенно засопел:

— А помните, как вы меня задержали при выезде из селения? Нашелся он сказать.

— Как же, помню!

— А помните вы, — господин полковник, что вас все время хотели уничтожить и, что только комитету вы обязаны тем, что живы? Если вы находите, что такие действия комитета заслуживают порицания, сегодня я с вами в этом вполне согласен.

Последние мои слова довели начальство до белого каления, но вместе с тем напомнили о нашей реальной, хоть и не юридической силе. Поэтому, командир счел за лучшее переменить разговор

— А что это у вас за пистолет? — спросил он, указывая на «Ноган» у моего пояса. Вам полагается только винтовка!

— Виноват, господин полковник! Это не пистолет, а револьвер, и хоть мне по штату он не полагается, я на всякий случай тащу его с собой. Война приучает к оружию!

Вместо ответа, полковник засопел сильней прежнего. Теперь он уже перешел к примирительному тону.

Вы председатель комитета, вместо того, чтобы показывать пример дисциплинированности и выдержки, сами разлагаете полк, демагогическими способами подрываете престиж командного состава, доводите солдат до непослушания. Ведь за это вы можете серьезно поплатиться!

Баумана коробит «мягкость» командира полка. Ни с того ни с сего он вскакивает, ударяя кулаком по столу, и кричит:

— Вы не смеете совать нос в боевые распоряжения, в строевые дела! ваши функции только хозяйственные! Вот... С этими словами он протянул мне копию полученной утром телеграммы армейского комиссара.

— Соберите немедленно заседание полкового комитета! Я хочу отделить честных от изменников!

Последние его слова озлобили меня.

— Раз вы приказываете — ответил я с явной иронией в голосе, мы не смеем ослушаться. Приходите через пол часа, услышите наше мнение о телеграмме Чекотило и о ваших действиях, а заодно отмежуете честных от предателей. С этими словами я покинул кабинет.

Посылать за комитетчиками не пришлось. Настороженно ждали товарищи моего возвращения от командира.

Все в сборе... Посылаю за Бауманом. Проходит минут 20. Баумана нет. Открываю заседание без него. Офицерская часть комитета представлена одним штабс-капитаном Левенцом.

Только собираюсь предложить повестку, появляется высокий, тощий Бауман. Не спрашивая у меня, он становится в театрально-трагическую позу и начинает:

— Солдаты!

Я звонком останавливаю его. Небрежно поварачиваясь ко мне, Бауман роняет:

— Не мешайте говорить!

Я вновь звоню:

— Член комитета Бауман, призываю вас к порядку...

— Товарищи, я буду говорить не как член комитета, а как представитель командира полка, — заявляет Бауман.

— Подполковник Бауман! Раньше, позвольте нам, комитету, выяснить в порядке голосования, можно ли сейчас заняться рассмотрением вашего заявления...

— Да я никакого заявления. Я просто... того... ну знаете, насчет там порядка, дисциплины.

На солдатских скамьях хохот...

Бауман подымается и скрипя зубами уходит.

Я делаю доклад комитету о разговоре в кабинете командира. Хохот усиливается. Однако веселое настроение не мешает товарищам ясно сознавать серьезность положения. Поэтому, не фиксируя протоколом, мы решаем быть настороже, но не создавать конфликтов без особой необходимости.

На этом ночное заседание прекращается.

Утром следующего дня меня разбудил, только что возвратившийся Мирошкин. Созвали секретное заседание полкового комитета у меня на квартире. Мирошкин доложил, что армейский комиссар ужасно сердит, недоволен нашими самочинными действиями, но «прощает» наше излишнее усердие, при условии, если мы немедленно восстановим порядок в полку и самоликвидируемся, назначив новые выборы комитета.

Постановили: «Доклад товарища Мирошкина принять к сведению. Перевыборы назначить после об'единенного заседания полкового с ротными комитетами, в ближайшие дни».

Шестого сентября я встретил на улице местечка странного поручика. Синие диагоналевые «галифе», диагоналевый защитный френч, лакированные сапоги, новый с серебрянными накладками портфель, университетский значек. Странная фигура. Новый...

Познакомиться с ним мне пришлось раньше, нежели я мог предполагать. В канцелярии комитета меня ждала телефонограмма: «Военный следователь Корпусного суда, поручик предлагает вам явиться к 2 часам в штаб полка для опроса».

Содержание телефонограммы было известно всем солдатам. Поэтому, когда я пошел к штабу, на некотором расстоянии за мной следовала группа пулеметчиков и разведчиков, вооруженных не только винтовками и револьверами, но и гранатами.

Следователь встретил меня жандармски вежливо.

— Э... э... э, не можете ли вы мне об'яснить, чем было вызвано отстранение от должности командира полка?

— Никто его не отстранял, — ответил я.

— А скажите считаете ли вы законным ваше постановление о выводе роты в распоряжение комитета, то-есть в ваше распоряжение? — продолжал следователь.

Не знаю чем бы кончились «наши разговоры», если бы нас не прервала толпа вооруженных солдат, ворвавшаяся с криком:

— Присидатель, на собрание!

— Не угодно ли? — предложил я поручику. Но он совершенно растерявшись под недружелюбными взглядами солдат, промычал: «Я? Нет! Я занят, пожалуйста не стесняйтесь!»

Через пять минут коляска галопом уносила перепуганного командира, подполковника Баумана и галантного поручика в штаб дивизии.

Полк в сборе, за исключением прапорщика Зимнюхова и двух его полуротных офицеров,—все солдаты. Большинство с оружием в руках. Прапорщик Зимнюхов руководит собранием, а Мирошкин, стоя на столе, что-то говорит. Из его слов я заключаю, что он повторяет свой доклад на секретном заседании комитета.

Не успевает Мирошкин слезть со стола, как его место занимает какой-то вооруженный до зубов пулеметчик.

— Товарищи! — Кричит он. — Командир, Бауман и следователь уехали, а председатель вот он!

— Слово председателю! Пусть председатель говорит! — кричат из толпы. Зимнюхов приглашает меня на стол. Не зная в чем дело, не знаю что говорить. Но Зимнюхов выручает.

Они возмутились приездом следователя и твоим допросом, а потому, под предводительством пулеметчиков сами собрались сюда и решили потребовать на собрание командира полка и следователя.

Зимнюхов выжидающе смотрит мне в глаза, Гончаренко подсказывает:

— Ариштувать охвицеров. Зимнюхова командиром. Тебя комиссаром. Но эти перспективы приводят меня в ужас. А фронт? А свобода, а революционная Россия? Крепко еще сидел в голове старый дурман, сцементованный фальшивыми лозунгами Керенского.

Начинаю говорить. Чувствую, что от меня ждуть совершенно иного и надо, наконец, сказать это новое, иное, но не могу... Военные традиции, мираж свободы, незнание марксистских истин, в то время не позволяли мне крикнуть громовым голосом:

— Товарищи! Плюньте на эту белиберду! Штыки в землю, марш домой! Вместо этого я начал говорить длинное, ненужное,

приевшееся как лук, но не пугающее новизной, обычное неопределенное, что в те времена составляло содержание всех нормальных речей. К обычной жижице содержания я прибавил то, что относилось к данному моменту и сам чувствовал, как мертво, ненужно все, что я говорил...

— Товарищи, — начал я. Напрасно Вы взволновались! Ничего особенного не произошло, просто следователь хотел...

На этом месте меня прерывает гул возгласов, из которого слышу:

— Как Корнилов на них, так они к нам, а как помирятся так вместе на нас! Судить полк приехали! Смерть Корнилову! Долой Керенского! Долой кадетское начальство! Сами выберем себе командиров! Пусть советы управляют страной!

Проходит несколько минут, пока полк несколько успокаивается. Но горящие глаза и раздувающиеся ноздри определенно говорят, что в сердцах солдат живым огнем горит ненависть к старым лозунгам, ко всей той дребедени, во имя которой они, оторванные от семей, уже без гнета царизма, продолжали бессмысленно стоять в слепой очереди на отправку в «преисподнюю».

Я продолжаю говорить. Вяло, как-то кисло, невязко льется моя речь.

Товарищи, еше не время...

Разочарованно смотрит Зимнюхов. Сердито плюет Гончаренко. Кусает усы Мирошкин и смеется слывущий в полку большевиком фельдшер Брежнев...

Надо обучаться... Держаться друг друга... А для этого нужна дисциплина. Успокойтесь, разойдитесь по ротам... Продолжаю я.

Сам не верю в свои слова, чувствую, что правда где-то близко, внутри, на языке, близко, близко от моего сознания...

Через пять минут бессвязных разговоров, чувствуя себя разбитым без оппонентов, неожиданно для самого себя заявляю:

Слагаю с себя полномочия!

В гигантской толпе движение. Вооруженные до зубов, с полной выкладкой, солдаты протискиваются к столу. Плотным кольцом окружают они стол и хмуро опершись на винтовки, бесстрастные, грозные, стоят и ждут.

Из толпы кричат: Позор! Долой Чекотило! (армейского комиссара). Никаких перевыборов! В ответ на каждую реплику гремит:

Правильно!

Схожу со стола. Зимнюхов укоризненно произносит только два слова:

— Эх, вы...

Этими двумя словами он сказал мне больше, чем я сказал солдатам в течении семи минут своей бессвязной речи.

Гончаренко подхватил меня под левую руку и размахивая своей правой, что-то долго о'бясняет мне, а Мирошкин неожиданно предлагает.

Знаешь что: Запишись в нашу ячейку РСДРП!

Один Брежнев спокоен. Смеется весело, спокойно смеется...

Выход накопившейся боевой энергии нашелся в дебатах о перевыборах комитета, которые проходили уже без меня. Постановив оставить старый комитет, через полчаса полк разошелся по своим частям, внешне успокоенный.

По тем сведениям, которые мы получали при общении с солдатами других частей, мы знали, что такое настроение было не только в нашем полку. Везде ускорилась, оформилась политическая жизнь, везде дебатировали, спорили, волновались... Но не везде так мирно кончались бури, как у нас. То и дело получались сведения об убийстве командиров, о разоружении целых соединений, об отправке «неизвестно куда» большевиков...

Если бы через час посторонний человек попал бы на улицы Белозорки, он не мог бы предположить, что только что полк пережил один из исторических революционных моментов. Жизнь в местечке вошла в свою колею. Гуляли обнявшись невооруженные солдаты, варилось что-то в котелках, хозяйственно дымили кухни и шли на занятия части полка.

К вечеру возвратились командир полка и Бауман, но следователя я больше не видел.

Занятия продолжались нормальным порядком. Издалека доносились дружные залпы. По отзыву знатоков стреляли «как в мирное время». На буграх можно было видеть стройные, ощетинившиеся штыками, массивные квадраты рот, иногда растягивавшиеся в длинные змейки и спирали цепей.

Несколько дней такой жизни вернули командиру хорошее расположение духа. Он опять с гордостью начал поглядывать на «свой полк». Солдаты же часто спрашивали друг у друга:

— И чевой етта, нас так учать? Как с начала! Ужели всю зиму воювать думають?..

— А звестно, как летом не помирються, так уж зиму провоюють, потому как зимой без всяких, значить, наступлениев и расходов!

События в тылу интересовали нас, но не входили в гущу сознания солдатских масс. Знали мы и о с'езде каких-то «русских деятелей», созванном в Питере Керенским, знали и о других подобных «авторитетных» сборищах, но фронтовая жизнь, напряженно-настороженная, настолько поглощала внимание, что некогда было оценивать то или иное «важное событие» тыла. Уже тогда чувствовали мы, что все дело решит фронт. На фронте в то время, без анкет и голосований, все единодушно сошлись на формуле: «прогоним и вот так, в полном порядке, при оружии, пойдем домой порядки устанавливать, капиталы и землю делить!» Однако, «прогоним немцев» представлялось каждому не в виде упорных кровопролитных боев 18-го июня и т. п. Этот финал войны мнился какой-то расплывчатой проблемой, не то братания, не то уничтожения немецкой стойкости с помощью каких-то особых военных и политических случайностей. В победу союзников на западе никто не верил. Русские солдаты отлично знали, что на западе рассчитывали на них больше, нежели они могли рассчитывать на западных союзников.

От возвращавшихся из отпуска солдат и от свеже прибывающих мы знали, что наши семьи голодают, зато богачи наряжают своих женщин шикарней, нежели в старое время, купая их в шампанском и духах.

Только подвижническое терпение, в надежде близкого раскрепощения, и предвкушение сладости мести за наш позор, за муки наших семейств, давали силу ждать урегулирования фронтовых дел для расправы с тылом.

Этим «урегулированием фронтовых дел» только и могло, как последним козырем, удержать видимость вооруженной силы на фронте, временное правительство. Все его старые лозунги, «смерть за идею», «разгром немецкого империализма», в то время уже не действовали на солдатскую массу, и временное правительство предпочло орудовать только шкурными лозунгами, взывая к чувству самосохранения солдат.

Тогда в массы проникли лозунги «Правда». Они породили самое нежелательное Временному Правительству явление — накопление революционной энергии. Каждый солдат горел жаждой дать почувствовать цену крови тем толстопузым патриотам, которые,

отослав их на фронты, сами эксплоатировали в тылу их осиротелые семьи.

— Ничего, говорили солдаты. Вернемся домой, узнают кадеты, какой такой фронт бывает.

Достаточно было искры, чтобы порох, заложенный в смысле этих слов, взорвался....

Затопчут, загасят, с помощью соглашателей, одну искру, а на смену ей уж плывут, в насыщенном трупным смрадом и раздражающим запахом крови, воздухе, сотни, тысячи новых, маленьких, ярких искорок...

Вот, вот взорвется... Вот, вот взлетит на воздух ветхое здание кривды, хитросплетенное на общественных противоречиях.

А пока, на этом колоссальном пороховом погребе, интенсивные занятия и прогулки: «левой, левой, левой», с песенками: «Дуня, ягодка моя», «Смело, ребята, в поход собирайся», «На взморье мы стояли» и т. п. Иногда пели марсельезу, но пели ее так, как пели в мирное время после проверки: «Отче наш», «Спаси, господи, люди твоя» и «Боже, царя храни».

XXI

В Бессарабию!

Прогремело наше знаменитое, «доблестное» наступление в Румынии. Также как и на нашем участке «18-ое июня», после первого наступательного порыва, оно выдохлось, приостановилось... Наши части принялись «выравнивать фронт», а кое-где и отходить на «заранее подготовленные позиции».

По опыту 18-го июня мы знали, что теперь надо ждать сильного контр-наступления.

Не только фронт был встревожен положением в Румынии, но и тыл начал «честно» бить тревогу. В печати появились сведения об угрожающей группировке немецких армий в Румынии и Буковине. Каждая газета, помимо сообщений «от штаба Верховного Главнокомандующего» и «собственных корреспондентов», помещала еще статьи военных специалистов, в которых пережевывались стратегические и политические перспективы грядущего немецкого наступления.

Появились в армиях приказы-воззвания, в которых говорилось о необходимости приготовиться к должному отпору зарвавшемуся противнику.

Мы, резерв верховного главнокомандующего, знали, что если предполагаемое наступление германцев осуществится, нам придется принять участие в новых грандиозных боях.

Занятия усилились настолько, что полковому комитету было отказано в его ходатайстве о сокращении занятий на 1/2 часа, дабы дать возможность желающим солдатам пройти в школе курс грамоты.

Окрестности местечка оживились обучающимися группами солдат. Во всех направлениях маршировали роты, батальоны, взводы, отделения, звенья... Иногда тишину мирного дня прерывал вихревый отдаленный грохот залпов... О качествах солдат в то время судили только по выправке, то-есть по молодецкой осанке, дружным залпам, штыкам в струнку, четким и ясным ответам, вроде: «драв жлам господин полковник!» и т. п. Если боеспособность определялась только этими качествами, то, конечно, начальство могло гордиться своим полком.

Глядя на здоровые, загорелые лица солдат, прислушиваясь к их беспечным беседам, начальство топталось в нетерпении. Скорей бы дело! Вот теперь мы покажем себя! Очевидно, в этом духе и были посланы соответствующие донесения. Потому что задолго еще до приказа об отправке на румынский фронт, командование было уверено в том, что скоро предстоит далекий поход.

Долгожданный приказ наконец «вышел». Числа 17 сентября командиры рот и начальники команд оповестили людей, что завтра утром полк двинется походным порядком и итти предстоит далеко.

Направления никто не знал. Не знал и комитет, после комиссарского урока, старавшийся поменьше ссориться с командованием.

На рассвете, за 1/2 часа до наступления, пришли ко мне представители некоторых рот и команд и заявили, что их части желают за свой счет нанять подводы для перевозки аммуниции до Волочиска.

— Откуда вы знаете, что пойдем на Волочиск?

— Очень просто,— знаем!

— Да откуда?

— Знаем и все!

Пришлось итти к командиру полка просить разрешения перевезти до ближайшего этапа солдатские вещи на подводах за их счет...

— Что? Вещи везти? Да что это за солдаты? Как они воевать будут, если сейчас 20 фунтов нести не могут. Категорически запрещаю!

Ничего не поделаешь. Пришлось возвратиться на квартиру, где ждали меня делегаты, и передать им решение командира.

Со своей стороны пришлось прибавить обычную аргументацию и мотивировку отказа. Этого требовал авторитет комитета.

— Товарищи! Когда речь идет о жизни и смерти, когда не считаешь бессонных ночей и голодных дней, когда не обращаешь внимания на свою и своих товарищей кровь, какой может быть разговор о маленьких удобствах перехода без ноши?

Не согласились со мной делегаты. Это видно было по тому недовольству, которое явно выразилось на их лицах. Но пришлось им примириться. Мои последние слова: Не создавать же конфликта по пустякам, повидимому, убедили их больше всего.

— Правильно,— говорят солдаты.— Да только не поймем, почему, етта, командир сам не погрузит себе на спину маленький офицерский мешочек, да хоть верст десять не отмахает с нами пешком. А то все верхом да верхом, а вещи на двух подводах холуи везут.

Действительно, против такой постановки вопроса ничего сказать нельзя было. Обычно, когда усталые изможденные солдаты к вечеру добирались до биваков, в какой-нибудь деревушке их уже ждал приветливый дым командирской кухни, а сам господин полковник, расположившись в уютном лучшем доме «по походному», покуривал свою любимую трубку, даже не считая нужным выйти навстречу своим «ребятам». Кругом сновали солдаты связи, услужливо работая на командира. Тот чистил коня, тот картофель, тот сапоги, тот удил рыбу в ставке или озере для командирского стола, а другой, особо рьяный холуй, охотился за селянской птицей. Усталые же и голодные солдаты, видя это великолепие, должны были еще добыть солому для ночлега, должны были промыслить пищу и привесть в порядок ненавистную аммуницию. Запыленные, с натертыми ногами и запекшимися от жажды губами, с приставшей к телу одеждой, проклинали солдаты и командира и его холуев...

— Так и воевать можно,— с ненавистью говорили они.

В 7 часов утра, стройными колонами «по отделениям» мы выступили в поход. На околице местечка играя марш, оркестр стал во главе полка, а командир со свитой, все на лошадях, пропускали его мимо.

— Здорово, ребята! Поздравляю с походом! — кричал он каждой проходящей роте.

— Дравь жлам господин полковник, — дружно отвечали вновь осолдаченные ребята.

Через несколько минут, командир полка со свитой, галопом обогнал нас...

Растянулся полк по извилистому, убегающему в высокие хлеба проселку. Ласкавшее с утра солнце, теперь невыносимо палит... Шинель в скатку, превратилась в согревающий компресс, тело под ней — зудит, зуд раздражает до скрежета зубов. Небольшой ранец с краюхой хлеба, зеркальцем и парой белья наливается свинцом и оттягивает плечи, а десятифунтовая винтовка превращается в колоссальную стальную рельсу. Сапоги, то слишком просторные, то слишком тесные, жмут пальцы ног, и растирают в кровь ступни. У многих, более благоразумных сапоги болтаются на штыках винтовок.

Чем дальше, тем больше растягивается полк. Сзади сначала, видны защитные, потом черные фигурки отставших.

Пятиминутный привал у колодца используется на утоление жажды. Скрипит козел, опускаются группами связанные котелки и освежающая холодная влага живит иссохшие внутренности.

Перетягивают портянки, поправляют аммуницию и поход продолжается.

В 12 часов дня большой привал...

После обеда разулись, расположились в повалку, кто на спине, кто на животе. Подымаются в воздух тонкие извилистые струйки сизого махорочного дыма и медленно расплываясь, теряются в голубом воздухе.

Только что парившиеся скатки, превратились в подушки, нежат усталые головы, а винтовки, составленные в козлы, как бы стерегут лагерь.

В два часа играют сбор и полк подтянувшись, построившись, поротно выступает к Волочиску...

Подтягиваются отставшие. Они использовали отдых для того, чтобы догнать нас и наскоро пообедать. С первых же шагов они снова отстают, спешат и отстают, жуя на ходу недоеденную «порцию».

Идущие сзади рот и команд фельдфебеля, не обращают внимания на нарушение основных правил движения. — «Пусть

их» — безнадежно машут они руками глядя на вновь отстающих. Идущие в хвосте полка, санитарные двуколки наполняются солдатами, окалеченными плохой обувью... Воспаленные раны на ногах на лету прижигаются иодом, движение не приостанавливается.

Еще несколько минут, и двуколки переполняются настолько, что ни одного солдата больше принять не могут. Теперь уже за ними тянется живой хвост хромающих и подпрыгивающих солдат. Держатся за двуколку, друг за друга, выкладку сложили под ноги едущим счастливцам, а сами с сапогами в руках спешат за колоной здоровых. С завистью поглядывают на припрыгивающих калек здоровые, которым ранцы и винтовки до измнеможения оттягивают плечи.

Командира полка давно нет. Он уже в Волочиске. А нам еще итти и итти.

У повозки штаба полка, идущий по сторонам караул охраняет полковое знамя, а сзади, в обозе, на повозке оружейной команды, лежат свернутыми, запыленными, красные знамена 18-го июня.

Еще несколько пятиминутных привалов, еще несколько утомительных маршей и полк в сумерках достигнет желанного пункта.

Всю ночь подтягиваемся. На утренней перекличке, за исключением двух — трех отставших, все «налицо».

Часов в одиннадцать подали эшелоны. В двух разместились люди, в третьем лошади, обоз, штаб полка.

От Волочиска сутки ехали до Жмеринки. Со Жмеринки, немедленно передали нас на другой путь и, к вечеру следующего дня, полк выгрузился на станции Окница в Бессарабии, недалеко от Русско-Румынско-Австрийской границы.

Запылали костры, замелькали полотнища натягиваемых палаток, заполыхало на ветерке свеже постиранное белье... Полк расположился бивуаком...

Рано утром играют сбор. Полк строится поротно, в взводные колоны... На традиционной серой лошади появляется командир полка. После команды «смиррррно!», начальник справа, Слушай «На караул!», полк замирает.

После обычного обмена «приветствиями», командир полка откашливается и не сходя с лошади начинает свою «речь» к солдатам.

«Братцы! Мы видим с радостью, что у нас в полку воскрес воинский дух! С надеждой и гордостью смотрит на нас Россия! Если-бы вся армия была, как наш полк, мы показали бы немцам как воевать с нами! К сожалению часть армии больна страшной болезнью: большевизмом! Большевики — это предатели, а болеть большевизмом, это значить забыть присягу, не исполнять приказов Временного Правительства, словом продавать страну за свою шкуру или за деньги, — это все равно, — неприятелю. Поэтому мы, как резерв Верховного Главнокомандующего, должны не только являть пример дисциплинированности и боеспособности, но приводить к порядку бунтовщиков и контрреволюционеров! Временное Правительство и я надеемся на вас! Да здравствует славный Болховский Полк! Ура!

Вяло подхватывают заскучавшие солдаты шаблонное «Ура», у некоторых на лицах плохо скрытая усмешка, у некоторых недоумение.

Командир уже открывает рот для команды к движению. Я понимаю, что оставить солдат под впечатлонием его речи неблагоразумно и собираюсь выйти из рядов, но заместитель мой, тов. Мирошкин, уже опередил меня; стоит перед рядами и делает знак рукой.

Неслыханная дерзость! Рядовой посмел в такую торжественную минуту выйти из рядов! Но... Проклятый комитет с этой трижды проклятой «свободой»... Приходится командиру сдержаться и молча санкционировать неожиданное выступление Мирошкина. Командир сопит, конь под ним грызя удила роет землю, солдаты продолжают держать «на караул!», а Мирошкин не смущаясь обращается к стоящему перед фронтом командиру 1-го баталиона и громко просит:

— Будьте добры скомандовать «к ноге!» Тот растерявшись подает просимую команду и Мирошкин начинает:

— Товарищи. Сегодня мы впервые на новом участке фронта! Сегодня мы ступили на Бессарабскую почву! Недалеко, в Румынии, наши союзники бьются с немцами! Мы пришли им на помощь! Правда, мы и сами устали, но если большинство нашего народа послало нас защищать революцию от немцев, мы должны это сделать! Вечная память погибшим на поле брани товарищам!

Вот так действительно, что кончил за упокой!

Солдаты хотя и неподготовленные к последней фразе, — торопливо снимают фуражки, крестятся, вздыхают. Оркестр по

собственному почину играет похоронный марш. Каменный строй заколебался, кое-кто преклонил колена.

Командир полка сопит, подпирает губами нос... Конь под ним еще пуще горячится, однако, правую руку он поднес к козырьку.

Мирошкин занял свое место в строю.

— Ррравняйсь! Смиррр-но! Отделениями левые плечи вперед! Шагом марш! Прямм-мо! — прогремела команда и полк двинулся в бесконечный простор Бессарабских степей, навстречу неизвестному.

XXII

Украинизация

Пятьдесят верст по густо засеянным Бессарабским степям и ни одного селения...

— Откуда етта они ездиють на поле, — недоуменно спрашивают друг у друга внимательно разглядывающие новую землю, солдаты.

— И что етта за поле? Гляди: тут тебе вместе и кукуруза, и подсолнух, и конопля, и тыква, и черт его разберет что еще такое. И что етта за народ так сеить? — рассуждали солдаты.

Богатейшие поля, на громаднах пространствах, сплошь были под кукурузой и подсолнечником. Стебли этих растений достигали такой вышины, что в них свободно мог спрятаться, всадник с лошадью.

Местами видно было как на холмах суетились маленькие фигурки людей, убирающих хлеб, кукурузу.

Иногда неподалеку от дороги встречались чумазые коренастые косцы. Разинув рты смотрели они на впервые появившийся в этих местах, отряд. На все наши вопросы они отвечали одним словом «нушты» — не понимаю.

Чувствуя себя среди чужого народа солдаты старались сохранить «равнение», чтобы еще больше поразить выправкой молдаван.

Уже стемнело, когда, оставив слева какое-то селеньице, полк втянулся в деревушку «Р а т у н д ы». По карте видно было, что наша «Р а т у н д а», местечко «Е д и н ц ы» отстоящее от нее в 6—7 верстах и еще две каких-то деревушки, со странными названиями, являются «оазисом» большой незаселенной степи.

Ближайшая железная дорога проходила верстах в 25-ти к юго-западу, у местечка Бельцы, а с другой стороны — верстах в 50-ти, у станции Окница, утром нами покинутой.

«Оазис» был отведен под постой нашей дивизии. Перебрасывавшиеся с частями нашего корпуса третья и 156 дивизии ушли по «неизвестному направлению».

Квартирные хозяева встретили нас довольно холодно. Вернее, вовсе не встретили. В своей полудикой наивности, они, повидимому, считали, что на войне будут считаться с условностями их бытовых удобств и традиций. Видя первый раз солдат, они полагали, что если солдаты встретят квартиры запертыми, то они, за неимением квартир, уйдут во свояси и война кончится. Поэтому, после от'езда побывавших в деревне часа за три до нашего прихода квартирьеров, они остроумно повесили на двери замки, а сами, со всеми чадами и домочадцами и со скотиной, ушли в им одним известные трущобы, чтобы пересидеть там до нашего ухода.

Несмотря на наступление вечера, никто из них в деревню не возвращался. Они все ждали, что вот-вот появится на горизонте полоса стремительно уходящего на ночлег в Россию полка.

Наши командиры долго не церемонились. После тщетных попыток найти „молдавана“, чтобы об'ясниться, был отдан приказ ломать замки и размещаться.

Не успели сбить замок у первой хаты, как появились двое крестьян, а за ними и все население деревни. Молчаливо отпирали они замки на дверях своих домов, молчаливо размещали нас в домах, а в сараях размещали, неизвестно откуда появившийся, скот. Они все еще надеялись на то, что теснота прогонит солдат обратно в Россию.

Через час солдаты разместились в хатах и сараях, чердаках и амбарах.

Заплясало пламя костров, солдаты принялись готовить свой незатейливый ужин.

Вечером я сделал «визиты» товарищам по случаю новоселья. Везде меня поражал новый вид жилья, в котором все вытекало, повидимому, из своеобразного, для меня нового, быта. Хаты-мазанки и снаружи и изнутри блестели изысканной чистотой. Большинство было с глинобитными полами, но курных хат, по Карпатскому образцу, не встречалось. Домики, по большей части, состояли из двух комнат и одной маленькой комнатушки,

целиком помещавшейся на огромной печи и служившей для сна всей семье. Для того, чтобы войти в эту, не имевшую дверей, комнату, надо было подняться на несколько ступенек. В этих комнатах спали прямо на полу, подстилая мягкие ватные одеяла и тонкие пуховые перины. Кое-где встречались и деревянные кровати, которые стояли, повидимому, без употребления в парадных комнатах. Комнаты эти имели обычно по два окна, защищенных решетками. У всех стен были укреплены лавки. Одна сторона предоставлялась для своеобразной выставки: на лавке помещались пирамиды подушек, обтянутых кумачем или китайкой, а с белого потолка спускались развешанные костюмы, главным образом женские.

Как всегда, и здесь обычай нарушал гигиену. Общая чистота жилищ страдала от пыли, в'евшейся в эти «экспонаты».

Как я потом узнал, таким образом, по старинному обычаю, хозяева демонстрировали свое богатство.

Посреди комнаты стоял большой стол, а в одном из углов висела икона. Под иконой угольный столик с сухоцветом и статуэтками — предметами культа. Известная олеография «дерево жизни человека», была довольно сильно распространена здесь.

Определить — в чем состояло убранство других комнат, мне не удалось потому, что в то время все свободные комнаты были наполнены смолоченной пшеницей.

В поле убирали, а в деревне паровой молотилкой население по очереди молотило хлеб.

Полевые работы были в разгаре. Смолотив хлеб до нашего прихода, теперь принимались за кукурузу. Перед каждым домом лежала гора кочанов.

Хозяева усаживались вокруг и, просто, руками собирали спелые зерна. Кочаны тоже не пропадали. Они складывались в кучи, сушились и после употреблялись на топливо.

Солидное хозяйничанье бессарабских крестьян, после дикого убожества галицийских деревень и нищенства русских, приятно поразило нас.

Через несколько дней отношения с жителями как-будто бы установились и дошли даже до того, что нашим солдатам бесплатно предлагались их «мамалыга» и семечки.

Наши ребята, не отказываясь от этих подношений, все же оставили за собой основные права военного промысла. Поэтому, утром, в свободный день можно было видеть небольшие группы

солдат с палатками, отправляющиеся в поле, а вечером можно было видеть те же группы, возвращающимися тяжело, нагруженными семечками, кукурузой и т. п.

Отдыхали недолго. На третий день по прибытию уже принялись за усиленные занятия. «Гонять» начали хуже, чем в Белозорке. Командир решил, повидимому, одним своим полком уничтожить немцев и крамольников - большевиков.

Пока командир вел свои строевые занятия,— комитет начал организовывать школы грамоты. Ездил я в Единцы к какому-то попечителю училищ. Долго говорил насчет парт, помещений, досок, чернил и т. п. Но так - таки ни до чего не договорился. Однако, дело от этого не остановилось. В минуту особого расположения, командир полка милостиво согласился разрешить солдатам посещать школу и даже отдал приказание: по запискам комитета школьников отпускать в 5 часов вечера.

Началась какая - то организационная лихорадка. Все члены комитета наперерыв спешили чем - нибудь проявить свое сочувствие начинанию. Но большинство, дальше советов и суетливых разговоров не пошло.

В Ратунде оказалось помещение, в котором некогда существовала школа. Не смотря на то, что для наших целей помещение было несколько тесным, мы решили все - таки его использовать, не особенно считаясь с мнением единецкого попечителя.

За деревней, у мельницы, на чудном, сказочно - красивом пригорке, высился, колоссальный для тех мест, 2-х-этажный, деревянный дом; очевидно, бывшая резиденция мельника. Дом совершенно пустовал и солнечные зайчики спокойно нежились на гладком, сухом и прохладном деревянном полу. Мы решили этот дом приспособить под основную школу грамоты, а помещение школы использовать для групповых занятий с грамотными.

Начав хозяйничать, мы, в пику скупому школьному начальству, самостоятельно перетащили часть парт, одну доску в помещение у мельницы.

Через несколько дней все было готово. Школы,— как школы. Парты, доски и все такое прочее—на своих местах. Правда, две трети аудитории, даже при трехсменной нагрузке, должны будут стоять, но мы считали положение блестящим.

Наступил знаменательный день. Комитет постановил: всем членам полкового комитета, через ротные и командные комитеты

произвести вербовку учеников в ротах и командах, а списки их представить в трехдневный срок...

Но, перед самым началом занятий, совершенно неожиданно, появилось новое препятствие.

Ко мне явился трубач оркестра и санитар во время боя, «хохол», как его называли солдаты, полуинтеллигент-толстяк—Онуфриенко.

— Де голова ради?— спросил он переписчика.

— Чаво?

— Та я питаю,— де голова?

— Чавой ты: с'ума спятил что-ли-ча? Какая такая,— где голова?— изумился простодушный чуваш.

— Ганьба! Щоб у украинському полку, тай ще щоб нашої рідної мови не признавали?

Не знаю, чем бы кончилась зта беседа, если бы я не вышел на шум.

— Ось що голова...— начал Онуфриенко, обращаясь ко мне.— Чи тобі звісно, чи ти придуриваєшся, тай не хочеш знати, а тільки вже давно видано приказу, що наш корпус Український!

Действительно, об этом были какие-то смутные слухи, особенно много говорили об украинизации, когда высаживались на ст. Окница, но тогда, как и раньше, смеялись над этим, и никто серьезно не задумывался над смыслом действительно полученного приказа.

— Так в чем же дело?— спрашиваю.

— А діло бач у тому, що як Українській полк, то і неслід українцiв вчити московської мови. Ось що!

Теперь только я понял в чем дело. «Голова» вошел в роль и выпалил сразу то, что у него было ранее приготовлено и обсуждено с двумя-тремя единомышленниками.

— Так ось що... В українськім полку є багацько українців, котрі самі вміють вести справи, і більш ми комитету не признаємо, а буде у нас рада!

Говорить мне с ним не о чем было. Необходимо было раньше ознакомиться с официальными материалами и ознакомить с новым вопросом комитет. Пообещав дать ему ответ завтра и взяв с него слово, что демагогии и подпольничества он не допустит, я разослал телефонограммы всем членам полкового комитета, а сам отправился в штаб полка, чтобы ознакомиться с содержанием «телеграммы», как называли приказ об украинизации.

В приказе говорилось, что, идя на встречу национальным стремлениям украинского народа, организовать наилучше оборону Украины от дерзкого врага, впредь до окончательного разрешения вопроса учредительным собранием, наш 17 корпус, вместе с какими-то другими частями армии, передается в состав украинских войск и пополняться будет только украинцами. Однако, говорилось в приказе: «Управление Украинской армией сосредоточивается в руках единого командования Российскими армиями».

Собравшимся членам комитета я об'яснил о новой неприятности, предлагая сегодня же принять то или иное решение, поскольку вследствие наличия в полку около трехсот украинцев, прибывших с последним пополнением, создавалась действительная угроза серьезных недоразумений.

На заседание явился и Онуфриенко, облеченный титулом «голови культ-просвіточної комисії». Попросив слова, он обратился к собравшимся не то с протестующей, не то с агитационной речью, в которой призывал не делать ошибок, а предоставить украинскому полку самому заниматься своей культурно-просветительной работой...

Поднялись горячие прения. Говорили с жаром, живо реагировали с мест и мне с трудом удалось поддержать видимость порядка.

Когда какому-то быстро украинизировавшемуся члену комитета, пытавшемуся говорить на украинском языке кто-то с места крикнул: — «Балакаєть как Наталка-Полтавка» — в зале поднялся неудержимый хохот и заседание из серьезного, вначале, превратилось в комический эпизод.

Я настоял на своем предложении, и, незначительным большинством, собрание постановило назначить на ближайшее воскресенье перевыборы комитета.

Через час после того, как члены комитета разошлись по своим ротам и командам, ко мне пришли депутаты — члены комитета 7-й и 8-й рот, которые в значительной степени были укомплектованы украинцами, и сообщили, что в их ротах были «голова» (так окрестили теперь Онуфриенко), и недавно прибывший прапоршик Еленецький — из «щирих», которые уговаривали солдат не признавать «московского комитета», не воевать на чужой территории и в случае, если прикажут уехать из Украины,— отказаться от исполнения такого приказа. Очевидно, Бессарабия считалась ими также «Ненькой Украиной».

Дело начало принимать серьезный оборот. Полку грозило нарушение единства, дезорганизация, а ее мы тогда больше всего боялись.

Положение осложнилось еще тем, что вечером ко мне явились подполковник Вердеревский и прапорщик Кузнецов и негодующе заявили, что они не позволят пришлому элементу распоряжаться в полку, не потерпят никакой украинизации, что они уполномочены великорусской частью полка заявить, что они согласятся на украинизацию только в том случае, если им отдадут боевые полковые знамена, выделят их в отдельную великорусскую единицу с названием «Болховский полк», а украинцы— пусть тогда остаются и самоопределяются, как хотят.

Через час пришли еще менее утешительные известия. Едва не погиб вдохновитель украинского движения «голова», забравшийся было со свой проповедью в интернациональную команду разведчиков. Бегством ему удалось спастись от их расправы.

Все эти факты говорили за то, что украинизация не простая комедия. Что-то более серьезное крылось за ней и разгадка была именно в том, что украинизировали заядло-«кацапские» полки, о которых заранее было известно, что они украинизации не примут.

События разворачивались быстрей, чем их можно было предупредить. В комитет поступил ряд заявлений о переводе солдат в другие роты и команды. Украинцы стремились к своим, а русские к своим. Видно было, что среди солдат уже ходят какие-то оформившиеся слухи о том, какие части останутся великорусскими, какие перейдут в украинские войска. Солдаты уже по-своему распределили части полка и соответственно этому стремились устроить свое подданство, путем перевода в соответствующую роту или команду.

Была у нас группа безразличных. Основным признаком их недоумения служил вопрос: «Почему, когда нет самой Украины, как самостоятельной организационной единицы с устойчивым аппаратом, целые части армии, единство которой, как стимул обороноспособности неоспоримо, передаются Украинской раде?! Единство командования для таких скептиков было пустым звуком».

Меня интересует, что делается для украинизации в других полках. Необходимо еще выяснить точку зрения на вопрос дивизионного комитета, который теперь, также как и всегда в серьезные моменты, молчит.

Встав рано утром, седлаю лошадь и бодрой рысью в 30 — 35 минут покрываю отделяющее меня от Единец расстояние.

Чудная дорога... Бархатом стелется по холмам молоденький, сосновый лесок. Дорога вьется по оврагам, лощинам и невысоким холмам. Свежая зелень еще не тронута мортвящей рукой осени. Прозрачные облачка на чистом голубом небе серебрят пейзаж... Хорошо утром на безлюдном просторе... Без забот и без... войны.

Но вот Единцы.

Конь в мыле, но он и не такие аллюры переносил.

Была у этого коня своя боевая история. Красивый, стройный, быстрый, он привлек к себе внимание наших разведчиков, когда после одного из боев, с гордо поднятой умной головой и хвостом по ветру, один оказался живым на поле. С трудом поймали его, но оседлать так никто и не мог, не давался. Пришлось сдать его в обоз, а оттуда он попал в оружейную команду, где и ходил в патронной двуколке. На позицию с ним боялись выезжать. Чуть заслышит пение пуль и вой шрапнелей, подымает голову, забьет копытами и начинает вызывающе ржать, горячится, не слушает возжей. Так и считался — «неспособным». Я не мог примириться с положением кровного коня в обозе. Отдавая ему свободное время на протяжении нескольких месяцев, я, наконец, настолько приручил его, что у меня он начал ходить под седлом. Когда я обратился к командиру с просьбой отдать мне коня для нужд комитета, он не возражал, так как был уверен, что конем воспользоваться мне все равно не удастся. Однако, ему неудобно было взять свое слово обратно, когда через несколько дней он увидел, что дикий конь великолепно, на зависть всем офицерам, ходит под седлом, показывая недюжинную выездку.

Через две минуты — я у ворот большого сада помещичьей усадьбы, где располагался штаб дивизии. Рано еще. Никого нет в помещении. Только под большим дубом, на скамьях, расположилась оригинальная компания свежеприбывших офицеров.

Их четверо. Один бледный, с интелигентным лицом, поручик и трое бородачей, из которых два прапорщика, а один типичный армейский капитан старого времени.

На столике заносчиво кипел самовар. Походные чашки были наполнены горячим чаем. Жестянка с сахаром и бутылочка с неизменным клюквенным сиропом дополняли сервировку. Компания основательно закусывала, раздирая зубами куски свинного мяса, чавкая и отирая рукавами сальные губы.

Разглядев на моих плечах погоны «нижнего чина», завтракавшие принялись за оставленный было горячий спор. Прислуживавшие им трое деньщиков, с сапогами и щетками в руках, напряженно вслушиваясь в их беседу, старались уловить ее смысл. И меня заинтересовала тема спора. Поэтому, будто бы не обращая внимания на компанию, я расположился на ступеньках барского дома, занятого штабом, и, глядя в другую сторону, слушал все, что говорилось.

Грузный бородач, прапорщик, по акценту украинец, размахивая руками и захлебываясь от волнения кричит:

— Годі, б у д е! Дуже багато пили москалі нашу кров. Зараз ми сами будемо хазяйнувати на Вкраїні. А с німцями хай воюють москалі, а ми як не починали, так і кінчати не будемо.

Бледный поручик пытается что-то ответить. Но тут, пропитым басом вступает в разговор обрюзгший армейский капитан. Силясь подражать в акценте прапорщику, он говорит:

— Извиняюсь, панове. Дело в том, бачите, что рада справится з большовиками. Она их на Вкраину не пустыть, ось что. Керенский сам скоро большевикам продастся. Корнилова продал и всех нас продаст. А рада нет. Бо там профессора и вообще дюже образованные люди сидят. А мы должны раду поддержать. Грець с ней, с войной, абы с большевиками справиться.

— Но позвольте, спокойно, как бы нехотя, возражает бледный поручик.— Бороться и с немцами, и с большевиками легче всем вместе, чем порознь.

Тут вмешивается, до сих пор молчавший, третий офицер, повидимому поляк.

— Пшепрашу. Цо то есть Россия. Пф! То ест: ковалик Польши, ковалик Украины, ковалик Литвы, ковалик Финляндии, ковалик Турции. Прошу пане. На что тим ковалькам потшебна Россия?!

Этот характерный спор продолжался бы очень долго, еслибы в конце аллеи не показались длинные лакированные сапоги начальника штаба. Офицеры встали, обтянули френчи, поправили ремешки и сумочки и вытянувшись приготовились к встрече.

Полковник милостиво приветствовал приехавших. Через минуту все офицеры скрылись в стеклянных дверях канцелярии штаба.

Деньщики начали убирать со стола, пряча в карманы об'едки. Один из них, повидимому, признанный весельчак, ухмыляясь проговорил:

— Рады раде, абы не воевать!

Все дружно расхохотались, а другой деньщик, повидимому капитанский, сказал:

— А мой то никогда до войны на Украине не был, а туды же: грець с войной, абы не большевики. Подумаеш, тоже какой украинец выискался.

Солидный полный деньщик третьего офицера вмешался в разговор:

— По-моему,— говорит он,— все равно Украина, или не Украина, абы было, что кушать, да чтоб войну скорей кончали, а так и с Украиной пропадем.

Тщетно прождав еще с полчаса секретаря дивизионного комитета, я отправился в штаб Нежинского полка, чтобы там повидаться с ним, так как будучи командиром баталиона, он в это время должен был делать свой утренний доклад. Мои рассчеты оказались правильными. Найдя капитана, секретаря дивизионного комитета, в штабе полка, я отвел его в сторону и начал расспросы. Мой капитан только и мог, что разводить руками и мычать: мда... гм... и т. п. Я понял, что с этой стороны поддержки ждать нечего и поэтому решил узнать, как проходит украинизация в других полках. Оказалось, что секретарь дивизионного комитета об этом ничего не знает, что же касается Нежинского полка, то там пока еще этот вопрос не стоит. Просто приказ отпечатан и подшит в обычном порядке, а дальше, дальше... ничего, все по-старому.

Подтянул подпруги, вскочил в седло и шагом поехал к себе в Ратунды.

Опять холмы с ярким бархатом трав, с свеже умытыми росой елочками, пение птиц, туканье дятла, а там где-то, через холм мелькнул куцый заячий хвостик. Хорошо. И на кой черт эта война, а тут к тому же еще голова со своей украинизацией.

Подольше хочется побыть в этом состоянии покоя, где каждая травинка зовет к жизни.

XXIII

Долой Раду, долой Керенского

На следующий день, второго октября, мне принесли срочную телефонограмму из штаба полка. В телеграмме сообщалось, что в Единцах солдаты Нежинского полка вышли из подчинения

и громять лавки. Предлагалось принять меры к недопущению подобных безпорядков в нашем полку.

Сходил к Мирошкину, передал ему «бразды правления», а сам опять в седло и по знакомой дороге, галопом в Единцы.

Ни дыма пожаров, ни перьев, летящих по воздуху, ни битых стекол и посуды, ничего из знакомых еще с детства погромных аксессуаров в Единцах я не нашел. В местечке было тихо и совершенно спокойно. Только людей на улицах несколько меньше, чем обычно.

Уже в центре, у нелегальных винных погребов, я наткнулся на несколько бочек с выбитыми доньями. Проехав немного дальше, я встретил несколько офицеров нашего и Нежинского полка, которые, обнявшись и покачиваясь, сильно пьяные, держали курс в неизвестном направлении.

На площади тыкались свечками солдаты патрулей и стерегли тишину. Где же погром?

От членов Нежинского Полкового Комитета узнаю подробности: Несколько солдат зашли в погребок, чтобы по обыкновению освежиться кисленьким и мутным, свежим бессарабским вином. По приказу командующего корпусом, генерала Шилинга, это было строжайше запрещено. Однако, приказ оставался приказом, а офицеры и, подчас, солдаты продолжали отводить душу в прохладных погребках, потягивая прямо из штофов холодное вино. Некоторые офицеры настолько специализировались в этом деле, что выпивали по два штофа в один прием. Но в злополучный день, начальство почему-то оказалось особенно старательным и дежурный по полку офицер с утра предпринял обход официально существовавших — нелегальных погребков, с целью поймать нарушающих приказ Шилинга, на месте преступления.

Увидев в одном из погребков выпивающих солдат, дежурный по полку арестовал их. Солдаты полицейской команды, которым он поручил отвести арестованных на гауптвахту, отпустили одного из солдат в роту за хлебом и табаком. Когда солдаты в роте узнали, что за вино арестовали своих ребят, они настолько возмутились таким очевидным нарушением установившихся в Единцах традиций, что, вместо всяких заседаний, митингов и обсуждений, схватили «шанцевый инструмент» и, кинувшись в знакомый погребок, вытащили бочки на улицу и выбив днища, выпустили вино.

Не нам, так пусть и офицеры не пьют! Кричали они при производстве этой сложной операции.

Разбив несколько винных бочек, солдаты успокоились и разошлись по своим квартирам. Но панически настроенное начальство по-своему использовало инцидент. Разослали всем, всем, всем, телеграммы и телефонограммы о бунте и неподчинении. В телеграмме же, в штаб корпуса, попутно указали, что погром совершен при попустительстве комитета.

Корпусный комитет нашел благодарное применение ораторскому зуду своих членов и блестящее оправдание своему существованию: послал на смертный риск в Единцы своих «оборонщиков», как называли тогда солдаты сидевших в тылу комитетчиков. Узнав, что ждут делегацию из штаба корпуса, я решил остаться, чтобы присутствовать при знакомой, но все еще интересной комедии.

Часа в четыре дня, наконец, зафыркал по улицам Единец блестящий автомобиль, в котором демократически сидели «простые солдаты». Их щегольские, на английский военный манер, костюмы и бритые физиономии, пожалуй, превосходили щегольство самых ярых наших полковых франтов из офицеров, но погоны с зелеными нашивочками, все-таки говорили о том, что приехавшие всего только «нижние чины». Но эти нижние чины не походили на «своих ребят», от их холодных лиц, с презрительно выпяченными губами веяло чем-то чужим, интеллигентски-диким.

Не давая себе труда сойти с машины, по манере Керенского, которого эта публика в то время по-женски обожала, через встречного солдата они вызвали к себе на площадь командира Нежинского полка.

Когда последний явился в «полной форме и при орденах», они, пошушукавшись с ним, предложили собрать на площади полк. Командир отдал приказ и через $^1/_4$ часа на площади поротно собрался полк, без оружия.

Один из приехавших, одетый в щегольский френч и пресловутую керенку, встал во весь рост и, не сходя с машины, начал свою речь. Приблизительно, он сказал следующее:

— Товарищи! Вы принадлежите к славной дивизии, с славным боевым прошлым. Не раз вы гнали и уничтожали во много раз превосходящего вас силами неприятеля. Теперь вам оказана особая честь. — Вы в резерве Верховного Главнокомандующего, тов. Керенского...

С особой экспрессией произнеся имя, по его мнению, «любимого» вождя, он остановился, ожидая восторженных кликов в

честь последнего, но полк мрачно молчал, ничем не проявляя своего настроения. Разочарованный оратор не дождался даже самых простых реплик. Оправив свои золотые пенснэ, подтянув голенища сапог и откашлявшись, он продолжал.

Но последние дни история вашей славной дивизии получила новое направление. Уже несколько недель, как дивизия стала Украинской. Перед каждым из вас — новые широкие государственные перспективы. вы избранная гвардия воскресшего революционного народа. И, вдруг, сегодня, не считаясь с высоким званием солдата революционной армии, вы — устраиваете самый настояший погром. Виновные в подстрекательстве, а такие среди вас, к сожалению, несомненно есть, понесут должное наказание, но вы ударники, резерв Верховного Главнокомандующего, тов. Керенского, должны раз навсегда отмежеваться от втесавшихся в ваши славные ряды преступников и шпионов и выдать их в руки революционного правосудия. Только таким образом можете вы искупить свою вину.

Ничего нового. Даже если бы я и не присутствовал на этом митинге в строю, то и тогда, все равно, знал бы содержание этой речи.

Солдаты топчутся на месте. Чувствуется, что у каждого на языке вертится свое крепкое, простое и безхитростное слово...

Один из членов Нежинского полкового комитета, повидимому в прошлом чернорабочий, рядовой солдат, берет слово. Важные корпусные гости снисходительными кивками голов дают свое согласие.

«Пусть, мол, свой поучит, сильней будет» — написано на их выхоленных лицах.

Но «свой», вместо того, чтобы учить, сразу становится на совершенно иную позицию. Его несложные, но тяжелые, точные слова, бьют по лысинам умных гостей и под их ударами морщатся их выхоленные лица и кислеют губы.

— Товарищи, — говорит он. —Что это нам за честь, что мы в резерве Его Величества, Верховного Главнокомандующего Керенского? Спасибо ему за эту честь, но больше чести дома! Вишь, тут резервы собирают, значит собираются воевать до конца свету. А потом: Что это за подстрекатели? Извольте, — можем вам выдать. Мы-то от них давно отмежевались, а вот вы их сами разводите. Берите и судите за погром нашего дежурного офицера, а за пьянство всю офицерскую братию, заодно!

Дальше говорить ему не дали. Дикий радостный вопль вырвался из сотен грудей. Громом пронеслось:

— Правильно. Правильно...

— Откуда то-голос: Товарищи...

Все оборачиваются. На дереве молодой солдат с говорящими глазами:

— Товарищи, — кричит он полку. — Пора уже покончить с этим! До каких пор будем мы слушать разговоры, за которые потом будем лить свою и таких же рабочих и крестьян, как мы, кровь?! Кому нужна эта война? Миллионы погибших наших товарищей, их сироты и дети, их кровь, требует отмщения! А наши искалеченные товарищи?! Их несколько миллионов. Я был в Киеве и видел, как они на костылях ходят по улицам и протягивают руки, просят по копейке на хлеб у тех, которые послали их на эту бойню. И эти звери, толстопузые буржуи, для которых война — нажива, отталкивают их как паршивых собак. Доколе же мы будем терпеть? Доколе будет длиться это самоубийство? Керенский нам не вождь! Он заставляет воевать до победного конца. Он нас послал в наступление 18-го июня. Он держит нас в резерве, чтобы с новыми силами начать новое кровопролитие. А разве сейчас, когда мы отдыхаем, там, на позициях, не льется кровь наших братьев? Что они нам поют про украинизацию. Керенский за одно с Радой. И Раду они устроили для того, чтобы украинский народ, в надежде на куцую свободу, нашел в себе силы дальше продолжать эту нелепую бойню. Товарищи! Скажем же этим франтам, — указал на приезжих, — что нам ни Керенский, ни Рада не нужны. Мы сами построим свою республику, как захотим, а на предложение выдать зачинщиков скажем: выдайте вы нам зачинщиков! Выдайте тех, из-за которых вот уже три года льется невинная кровь. Выдайте Николая, с которым целуется Керенский и выдайте самого Керенского!

Долой Войну!

Долой Раду!

Долой Керенского!

Кто-то крикнул ура. Как бы проснувшись, во всю ширь солдатских грудей, полк подхватил клич:

«Долой Раду!»

«Долой Керенского!»

«Домой, домой!»...

Многие солдаты бросились друг другу в об'ятия. Многие целовались. Реакция нового слова после пережитых ужасов, слова, которое нашло себе живой отклик в каждом измученном сердце, была настолько велика, что закаленные в боях люди не могли сдержать своих чувств.

— Вот те простой солдат, а что сказал,— говорили солдаты.

— Наверное большевик,— говорили другие.

— И откедова ен взялся,— интересовались третьи.

Я хотел найти этого героя, смело бросившего правду в глаза рутине, но так и не удалось мне розыскать его в густой волнующейся толпе.

Затрещал мотор. Сконфуженные корпусники поспешили убраться по добру и по здорову. Помчались в штаб корпуса, чтобы донести, что полк действительно взбунтовался. Но на них никто больше не обращал внимания.

XXIV

Под Петроградом

События в Нежинском полку не замедлили отразиться на всех полках дивизии. Странной жизнью зажил наш полк. Внешне тихо, спокойно, только занятий нет, а где-то внутри полка, или внутри вот этих широких солдатских грудей, что-то хрипит, рычит и клокочет. Вот-вот вырвется наружу и тогда... тогда конец бойне, конец мучениям, конец старому!

Сосредоточенные лица «себе на уме» солдат, небольшие шопотом переговаривающиеся группы и группочки, полное игнорирование полкового комитета и отсутствие обыденных мелких недоразумений, создавали какое-то особо-настороженное, серьезно-торжественное настроение.

В воздухе уже чувствовалась осень. Уже «молдаване» ели мамалыгу из новой кукурузы, пили вино из нового винограда. Позже подымалось и раньше заходило солнце. Война все продолжалась. Где-то на западе, недалеко от нас, — верст за 35 — 40, лилась еще алая кровь. Но теперь мы уже отчетливо знали, для чего она льется.

В этом была вся трагедия тогдашней действительности. На четвертом году войны, после стольких жертв и страданий узнать, что война эта вовсе не нужна и, что она была возможна исключительно из-за нашей собственной темноты!

Вспоминались лица вырванных из жизни жизнерадостных товарищей. Вспоминалось тысячу раз склонявшееся над тобой лицо смерти, собственные муки и отчаяние и как-то больно становилось, что все это лишнее, что все это продукт собственной косности. Поневоле в душе прощал тех заклейменных позором, которые нашли в себе мужество бежать от этой дикой бойни. Слово «дезертир» уже не было таким ужасным стимулом трусости. Наоборот, в сознании, вокруг таких имен выростал ореол геройства, которого у нас, темных, в свое время не нашлось. Но теперь все понимали, что дезертировать нельзя. Теперь дезертирство только на руку нашим врагам. Сплоченность солдат, вытекавшая из обстановки в конце семнадцатого года, была следствием чувства самозащиты.

Формулировке этих настроений много способствовали появлявшиеся с каждым пополнением новые и новые кадры агитаторов-большевиков.

Раскрепощенное сознание находилось в ярком контрасте с запроданным телом. Тело до сих пор находилось в залоге за пылкие февральские слова. До сих пор «совесть» не позволяла открыто плюнуть на все условности и сказать: довольно.

А товарищи на фронте? — вставал вопрос в минуты назревания решающих мыслей. И все ждали, ждали... Чего ждали? — Единовременного оставления всеми позиций. А как сговориться, — это уже дело большевиков. Они все сами сделают. Наше дело только не выпускать винтовок и ждать.

Все чаще проникали в полк слухи об отказе в повиновении Временному Правительству то тех, то других частей. Если бы мы стояли в это время на позициях, пожалуй, и мы давно уже были бы в разряде взбунтовавшихся. Но тыловая обстановка и присмиревшее начальство, не давали «пороховому погребу», в каковой превратился наш полк, нужной искры.

Прогремела первая весть о нашем новом поражении на северном фронте и о движении немцев на Псков.

В газетах вопль:

Питер в опасности!

Керенский не замедлил потребовать на помощь нас, свой железный резерв, на смену «разложившимся» «большевистским» полкам.

С 8-го октября мы стали готовиться к новому походу, — на Псков.

12 октября был отдан приказ о порядке движения, а еще через несколько дней двинулись походным порядком к станции железной дороги.

Опять потянулись бесконечные слегка холмистые Бессарабские степи. Опять та же нескончаемая пыльная дорога. Только теперь уже по сторонам не зеленели, а желтели поля мертвых кукурузных скелетов.

Три эшелона ждали наш полк на станции Окница. В несколько часов погрузили живую силу, а обозы остались дожидаться четвертого эшелона.

Заскрипели оси, загромыхали, запрыгали расшатанные вагоны, засопел старый паровоз. Вяло потянулись на Украину вагоны, груженные пушечным мясом...

Через два дня мы на станции Казатин. Керенский торопит, а вот стрелочник не торопится. И сутки простояли в тупике. Наконец, двигаемся на Жлобин, Могилев, Оршу...

Медленно перебираемся от пункта к пункту. Проходит две недели пока добираемся до знаменитой станции «Дно».

— Вот те и дно, — говорят солдаты.

— Имянно Дно...

— Дно Рассеи. Тут те и Питер сбоку, и Москва недалеко.

Выгрузились. Ждем других эшелонов.

При перекличке, — 40% состава не досчитались. Почти все новоприбывшие украинцы, при проезде через Киевскую губернию, оставили эшелоны. Несколько таких уволивших себя «на побывку», все же через два дня присоединились к полку, нагнав его на станции Дно.

Каким-то особым чутьем умели солдаты находить по путям, загроможденным массою воинских эшелонов, путь следования своего полка. Часто коменданты, запутавшись, не знают куда направлен эшелон того, или другого полка, а солдат найдет.

К комендантам такие солдаты вообще редко обращались за справками.

А то еще, чего доброго, возьмет, да как дезертира и направит на ближайший этапный пункт. А там — дело известное — в свой полк попадешь на будущий год.

Пустые эшелоны проходят мимо станции, а нас почему-то не грузят.

Наладили продовольственное снабжение. Квартирмейстер Хоменко куда-то ездит, а потом оттуда приходят возы с фуражем

и хлебом, а мы все стоим да стоим, расположились как на бивуаке.

— Чевой етта стоим? Рази назад Ригу взяли, недоумевали солдаты.

«Ну, да — Ригу! Держи карман шире! Как бы етта, здесь позиция не прошла».

Через несколько дней распространился слух, что скоро поедем обратно — на Оршу. После обеда приказали грузиться и вечером повезли полк в неизвестном направлении, в противоположную сторону. Под утро проехали не останавливаясь через станцию Луга. Днем выгрузились в Царском селе. Дальше путь был прерван. На железной дороге бастовали. В кабинете начальника станции, кроме служащих, находились еще какие-то странного вида люди. Чувствовалась какая-то настороженность, скрытая опасность. Солдаты начали перешептываться, заинтересовался положением и комитет. Кроме нашего полка, на станции оказались какие-то казачьи части, броневики, а ночью сюда подошла и наша артиллерийская бригада.

Из разговоров с казаками я узнал, что в Питере большевистское восстание, что их, как и нас, привезли для наступления на большевиков, но мнения о большевиках в частях разделились и теперь ждут решения комитетов.

На утро у казаков состоялся митинг. Выступал генерал Краснов, командовавший конным отрядом. Большинство казаков молчало, но из задних рядов часто вырывались реплики вроде:

— Кончай войну! Мир хижинам, война дворцам!

Наши пехотинцы, рассыпавшись в толпе казаков, принимали участие в митинге, а после, возвратясь в полк, долго судачили, пережевывали услышанное и решили, что Краснова слушать нечего, потому, что он генерал, значит чужой. А на рабочих, которые теперь в Питере взяли власть в свои руки, итти нельзя...

Роль комитета в этих событиях была сведена к нулю. Комитет больше не имел никакого влияния на массы и растерянность воцарилась в кругу комитетчиков.

Этим воспользовалось начальство и отдало приказ полку, — походным порядком направиться на Петроград. Солдаты не сговариваясь пошли, но чувствовалось, да и из разговоров ясно было, что наступать на Питер они не будут. Не прошли мы и пяти верст как вдали, навстречу нам, показались одна за другой две бронемашины, над которыми развевались красные флаги.

Солдаты первого баталиона в нерешительности остановились. За ними остановился и весь полк.

Командир, ехавший впереди, куда-то исчез. С ним исчезла и «свита».

Под'ехав вплотную, первый броневик остановился. Над башней его показался в синей блузе рабочий и громко спросил:

Вам хлеба или войны? Солдаты начали топтаться на месте, а выскочивший вперед Брежнев крикнул:

Хлеба и мира! Рабочий с броневика, взмахнув шапкой крикнул: Да здравствует Совет Рабочих и Солдатских Депутатов!

Многие из солдат подхватили этот клич. Многие старались перекричать толпу:

Долой войну!

Ряды скомкались. Полк превратился в толпу, только штыки винтовок говорили о том, что здесь не просто толпа, а «солдаты».

Товарищи! — обратился к нам рабочий с броневика.

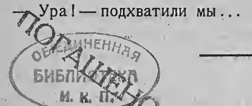
Все насторожились.

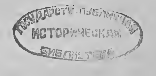
— Товарищи,— говорил он,— уже неделю, как Совет Рабочих и Солдатских Депутатов взял власть в свои руки. Керенский никогда бы не кончил войны, Керенский никогда не дал бы земли и воли. Корнилова он отпустил под видом побега. Это значит, что он за одно с Корниловым. Нам нечего рассчитывать на буржуазные дипломатические совещания. Нам не на кого рассчитывать, кроме самих себя! Вас хотят вести на Питер против ваших братьев, борющихся за мир и хлеб, для вас же. Сотни раз буржуазии удавалось, восстановив одну часть трудящихся против другой, избавиться от революционной опасности, но на этот раз ей это не удастся. Вы сами были в том аду, который называется фронтом. Вы сами убедились к чему привело владычество буржуазии. Неужели же вы пойдете против своих?

Никогда! Никогда! Кричали солдаты.

— Да здравствует власть пролетариев,— закончил свое обращение к нам, рабочий.

— Ура! — подхватили мы...

СОДЕРЖАНИЕ

Государственное Издательство Украины

Харьков, площадь Тевелева, 4. Телеф. 8-35, 16-38.

ТЕОРИЯ МАРКСИЗМА

Адлер, Макс. Марксизм, как пролетарское мировоззрение. 44 стр., ц. 20 к.

Бухарин. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. 316 стр., ц. 1 р.

Бухарин и Преображенский. Азбука коммунизма. 3-е дополненное издание. 264 стр., ц. 1 р. 20 к.

Каутский, К. Размножение и развитие в природе и обществе. Перевод с рукописи под ред. Рязанова. 180 стр., ц. 70 к.

Каутский. Происхождение христианства. 352 стр., ц. 1 р. 35 к.

Каутский. Карл Маркс и его историческое значение. 48 стр., ц. 40 к.

Ленин. Империализм, как новейший этап капитализма. 92 стр., ц. 40 к.

Маркс. 18-ое брюмера Луи Бонапарта. Перевод под ред. и с примечаниями Базарова и Степанова. 88 стр., ц. 55 к.

Маркс. К критике политической экономии, с приложением статьи Маркса— Введение к критике полит. экономии. 176 стр., ц. 1 р.

Памяти Людвига Фейербаха. Сборник статей Семковского, Рохкина, Машкина и Гуревича. Изд. 2-е дополнен. 302 стр., ц. 55 к.

Плеханов, Г. Утопический социализм XIX в. 89 стр., ц. 45 к.

Семковский, С. Марксистская хрестоматия. Пособие для преподавателей и студентов.

Часть I. Учение Маркса. Изд. 4-е, значительно дополненное. 711 стр., ц. 3 р. 50 к., в переплете 3 р. 75 к.

Семковский, С. Исторический материализм. Сборник статей. Издание 4-ое. 290 стр., ц. 1 р. 40 к.

Семковский, С. Конспект лекций по историческому материализму. Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. 165 стр., ц. 65 к.

Унтерман, Э. Наука и революция. Исторический очерк развития теории эволюции и влияния классовых интересов на философские и научные теории. 116 стр., ц. 40 к.

Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 83 стр., ц. 50 к.

ЭКОНОМИКА

Альтерман. Хлебные рессурсы Украины. 178 стр., ц. 1 р. 50 к.

Багданов, А. Начальный курс политической экономии в вопросах и ответах. Введение в политическую экономию. Изд. 2-ое. 190 стр., ц. 50 к.

Богданов, А. Краткий курс экономической науки. 240 стр., ц. 1 р.

Борхардт, Юл. История экономического быта Германии. 80 к.

Дашковский, И. Конспектированный курс политической экономии. Лекции, читанные в Коммунистич. Университете имени Артема в 22-23 учебн. году. Изд. 2-е. 316 стр., ц. 1 р. 40 к.

Кржижановский, Г. Основные задачи электрификации России. 60 стр., ц. 25 к.

Ленин. О новой экономической политике Совввласти. 25 стр., ц. 5 к.

Павлович, М. Экономические основы внешней политики современ. государств (Что такое милитаризм), 56 стр., ц. 25 к.

Преображенский, Е. Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры. 88 стр., ц. 30 к.

Сальвиоли, Г. Капитализм в античном мире. Этюд по истории хозяйств. быта. С предисловием Каутского. Изд. 2-е. 192 стр., ц. 1 р. 50 к.

Слабченко. Организация хозяйства Украины от Хмельнищины до мировой войны (в 6 т.).

Вышли в свет три тома.

Том I. Землевладение и формы сельского хозяйства Гетманщины в XVII-XVIII ст.ст. 222 стр., ц. 1 р. 25 к.

Том II. Судьбы фабрики и промышленности в XVII-XVIII ст.ст. 208 стр., цена 1 руб.

Том III. Очерки торговли и торгового капитализма Гетманщины в XVII-XVIII ст. ст. 192 стр., ц. 1 р. 25 к.

Сухов А. Курс экономической географии.

Экономическая география Украины. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. 200 стр., ц. 1 р. 20 к.

Экономическая география Англии. Изд. 2-е, перераб. и дополн. 260 стр., 1 р. 65 к.

Экономическая география Франции. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. 192 стр., ц. 1 р. 20 к.

Государственное Издательство Украины

Харьков, площадь Тевелева, 4. Телеф. 8-35, 16-38.

ПОЛИТИКА

Берглер. Фашизм. 30 стр., ц. 15 к.

Кузнецов. За работой (Хороший председатель волисполкома—клад для Советской Республики). С предисловием Г. И. Петровского. 70 стр., ц. 15 к.

Лебедь, Д. Итоги и уроки трех лет анархии махновщины. 56 стр., ц. 10 к.

Лебедь, Д. На повороте. 46 стр., ц. 15 к.

Раковский, Х. Г. Англия и Россия. 40 стр., ц. 15 к.

Раковский, Х. Г. Комитеты незаможных селян и новая экономическая политика. 69 стр., ц. 20 к.

Раковский, Х. Г. Союз Социалистических Советских Республик. 28 стр., ц. 25 к.

Раковский, Х. Г. Пять лет Украинской Советской власти. 20 стр., ц. 20 к.

Яковлев, Я. Русский анархизм в великой русской революции. 88 стр., ц. 20 к.

СОВЕТСКОЕ ПРАВО

Гражданский Кодекс Советских Республик. Текст законов с вводными статьями и постатейным комментарием под общей редакц. Малицкого. 319 стр., ц. 1 р. 40 к.

Кобалевский и Готфрид. Жилищное законодательство У. С. С. Р.—Сборник декретов, циркуляров и инструкций по жилищному вопросу с комментарием и алфавитным указателем. 214 стр., ц. [illegible]

Руководящей идеей при составлении сборника было дать населению удобную для практического пользования настольную книгу, в которой было бы собрано все действующее право по жилищному вопросу.

Палиенко, И. Конфедерации, федерац. и Союз Соц. Сов. Республ. 71 стр., ц. 40 к.

Право Советских Республик. Выпуск I-й: Уголовный Кодекс У.С.С.Р.; Уголовно-Процессуальный Кодекс У. С. С. Р.; положение о нарсуде У.С.С.Р.; положение о прокурорском надзоре; постановл. ВУЦИК о Госполитуправлении; постановление ВУЦИК о чрезвычайных сессиях Губревтрибуналов. Под редакцией Губпрокурора Киевщины. 188 стр., ц. 60 к.

Эйшискан и Гельман. Положение о векселях (утвержденное ВУЦИК'ом). Практическое руководство. 80 стр., ц. 20 к.

ПРОФДВИЖЕНИЕ

Ауэрбах. Маркс и профессиональные союзы. 116 стр., ц. 25 к.

Колесников. Профессиональные союзы и контрреволюция. 408 стр., ц. 1 р. 30 к.

„...Книга представляет собой историю профдвижения на Украине и заслуживает внимания и одобрения со стороны и историка революции, и профессионалиста, и учащегося, и всякого сознательного пролетария. Отрадно также отметить, что такая ценная книга издана исключительно приятно, а художеств. исполнение концовок и заставок в тексте увеличивают ее импозантность".

(Из рец. в газ. „Известия ВЦИК" от 20/VIII 23 г.)

Пастернак. Что должна знать работница об охране женского труда. 32 стр., ц. 10 к.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. 411 стр., ц. 3 р.

Кунов, Левина-Дорш. Техника доисторической эпохи.

...Для первоначального ознакомления с историей технических достижений в доисторическую эпоху книга Левиной-Дорш и Кунова может служить превосходным пособием.

(Из предисловия проф. Кагарова).

Ч. I. Огонь-жилище. Перевод с немецкого проф. агарова. 123 стр., ц. 75 к.

Ч. II. Добывание и приготовление пищи. 103 стр., ц. 60 к.

Ч. III. Оружие. Украшение тела. Одежда. 116 стр., ц. 70 к.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТОРГОВЫЙ ОТДЕЛ

Харьков, 2-й Советский пер., 2, тел. 15—82.

Отделения: В Киеве — ул. К. Маркса № 2; Одесса — Пушкинская, 1; Екатеринославе — Садовая, 1; Москве, — Лубянская пл., № 2/6; Ленинграде — Проспект Володарского, 28.

Торговые конторы: в Виннице—Ленинский пер., 7; Житомире—Михайловская, 21; Полтаве — угол Октябрьской и Котляревской; Чернигове — Шоссейная.

Агентства и контрагентства во всех городах Украины.

